

РУССКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

И

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

ВЫПУСКЪ III.

На нашей улицѣ праздникъ.

Русская поговорка.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чпобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, 1838 года Августа 9 го дня.

Ценсоръ В. Флеровъ.

РУСКІЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Издан. П. Снегирева.

-
- I. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.
 - II. КРАСНАЯ ГОРКА.
 - III. РАДУНИЦА.
 - IV. ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.
 - V. СВИСТОЦЛЯСКА.
 - VI. ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННИЙ.
 - VII. ПЕРВОЕ МАЯ.
 - VIII. ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.
 - IX. СЕМЕКЪ.
 - X. ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.
-

I.

ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы отъ сна зимняго и со вступленіемъ солнца въ знакъ Овна начинающся весенніе праздники, гулянья и хороводныя игры, которыя имѣютъ отношеніе къ времени года, климату, мѣстности и связь съ жишейскимъ бытомъ Русскаго народа.

Весна, подобно солнцу, называется *красною*. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ весна именуется *яръ*, *gār* (произн. *яръ*); у Скандинавовъ *vār*, *vor*, начало весны, на Исландскомъ *заг* значить годъ, весну, жатву (1). Слова сіи производствомъ и знаменованіемъ сходны съ Греческимъ *ἔαρ* весна, происходящимъ отъ Еолійскаго *ἄρ*, вмѣсто *ἦρ*, Лапин. *ver*. *Ярѣ* является и олицетвореннымъ въ Славянскомъ мірѣ. Въ Далмаціи донынѣ сла-

(1) Нѣм. *Jahr*. Но Слав. *яръ* и Сканд. *var* кажутся пождествительными съ Славянонорск. *варъ* и *жаръ*. — Edda rythmica, sev antiquior, vulgo Saemundina dicta. v. III. Havniae 1828, in 4.

вѣсть *Яра* на свадебныхъ пиришествахъ (2), отъ котораго происходитъ и *яровое* и пр. Слова сія, по видимому, однородны съ Славяно-Русскимъ *Ирѣ*, которое издатели Духовной Владиміра Мономаха почитаютъ за Сарматское слово, объясняя его восходомъ солнечнымъ и теплыми мѣстами, или краями, куда около Покрова дикія птицы улетаютъ и отшуда прилетаютъ около Благовѣщенья (3). Въ Сербскомъ и Болгарскомъ нарѣчіяхъ весна называется *пролѣтъ*, въ Боснійскомъ *prolitje*, *primaletje*; а первые три весенніе мѣсяца Мартъ, Апрель и Май въ старомъ Рускомъ языкѣ — *пролѣтіелѣ* и *пролѣтними*, какъ бы предлѣтіемъ. У Чеховъ и Словаковъ первый день Марта, или Березозоля, извѣстенъ былъ подъ именемъ *Letnice*, *Ženské Letnickj*, вѣроятно отъ Славянской Лѣтницы, Лѣпы, Ляпоны; въ народномъ Рускомъ языкѣ *лѣто* часто употребляется вмѣсто весны.

Чтожь касается до слова *весна*, то оно уже встрѣчается въ Славянской Библии, гдѣ описывается состояніе земли послѣ Потопа (4). Оно созвучно, черезъ преложеніе, съ Еврей-

(2) Карамз. II. Г. Р. I, 88.

(3) „Н сему подивуемся, како птицы небесныя изъ *Прѣл* „идуть.“ см. Духовная В. К. Владиміра Моном. Слб. 1793, въ 4. *Лѣто* у Виновъ — годъ.

(4) *Бытія* VIII, 22: „*Лѣто* и *весна* не престануть.“

скимъ Nisan, именемъ не только Марта, но и другихъ весеннихъ мѣсяцевъ (5), изъ коихъ Апрель называется Iar (Йяръ). Рейфъ въ Рускомъ Словарѣ производить слово *весна* отъ Санскритскаго Vasantá, праздникъ *вешній*; но, кажется, оно созвучиѣ съ Инд. *Вишну*, который почитается за первое начало питательныхъ водъ, за связь всѣхъ существъ (6). Впрочемъ отъ ясности внешней погоды это время года могло быть названо *ясна*, а съ прибавленіемъ губной буквы *в*, нашей дигаммы въ нѣкоторыхъ словахъ: *в*—*ясна*!

Епотъ мѣсяцъ, по причинѣ случающагося въ немъ весенняго равноденствія, былъ священнымъ у всѣхъ народовъ, а время непосредственно предъ вступленіемъ солнца въ знакъ Овна было у многихъ порою печали и сътнованія. Индійцы въ началѣ Марта праздновали малый праздникъ Durga, или природы - богини, коей большой праздникъ совершался въ осеннее равноденствіе. Оба сіи праздники вспрѣчаются съ обоими Байрамами Мусульмановъ. Около этого времени (24 Марта) въ Римѣ бывалъ Цибеллинъ праздникъ Sanguen, на коемъ жрецы

(5) Dictionnaire historique, critique, chronologique, geogr. et liter. de la Bible, par D. A. Calmet. à Toulouse. t. IV. 1784, in 8.

(6) Religions de l'Antiquité, ouvrage traduit du D. Fr. Krenzer. t. I. à Paris, 1825: in 8.

ея оплакивали убиеннаго Аппса — по мнѣнію Макробія — символъ солнца, возвращеніе ко- его на весну въ слѣдующій день встрѣчаемо было общимъ радостнымъ праздникомъ, Nilaria (-). Такъ какъ, по древнему Персидскому календарю, Мартъ былъ не Ferwerdin, но Ader, поэже что Египетскій Athyr: то надобно еще замѣтить, что въ етомъ мѣсяцѣ Египтяне вспоминали, общимъ сѣтованіемъ, погребеніе Озириса, который не что иное, какъ солнце, отсутствующее и возвращающееся на весну подъ изображеніемъ убиеннаго владыки и гроба. Въ мѣсяцѣ Адеръ бывала также торже- ственная ѣзда на ослѣ, на котораго сажали, на посмѣшище народу, балагура; подобный об- рядъ на Западѣ наблюдаемъ былъ въ средніе вѣки и даже въ новѣйшія времена. По свидѣ- тельству Плутарха (8), въ Аѳинахъ пальмо- выя вѣтви носимы были по спогнамъ гра- да въ праздникъ Въшвеноченія что и до- нынѣ совершаенся на всемъ Восокѣ при брачныхъ обрядахъ. Также въ Индіи, въ концѣ Марта мѣсяца, или въ началѣ слѣдующаго встрѣчаемъ былъ съ пламенниками праздникъ Darmaradscha и Drobede, въ продолженіи коего

(7) A. Macrobius viri consularis Saturnaliorum. Eucharis Cer- vicor. exudebat. an 1526, in. f.

(8) Plutarchi Theseus, c. 23. — W. W a d s m u t h s Hellen. Alterthümefunde. Halle. 1829. 3 Th. in 8.

посыпáлись главы пепломъ. Наконецъ, въ весеннее равноденствіе впадалъ одинъ изъ двухъ великихъ праздниковъ у Іудеевъ, *новый св. годъ*, у Персовъ *Newguss*, праздникъ новолѣтія (9).

Какъ Мартъ изкони почитался первымъ мѣсяцемъ міра: по и въ Россіи до ХѲ вѣка признаваемъ былъ за первый мѣсяцъ гражданскаго года и сопровождался разными обрядами и играми. Къ етому давала поводъ сама обновлявшаяся природа: ибо, когда послѣ весенняго равноденствія начинаюся *утренники*, подуютъ теплые вѣтры весенніе, красное солнце согрѣваетъ застылую землю, *сѣ горѣ* текутъ вешнія воды; тогда поселянинъ вызывается къ дѣятельности изъ курной душной избы на пропашки, на чистыя поля и привольные луга; по мѣстамъ бываюшъ торги и *ярмарки*, которыя оживляютъ народную промышленность и способствуютъ къ сближенію людей. Въ вешнюю пору, когда земледѣлецъ собираетъ сѣять *яровое* и садитъ хмель *ярый*: тогда варится *Мартовское пиво*, прославляемое Русскими пословицами и играются на красную горку свадьбы: имъ предшествуютъ и за

(9) Die Feste der alten Christen, oder Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie, von D. J. B. Augusti. III B. Leipz. 1820, in 8.

ними послѣдуютъ хороводныя пѣсни и игры: онѣ торжествуютъ *ладѣ* двухъ началъ міра, проявляемаго человѣкомъ, и обоихъ половъ, изъ которыхъ одинъ прообразуется солнцемъ, а другой луною, которая именуется у Поляковъ *księżyc*. Какъ простой народъ называетъ солнце *Княземѣ*, а мѣсяцъ, или луну, *Княгиней*: то, вѣроятно, по етому и новобрачный величается *Княземѣ*, а новобрачная *Княгиней*. Самая церковь при вѣчаніи обручаетъ перваго символомъ солнца, золотымъ перстнемъ, а другую символомъ луны — серебрянымъ перстнемъ, въ прообразованіе подчиненія послѣдней первому, и полагаетъ на главы ихъ символъ вѣчнаго союза — *вѣнцы*, извѣстные въ древностяхъ Греческихъ и Римскихъ (10).

Главный же изъ праздниковъ весеннихъ языческаго происхожденія, знаменующій собою союзъ природы съ жизнію человѣческою — *закликаніе весны*, соединенное съ *изгнаніемѣ* мертващей *зимы*, или *смерти*; онъ извѣстенъ не только у Балтійскихъ Славянъ, но и во многихъ мѣстахъ Германіи подъ разными названіями.

У Скандинавовъ, особенно у древнихъ Шведовъ, начало весны или *Höfudblót*, въ Язы-

(10) Потребныхъ мірской. Москва. 1639. въ листъ.

чеснѣ было главнымъ и великимъ празднествомъ, особливо въ Упсалѣ (11), которое сопровождалось торжественными жертвоприношеніями, поргами, играми, въ продолженіи цѣлой недѣли, въ концѣ Февраля, который у язычниковъ и Хрістіанъ именовался мѣсяцемъ *отистительнымъ*. У Чеховъ и опчаспи у Нѣмцевъ первое число Марша почипалось за начало весны и первымъ днемъ въ мірѣ. *Hie wart der erst dag in der welta*, по старинному Нѣм. календарю (12). Какъ у Персовъ, такъ и у древнихъ Славянъ тогда въ Язычеснѣ совершалась торжественная призна съ жертвоприношеніями и факелами: во многихъ Славянскихъ земляхъ донынѣ, по замѣчанію Карамзина, сохранились слѣды праздника въ честь мертвыхъ, сходнаго опчаспи съ Рускою Радунцею, когда, по свѣдѣтельству Сноглава, *творили оклики покойникамъ*. Въ началѣ Марша тамъ воспѣвалась кончина зимы и сжигалось соломенное ея чучело (13). Епощъ праздникъ у южныхъ Шведовъ и Готѣовъ, у Силезцевъ и

(11) Edda Saemundina, p. III. continens locupletissimum priscorum borealium Theosophicae Mythologiae Lexicon atque eorundem gentile Calendarium.

(12) Geschichte der Meinungen älterer u. neuerer Völker, 2 Th. Brendal. 1784, in 12.

(13) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde von Dr G. Klemm. Dresden. 1836, in 8.

Чеховъ также извѣстенъ подѣ именемъ *за-мореной зилы и возобновляющейся весны. См. Масляница. У послѣднихъ весна, называемая Мараною, встрѣчается пѣсней:*

Giż niesm smret ze wsy,

Nové léto do wsi.

Wjtey lèto libezné,

Obiljéko zelene!

п. е. „Уже несемъ смерть изъ веси; а новое „лѣто въ весъ. Здравствуй, любезная весна и „обиліе земное (зеленые хлѣба)!“ Около етого времени, донынѣ въ Бѣлоруссіи и Липвѣ поселяне носятъ пищу на могилы родительскія.

Польскій Историкъ въ XVI вѣкѣ Маршинъ Бѣльскій говоритъ: „Мечиславъ въ „965 году отъ Р. Х. приказалъ бросить въ огонь деревянные испуганы, а каменные по- „шопить въ водѣ. Опшого и донынѣ (п. е. „до 1576 года) сущесвуеетъ пошъ обычай „въ великой Польшѣ и Силезіи, что седьмого „Марта пошатъ *Маржану*, нарядивъ ее женщи- „ною и вышедши изъ деревни, поютъ: Смерть „въеися по заборамъ, ища себѣ поживы.“ Ио- „акимъ Бѣльскій въ 1597 г. подтверждаетъ свидѣтельство своего отца слѣдующими сло- „вами: „На моей еще памяти, сущеспвовалъ „у насъ етотъ обычай по деревнямъ, что „въ бѣлую недѣлю (соотвѣтствующую 5 й „недѣлѣ великаго поста, или похвальской)

„попили болвана, нарядивъ снопъ конопли
 „или соломы въ одежду человека: его про-
 „вожала вся деревня къ ближнему озеру или
 „пруду, гдѣ снявъ съ него одежду, бросала
 „въ воду съ приговорами“ (14). Изъ древняго
 обычая и свидѣтельствъ Бѣльскихъ видно,
 что Маржана была женщиною, а чучело —
 образомъ ея кумира, хотя Лелевель и почи-
 таетъ Маржану за растение, извѣстное у
 насъ подъ именемъ марены, полагая, будто
 оно сообщило названіе народному празднику.
 Длугошъ (15) сравниваетъ *Маржану* съ Це-
 рерою, матерью и богинею земныхъ плодовъ,
 и свидѣтельствуешь о великомъ почтеніи къ
 оной Поляковъ: что подтверждаетъ и Нару-
 шевичъ. Такое противорѣчіе въ значеніи Мар-
 жаны, сходной съ Славянскою Сивою, Виндій-
 скою Дзидзиліею и Чешскою Мораною, согла-
 сить можно тѣмъ, что въ матери-землѣ со-
 четаются смерть, рожденіе и плодотвор-
 ность (16).

Слѣды епического міра, относящагося къ вре-
 мени года и къ жизни человѣческой, встрѣ-
 чаются въ Исландской, Нѣмецкой и Славяно-

(14) *Kronica Marcina Bielskiego*. Warschawa, 1764. f.

(15) *Ioannis Dlugossii historiae Polonicae libri XII*, ed. Gabr. Groddeckii. Lipsiae. 1711, f.

(16) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von Anton Sfan y. 2 T. Snaim. 1827, in 8,

Руской Мифологіяхъ. У Исландцевъ *Marra*, или *Marra*, у Англичанъ *Night-mare*, у Веспфальцевъ *Nachtmarre*, у Чеховъ *Morosi* значить *кикимо-ра*, постѣнь, о коемъ Скандинавы думали, что онъ мучить людей во время сна до тѣхъ поръ, пока не лишитъ жизни. Это подтверждается Исландскою поговоркой: *Maren trad hann*, т. е. постѣнь его давитъ, верхомъ ѣздитъ, поже что у Нѣмцевъ: *der Mahr ihn drückt*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Юпландіи употребляется слово *Marra* вмѣсто кляшвы, у Нѣмцевъ *Mahr*, домовои, привидѣніе. Въ Польскихъ мифахъ *Marra* также значить призракъ, отъ коего производятъ и *Marzec*, какъ видно изъ слѣдующихъ словицъ:

Sen mara, Bóg wiara, т. е. сонъ мечта, а Богъ вѣра, или Грозень сонъ, да милостивъ Богъ.

Miesiąc marzec zwykł starych straszyć marami, т. е. мѣсяць Маршъ привыкъ спиращать спариковъ марамъ (призраками) (17).

Въ Малороссіи между простымъ народомъ сохранилась слѣд. брань, напоминающая *Мара-ну*: *Мара свитова*, т. е. ека ты сапана! разумѣя подъ ешимъ злаго, душегубнаго духа, лежающаго по свѣту и сходнаго съ Рускою *Варагушею*, *Кулохою*, *Веспухою*, *Віошницею*, копорая ве-

(17) Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach; opisane p. L. Gołębiowskiego. w Warszawie. 1831. in 8.—Замѣч. Профессора Любоўки.

сною насылаешъ лихорадку мучить людей. Въ Карпатахъ доселѣ также извѣстна брань: *Мара бы ты взяла!* Изъ этого видно, что какъ весною, при переходѣ одного времени года къ другому и взаимной борьбѣ того и другаго, состраждаетъ природа, а съ нею и человѣкъ: то сіе и олицетворено въ Марѣ (mars, моръ?). У Малороссіянъ Веснянка есть остатокъ Мараны, забытой въ Польшѣ и неизвѣстной въ Великой Россіи. Въ Харьковской Губерніи *Мареною* пазывается чучело изъ черноблена, одѣтое въ женское платье; вокругъ его дѣвки въ Семихъ поютъ и пляшутъ. Если имя Мараны означаетъ, что Маршъ былъ временемъ посява: то чинители ея должны были жить южнѣе, чѣмъ ихъ попомки, которые не могутъ сѣять ярового прежде Апрѣля на Сѣверо-Востокѣ Россіи (18). Вѣроятно Маршъ, какъ первый мѣсяцъ первой половины года, начинающейся съ весенняго равноденствія, долженъ быть порою сѣянія у народа земледѣльческаго, помянувшагося Маранѣ, смотря по географическому его положенію, а *закликаніе весны и изгнаніе зимы* — остатками празднества въ честь этого божества, въ коемъ смѣшиваются разноплеменные мѣны.

(18) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie.
à S. P. 1795, in 8.

Въ Украинѣ весною (такъ какъ въ Греціи *χελιδόνια*) дѣтинося въ рукахъ сдѣланную изъ дерева ласточку, ходящъ съ нею по домамъ славящъ наступленіе весны, которая именуется въ Малороссіи *Ярю* и *Зеленаткою*. Вообще тамъ, когда „раз-“, „таетъ снѣгъ“, щуба разобьетъ хвостомъ „ледъ на рѣкѣ“, а птичка овсянка запоетъ „свою Веснянку“: тогда дѣвушки въ первый праздникъ, собравшись на хороводы, ходящъ по улицамъ и привѣщиваютъ весну пѣснями; это называется *Веснянками*, кои тамъ поются до Троицына дня (18). Въ Черниговской Губерніи Веснянки начинаются съ Благовѣщенья. Въ Великой Россіи по мѣстамъ подъ *Веснянками* извѣстны мѣстныя существа женскаго пола, кои являются только весною, такъ какъ *Зимнянки* зимою, а *Осенянки* осенью.

Встрѣча и окликаніе весны приходится, смотря по климату и мѣстности, въ разное время, и дѣлается различнымъ образомъ.

Въ Смоленской Губерніи, по деревнямъ бабы, дѣвки и малыя ребятишки взлезши на крышки свиреней (хлѣбныхъ амбаровъ), или взошедши на горы, *кличутъ весну* дважды: въ день Евдокеи *весновки* и на Сорoki, припѣвая:

(19) Енциклоп. Лексиконъ, т. X, стр. *веснянка*.

Весна красна!

Что ты къ намъ принесла?

Красное лѣтечко.

Въ Буйскомъ уѣздѣ Костромской Губ. въ великій чепвергъ, рано поуспру, *окликаютъ весну*. Въ XVI еще вѣкъ, въ Великой Россіи, какъ видно изъ Стоглава, тогда „по рану соломѣ палили и кликали мертвыхъ.“ Донынѣ еще во многихъ мѣстахъ, по древнему повѣрью, въ епомъ день упромъ, предъ восходомъ солнца купаются для здоровья. Около Буя и Солигалича, тогда же, при восхожденіи солнца, поселяне трижды погружаются въ воду, трижды кувыркаются по землѣ и потомъ по углу взезаютъ на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Въ Чиснопольскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сосновкѣ, въ великій чепвергъ, при полночномъ пѣніи пѣтуха, бѣгутъ дѣвки и парни съ пѣснями на рѣчку Бахпу почерпнуть воды, *пока воронъ не обнакнулъ въ нее крыла*. Епою водой они умываются. Если раскрылись воды: то Буйскія дѣвки входятъ по поясъ въ рѣку и въ водѣ схватяся руками одна съ другою, припѣваютъ: *Весна, весна красная, приди, весна съ милостью, съ милостью, съ великою благостью!* Если же не раскрылись воды: то дѣвки схватяся за руки, вертясь вокругъ проруби съ пѣмъ же припѣвами. Въ Пепрозаводскѣ встрѣчаютъ

весну первое Мая съ соломеннымъ чучеломъ, которое поднявъ на шестъ, спавяшъ на горѣ, потомъ садятся вокругъ него пировать и, по окончаніи пиршества, сжигаютъ чучело съ пѣснями и плясками. Въ Тульской Губерніи, съ Оомной недѣли *закликаютъ*, а въ Калужской *зываютъ* на горкахъ весну хороводными пѣснями съ припѣвами: *ой Дидѣ, ой Ладѣ!* кои вездѣ повторяются въ это время и напоминаютъ Липовскаго *Дидисѣ-Ладо*, т. е. великаго Ладо, какъ фактъ историческій о вліяніи Липовской Оеобра-тіи на Славянскія поколѣнія древняго Сѣвера, или, можетъ быть, наоборотъ (20). Въ Тульской же Г. передъ захожденіемъ солнца поселяне обоюго пола собираются на ближній холмъ или пригорокъ; съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ, претворивъ молитву, стано-вятся въ хороводъ. Запѣвальщица съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ яи-цемъ въ другой начинаетъ слѣдующую пѣсню:

Весна красна!
 На чемъ пришла?
 На чемъ приѣхала?
 На сошечкѣ,
 На боровочкѣ.

(20) Сѣверная Пчела, 1835 г. — *Dzieje starożytne narodu Litewskiego* p. T. Narbutta. t. I. Mitologia Litewska. Wilno. 1835, in 8.

Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой;
Одной дѣвки нѣтъ:
Сидитъ она во теремѣ,
Ширинку шьетъ золотомъ,
Узду везетъ песменную.
Ахъ! горе великое!
Кому-то достанется?
Достанется моему суженому,
Моему ряженому.

Во многихъ мѣстахъ Россіи игры хоро-
водныя, начинаясь опѣ Красной горки, про-
должаются до Ярилы, или до Всесвятскаго
заговѣнья, въ которое *провожается весна* по
закатѣ солнца. Въ играхъ сихъ содержатся
мимическія представленія изъ народнаго быта,
коихъ содержаніе выражается относящими-
ся къ нимъ пѣснями; онѣ соединяются съ ка-
чаньемъ на качеляхъ и скаканьемъ на доскахъ.
Первый весенній дождикъ встрѣчается пѣ-
снею, которую такъ поютъ въ Коспромской
Губ. въ Нерехотскомъ уѣздѣ:

Дождь, дождь!
На бабыну рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ лень,
Поливай ведромъ.

У Русскихъ есть общее съ Исландцами
повѣрье, что весною, особенно въ первый

день Пасхи, *солнце играетъ* (21). У первыхъ крестыянскія дѣшки поютъ солнцу:

Солнышко, вѣдрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣшки плачутъ,
Сырѣ колушаютъ,
Собакамъ бросають;
Собаки-то не ѣдятъ,
А куры-то не клюють.

При первомъ громѣ обыкновенно поселяне умываются съ золота, серебра и съ куриного лица; изъ естественныхъ явленій выводятъ разныя примѣты о погодѣ и урожаѣ хлѣба.

Какъ первый весенній праздникъ изгнанія зимы проявляетъ побѣду жизни надъ смертію, такъ оклѣпаніе весны и усопшихъ знаменуетъ *ладъ* человѣка съ природой, которая возобновленіемъ своимъ призываетъ его къ очищенію, напоминая смерть и воскресеніе. Съ этимъ празднествомъ языческаго происхожденія соединяются и за нимъ послѣдуютъ другіе народные праздники и гулянья весеннія, о коихъ мы скажемъ особенно, какъ-то: *Красная горка*, *Вьюнецъ*, или *Вьюнитство*, *Радунца*, первое *Апрѣля* и первое *Мая*, *Юрьевъ день*, *Свистопляска*, *Семикъ* и пр.

(21) Edda Saemundina, t. III.

II.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Въ Великой Россіи почти вездѣ народъ подъ именемъ *Красной горки* разумѣетъ время, мѣсто и дѣйствіе, которыя сливаются въ епомъ народномъ названіи.

Красная горка обыкновенно начинается съ *Омина Воскресе^{об}я*, которое въ Восточной церкви называется *’Αντίπαβχα, κυριακή τοῦ Θωμᾶ, καὶ τῆς κυριακῆς*, новое Воскресенье, въ Западной церкви *Dominica alba*, или *in albis*, бѣлое Воскресенье, *der weiße Sonntag*. С. Григорій Назіанзинъ къ етому времени относитъ праздникъ весны (1). Наименованіе недѣльнаго дни *бѣлымъ* объясняется изъ обычаевъ первенствующей церкви облакать новобращенныхъ въ бѣлую одежду, которую они носили во всю Св. недѣлю и слагали въ бѣлое Воскресенье; а наименованіе *Красною горкою* ведетъ

(1) *Gregorii Naz. or. 42. —*

свое начало отъ древняго вѣрованія и жишейскаго быта Рускаго народа. Не останавливаясь на хрістіанскомъ обычаѣ, совершенно противоположномъ по существу своему народному, перейдемъ къ послѣднему, какъ предмету нашего изслѣдованія.

Красная горка одинъ изъ народныхъ праздниковъ *красной весны*; съ него начинаются хороводныя игры на горахъ и долинахъ, играются свадьбы, по Рускому выраженію, *на красную горку*.

Какъ есмьтъ праздникъ народный состоитъ въ тѣсной связи съ временемъ года, природою, мѣстностью, бытомъ жишейскимъ и съ древними вѣрьями: по разсмапривая его въ такихъ отношеніяхъ, обратимъ вниманіе на самое значеніе словъ *Красная горка*.

Избони горы, какъ колыбели человѣчества, родина и обитель боговъ и естественные предѣлы владѣній (*ѡроі* горы, *ѡроі* предѣлы) почитались священными и служилъ требищами для языческихъ племенъ древняго міра, копорыя, по словамъ С. Писанія *сградиша сіи себѣ высокая и столпы и капища на всякомѣ холмѣ высоцѣмѣ* (2). Кромѣ другихъ народовъ, также у Нѣмцевъ, Сла

(2) III *Царствъ*, гл. XIV. На Еврейск. *сора* наг.

вянъ и Липтовцевъ горы, горки, горицы, крутицы (Górgy święte, Kalnas) бывали мѣстами богослуженій и молебницъ, гдѣ стояли у нихъ испуканы, приносились жертвы, погребались умершіе, горѣли огни, необходимые для пировъ жертвенныхъ, совершались разные обряды и игры. На горахъ опправляемы были судъ и расправа; у Франковъ и Сѣверныхъ народовъ находились горы суда (Malloberg, Lögberg) (3). Въ Кіевѣ, по сказанію Неспора, на холмѣ, оскверненномъ кровію, сооружена была церковь С. Василія. Объ епомъ свидѣтельствующъ самыя названія многихъ горъ въ Германіи, Польшѣ, Липвѣ и Россіи, гдѣ замѣчается особенное въ Древности горопоклоненіе. Если принявъ справедливымъ мнѣніе нѣхъ писателей, которые утверждающъ, что Рускіе Славяне не имѣли храмовъ и опправляли богослужebные свои обряды на открытыхъ мѣстахъ: то съ нѣкоторою вѣроятностію можно полагать, что холмы и горы замѣняли у нихъ капища и требища. Таковы должны быть горы святыя, поклонныя, лысыя, красныя, русыя, терлиныя,

(3) Deutsche Rechts-Alterthümer von Iac. Grimm. Götting. 1828, in 8. — Origines du droit français, cherchés dans les symboles et formules du droit universel, par M. Michelet. Paris. 1837, in 8.

тервонныя, терныя, гремягя и т. д. По древнему повѣрью, существующему въ Польшѣ и Силезіи, на красныя горы собираются духи мужскаго пола, а на лысыя женскаго. Наши мѣстныя Горыни тоже, что Греческія Орѣады. Въ Пруссіи долго вѣрили простолюдины, что сиреневое дерево служитъ пріютомъ дьяволовъ, копорыхъ называли красными людьми. Въ Моравіи близъ Брюнна, есть Spielberg, игорная горка, гдѣ стоялъ Перуновъ храмъ между двумя священными дубами: испуганъ его держалъ въ правой рукѣ красный сошникъ, а въ лѣвой копье съ бѣлымъ знаменемъ. Отъ игръ, опшравлявшихся въ честь Перуна, гора сія названа игорною (4). Въ Германіи встрѣчаются урочища подъ именемъ Красныхъ горъ, кои на Нѣмецкомъ именуется красивыми, Schönberge. Такъ въ Богемскомъ городѣ Берунскѣ (не отъ Перуна ли?) krásná hora, а въ Венгріи мѣстечко и городъ krásná hora, по переводу Нѣмцевъ, Schönbere. Въ Польшѣ, Силезіи и Черной Русѣ есть горы, извѣстныя также подъ именемъ тервонныхъ (szeregowa góra). Въ великой и малой Россіи встрѣчаемъ много старинныхъ урочищъ подъ названіемъ красныхъ горъ, горокъ, холмовъ и красицъ, на

(4) Mythologie der alten Deutschen u. Slawen; von H. Schäfer. 2 Th. Snaim. 1827, in 8.

коихъ иногда попадаются и городища. Въ самой Москвѣ есть на Неглинной церковь С. Георгія Побѣдоносца на *красной горкѣ*. Одинъ изъ пригорковъ маковицы С. Троицкой Лагры слывешъ *красною горкою*, отъ коей верстахъ въ десяти, среди Бѣлухинской рощи и Воздвиженскаго есть мѣсто, называемое *Бѣлые боги*. Въ Спарницкомъ уѣздѣ на *Красныхъ горахъ* былъ упраздненный *Красногорскій Никольскій* монастырь. Въ Новгородѣ 1415 г. сооружена была у Плотническаго конца церковь Воскресеніе на *Красной горкѣ* (5). Во Владимірской Губ. находится *Красногорская Болдырева* пустынь, нынѣ обращенная въ приходскую церковь, въ Тамбовской Г. *Красногорская* жъ *Лебедянская* и *Красногорская Романовская*, въ Полшавской Г. *Красногорская Чернуская* пустыни. Въ Черниговской Губерніи, въ двухъ верстахъ отъ Гадяча внизъ по теченію Псіола, на *Красной горѣ* стоитъ *Красногорскій Николаевскій* монастырь, основанный въ XV вѣкѣ, а близъ города Золотоноши *Красногорскій Золотоношскій* монастырь (6).

Не доѣзжая Архангельска, на берегу Пинеги, находится на гористомъ мѣстѣ

(5) *Жарамз.* И. Г. Р. т. V, прил. 254.

(6) *Исторія Россійской Іерархіи*, ч. IV, М. 1812, т. 8.

Красногорскій монастырь, который издревле, по окружавшимъ его мрачнымъ лѣсамъ, назывался *Черногорскимъ*, а потомъ, по очищеніи лѣсовъ, по причинѣ красиваго положенія, переименованъ *Красногорскимъ*. Въ Ялуторовскомъ уѣздѣ Тобольской Г. острогъ называется *Красногорскимъ*; а въ Оренбургской Губерніи есть *Красногорская крѣпость*, получившая свое имя отъ красноватаго пла, смѣшаннаго съ пескомъ, коимъ покрыва вся еша гора подлѣ самаго Урала (7). На полуостровѣ Камчаткѣ сопка, а въ Финскомъ заливѣ мѣстечко называющіяся *красными горками*. *Красные холмы* въ Москвѣ урочища (8), а въ Тверской Губерніи два бывшіе города, нынѣ одинъ слобода, другой безъуѣздный городъ. Въ Галичѣ Всесвятская гулянка бываешъ при холмѣ *Красница*. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ порговъ или ярмарокъ бывають и слывуть на *красную горку*. Въ Козельцѣ торги называющіяся *красными*, изъ коихъ одинъ бываешъ на *Красную горку*, въ концѣ Св. недѣли (9); въ *Красномъ - Колядинѣ*, мѣ-

(7) Словарь географическій Россійскаго Государства, собран. А. Щекатовымъ. Москва, ч. 3. 1804, въ 4.

(8) *Красный холмъ*, или *пулъ*; отсюда и *Пупыши*, изъ коихъ и церковь Св. Николая Чудотворца.

(9) Академическія извѣстія на 1780 г. ч. IV и V. Спб. въ 8,

спечкѣ Прилуцкомѣ собираются при ярмар-
ки въ году. По замѣчанію Гг. Норова и Черп-
кова, *Красныя горы* (*monti rossi*) находятся и
въ Сициліи.

Изъ приведенныхъ здѣсь топографиче-
скихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что про-
званіе *горѣ* и *холмовѣ* *красными*, происходя
оно отъ разныхъ причинъ, имѣетъ различное
знаменованіе; но бѣльшая часть прозваній осно-
вана на сходствѣ идей и вѣрованій древняго
быта народнаго въ Славяно-Рускомѣ мірѣ,
гдѣ слово *красный* играетъ важную роль.

Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ *красный* (*krasni*)
принимается въ смыслѣ красивый, цвѣ-
туцій, веселый, отрадный, оплмчаясь оно
терпинаго, *тервоннаго*, алаго, багрянаго (*russus*)
цвѣта, споль любимаго Русскими, у копо-
рыхъ *красный* принимается въ послед-
немъ смыслѣ. Въ Славянорусскихъ церковныхъ
книгахъ *красный* выражаетъ то же, что
Греческія слова: *ῥαῖος* цвѣтуцій, веселый,
ἑυμορφος благообразный, *ἑυειδής* миловидный,
περίβλεπτος пресловутый, *ἑυπρεπής* (10) бла-
гоушный, *τερπνός* усладительный, отрад-
ный. Самый *звонѣ* отъ Оминой недѣли до
недѣли всѣхъ Святыхъ по церквямъ (во всѣ

(10) Лексиконъ шрехъязычный, сирѣчь реченій Славенскихъ,
Еллиногреческихъ и Латинскихъ сокровище. Москва. 1704,
въ 4. Псл. 44, 3. Красенъ доброшою, *ῥαῖος κάλλει*.

долокола безъ большаго) въ церковномъ уставѣ названъ *краснымъ*: церковь въ Московскомъ Кнѣзѣ С. Николая Чудотворца слышеть *красный звонъ*. Даже въ народномъ языкѣ *красный*, отъ *красы*, означаетъ свойства предметовъ неодушевленныхъ и одушевленныхъ, чувствительныхъ и опвлеченныхъ, вмѣсто красивый, хорошій, цвѣтущій, пригожій, изящный, а *прекрасный* есть превосходная степень. Рускій называетъ *поля, холмы, пруды, сѣла, дворы, ворота, окна красными*, даже первыхъ дѣтей, дѣвицъ, *день, жизнь, смерть, рѣчь* (краснорѣчіе), *бѣсѣду красными*; что видно изъ его пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ. Самая *весна и лѣто* именуются *красными* по ясности погоды и приятности обоихъ временъ года, когда природа является намъ во всей *красѣ и лѣпотѣ* своей. Нынѣ въ употребительномъ языкѣ *красный* болѣе означаетъ одинъ изъ простыхъ цвѣтовъ, меньше прочихъ подверженный преломленію солнечныхъ лучей, и похожій на кровь и огонь.

По такому соображенію, *Красная горка* значить красивая по мѣстоположенію и веселительная по играмъ, какія обыкновенно бывали и доселѣ бывають. Руская народная игра *горѣлки*, начинающаяся съ Красной горки, есть родъ *хоровода, жигрованья* и едва ли не превосходитъ отъ Греческаго *γῦρος* кругъ и

гугаге кружиться. Вѣроятно горѣлки сопровождались въ языческой древности у Славяно - Руссовъ *горѣніемъ* огней и завершенными обрядами особенно на горахъ потому, что играть въ *хороводы на красную горку*, по большей части, собираются на высокія мѣста, холмы и пригорки, тогда особенно, когда начнутъ распускаться деревья. Въ Вязьмѣ, при началѣ весны, сходятся невѣсты и женихи, въ праздничныхъ нарядахъ, на возвышенное мѣсто, которое тамъ слыветъ *Красною горкою*. Тоже вспирѣчается и въ другихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ вообще подъ епимъ именемъ разумѣется и пора, благопріятствующая свадьбамъ и мѣста весеннихъ игрищъ, упоминаемыхъ лѣтописцемъ нашимъ. см. ниже,

Когда теряется коренная идея предмета: тогда обыкновенно прививаются къ нему другія, выводимыя изъ ближайшихъ къ народу отношеній мѣстности, вѣрованій, обычаевъ народнаго быта. Такъ и значеніе Красной горы производимо было отъ первой муравы красноватаго цвѣта послѣ снѣгу, отъ лубка, на коемъ катаютъ яицы красныя, отъ родительскихъ могилъ, на кои о Святой и Оминой недѣляхъ кладутъ также яица, отъ Венериной горки (*mons Veneris*) въ женскомъ шлѣ, отъ красной или алой навдоки на брачной постелѣ и ш. д. Но

подобные предметы едва ли могли сообщить названія столь многимъ урочищамъ въ Славяно-Русскомъ мірѣ, кои свидѣтельствуютъ намъ о памятникахъ древняго вѣрованія народа, о переходѣ онаго въ повѣрье и обычай, пѣтъ вѣрояннѣе, что большею частію на Красныхъ горкахъ стояли св. храмы, заступавшіе, при переходѣ отъ Язычества къ Хрістіанству, мѣста языческихъ пребищъ и мольбищъ. При томъ, не вездѣ *красныя горы* стояли на красивомъ мѣстоположеніи.

По общему употребленію и по отношенію къ повѣрьямъ древняго быта народнаго, *Красныя горы* издревле должны были мѣстами игрищъ, какими начинается красная весна — пора брачныхъ союзовъ. Доселѣ во многихъ селеніяхъ Тульской и другихъ Губерній горы или пригорки, на кои собираются поселяне весною, слывутъ *красными горками*. Какъ въ епомъ празднествѣ природы и человѣка смѣшивающа время съ мѣстомъ: то и *Красная горка* принимается за то и другое въ народномъ быту и языкѣ; впрочемъ названіе перенесено во времени отъ мѣста, хотя первымъ украшается послѣднее. Сама природа открываетъ человѣку ощущительное сходство юности возраста человѣческаго съ весною, и какъ обновленіе естества начинается съ весны, такъ и юношество всту-

ная въ брачный союзъ, *идетъ на гору*; самая беременность называется *горкою*.

Въ пѣсняхъ Красной горы повторяется *Ладо* или *Лада*, такъ какъ у Поляковъ *Дана*, *Дада*. Ладу Липовцы величали *золотою*; она вѣроятно была то же, что у Обдорцевъ *Золотая баба*. Около Межибожья въ Подольской Губерніи поселяне на играхъ въ дни Пасхи поютъ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подъ Брестъемъ Липовскими о *Королевнѣ Ладѣ*. У Друидовъ находилась на одномъ островѣ богиня *Llad* (11). Ладъ или Ладо, обоихъ половъ въ природѣ была любовь, а въ баснословіи богиня красоты и любви то же почпи, что Римская *Suada*, Свада, покровительница *свадебъ*. Ладъ вѣроятно посвященъ былъ весенній праздникъ Красной горы; по етому *ладѣ* значитъ и супружеское согласіе, а *лазить* въ областномъ нарѣчій — жениться. Дидъ или Дидись Липовское слово — великій, если не Греческое *δίδω* боюсь. Ладъ или Лада могли быть великими, спрашными и таинственными, какъ судьба. Какъ извѣстная игра и пѣсня *прососѣяніе* на Красную гору доселѣ существуетъ въ Красной Руси: то съ вѣроятностію можно заключать, что онѣ перешли на Сѣверо-Востоки

(11) On Anglo - Saxon laws and customs, in the Gentleman magazine. Aug. 1825. in 8.

Россіи отъ Юго-Запада съ прочими повѣрьями и обычаями и тамъ обрусѣли.

Празднованіе Красной горки въ разныхъ мѣстахъ Россіи сопровождается разными обрядами. Въ слободахъ Переславля-Залѣскаго, ежегодно собирались въ Омино воскресенье, послѣ обѣда, и толпою хаживали по тѣмъ домамъ, въ коихъ бывали того года свадьбы, съ приговорами: *Вьюнъ вьюница, отдай наши яицы!* Молодые должны не только давать яицы и куличи, но даже поить ихъ виномъ и пивомъ (12). Такое жъ хожденіе бываетъ и въ Нерехотской округѣ, гдѣ ребяшцы ходящъ бѣсѣдою къ каждому дому и подъ окномъ поютъ: *Вьюнъ да вьюница, давай, яйцо; а не дашъ яйца, придетъ вѣтрица.* Тогда изъ каждаго дома даютъ окликальщикамъ по нѣскольку яицъ. Гдѣ же находятся новобрачные, тамъ угощаютъ ихъ пивомъ и виномъ. Такихъ бѣсѣдъ иногда въ одномъ селеніи ходитъ до восьми и девяти, даже окликаютъ мальчики лѣтъ пяти своею бѣсѣдою. Собравъ яйца съ селенія и сдѣлавъ яишницы, они пируютъ. Это обыкновеніе называется *Вьюнитствомъ*, вѣроятно, отъ слова *юнъ*. Въ Галичѣ, въ Омину недѣлю, слывущую у простолюдиновъ *Радоницами*, гуляетъ народъ послѣ по-

(12) Историч. географ. и топограф. описаніе Переяславля-Залѣскаго, сочин. И. Шлишкина. Москва, 1802, въ 12,

луночи и до свѣту, расиѣвая подѣ окномъ:
Юница, молодца, подай лицо въ перепету!
 Тогда молодые подчуютъ ребята водкой и
 пивомъ, ладышками, казанками, а дѣвицъ
 пряниками и красными ящиками.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ Омино Воскре-
 сенье дѣвки и женщины въ траурномъ платьѣ
 (черномъ и бѣломъ) идутъ послѣ обѣдни на
 кладбище съ разнымъ кушаньемъ и питье-
 емъ кланяться покойнымъ родственникамъ,
 плачутъ съ причитаніями, капаютъ яицы
 на ихъ могиллахъ и потомъ ѣдятъ и пьютъ,
 выливая остатки вина на могилы. Послѣ
 переодѣвшись дома въ праздничное платье,
 идутъ играть на *красную горку*.

Изъ хороводныхъ игръ Красной горки
 извѣстно во всей Россіи *Сѣяніе прѣса*. Это
 драматическое предствленіе произошло изъ
 быта земледѣльческаго Славяно-Руссовъ, пи-
 тавшихся, по свидѣтельству Маврикія, еще
 въ I вѣкѣ епимъ житою (13). На игри-
 ще собираются въ деревняхъ подѣ вечерамъ
 красныя дѣвицы и добрыя молодцы на лугъ
 или на улицу, сначала отдѣльно одни отъ
 другихъ, потомъ соединяются въ одну кучу;
 тогда является *хороводница*, или всеобщая

(13) *Карамз.* II. Г. Р. т. I, прим. 8, 145, 159.

кума [какъ у древнихъ Грековъ и Евреевъ
либоначальница], безъ которой ничего не
дѣлается въ играхъ, и заговываетъ:

Какъ на уляцѣ дождикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ.

Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте!

Ужъ вы, холостые, не глядите!

Вамъ гляденьцемъ дѣвушекъ не взять,

Ужъ какъ взять ли, не взять ли по любви,

Что по батюшкину повелѣнью,

По матушкину благословенью.

Играющіе расходятся на двѣ спороны,
одна противъ другой; хороводница спойтъ
впереди первой половины:

1 половина: А мы просо съяли,

Ой Дидъ - Ладо съяли.

2 половина: А мы просо вытопчемъ,

Ой Дидъ - Ладо вытопчемъ.

1 половина: А чѣмъ же вамъ вытопташь?

Ой Дидъ - Ладо, вытопташь?

2 половина: А мы коней выпустимъ,

Ой Дидъ - Ладо, выпустимъ.

1 половина: А мы коней перейдемъ,

Ой Дидъ - Ладо, перейдемъ.

2 половина: А чѣмъ же вамъ перенять?

Ой Дидъ - Ладо перенять?

1 половина: Шелковымъ мы поводомъ,

Ой Дидъ - Ладо, поводомъ.

2 половина : А мы коней выкупимъ ,
Ой Дидъ - Ладо , выкупимъ.

1 половина : А чѣмъ же вамъ выкупить ?
Ой Дидъ - Ладо выкупить.

2 половина : А мы дадимъ сто рублей ,
Ой Дидъ - Ладо сто рублей.

1 половина : Не надо намъ тысячи (14) ,
Ой Дидъ - Ладо , тысячи.

2 половина : А что же вамъ надобно ?
Ой Дидъ - Ладо , надобно.

1 половина : Намъ надобно дѣвицу .
Ой Дидъ - Ладо , дѣвицу.

Въ это время изъ второй половины переходить дѣвушка въ первую.

2 половина : Нашего полку убыло ,
Ой Дидъ - Ладо , убыло.

1 половина : Нашего полку прибыло ,
Ой Дидъ - Ладо прибыло.

Пѣсню начинаютъ опять пѣть, продолжая до тѣхъ поръ , пока всѣ дѣвушки изъ

(14) Прежде пѣвали въ Московскомъ округѣ :

2. А мы дадимъ денежку.
1. Не надо намъ денежки.
2. А мы дадимъ дѣвушку.

Рубли и деньги могли быть позднѣйшими вставками въ древнюю пѣсню.

второй половины перейдушь въ первую. Въ Серпуховскомъ, Мещовскомъ и Каширскомъ уѣздахъ, вмѣсто припѣва *Ой Дидѣ Ладо*, поютъ:

Ой Диди калынка моя,

Ой Ладо малынка моя!

какъ бы означая калиною горечь первого, а малыною сладость другаго (15). Въ Дмитровскомъ уѣздѣ начинали эту пѣсню:

А мы копань копали.

Зеленая правушка, алой цвѣтъ (16).

Въ Харьковской Губерніи такъ поютъ эту пѣсню:

1. А ми нивку орали, 2

Та владу ладомъ орали.

2. А ми просо сияли, 2

Та владу ладомъ сияли.

1. А ми стадо запусимъ, 2

Та владу ладомъ запусимъ.

2. А ми стадо займемо, 2

Та владу ладомъ займемо.

1. А ми стадо выкупимъ, 2

Та владу ладомъ выкупимъ.

(15) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. *Н. Иванчина-Писарева*. Москва. 1837, въ 12.

(16) Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, изд. *И. Сахаровыхъ*. Спб. ч. 2, 1837, въ 8.

2. А что дасте выкупки, 3
Та владу ладошь, выкупки.
1. А мя дали сто рублей, 2
Та владу ладошь, сто рублей.
2. А ми шысячи ни беремъ, 2
Та владу ладошь, не беремъ.
1. Ми дивичку придамо, 2
Та владу ладошь, придамо.
2. Ми дивочку прижемо, 2
Та владу ладошь, прижемо.
1. А у насъ спадо прибыло, 2
Та владу ладошь, прибыло.
2. А у насъ спадо отбыло, 2
Та владу ладошь, отбыло.

Еще Великобурская игра и пѣсня существующъ и въ Красной Руси (17), гдѣ поютъ ее такъ :

A my proso sijaly, sijaly,
Oj Did, Lada, sijaly, sijaly !
A my proso wydopczem, wydopczem,
Oj Did, Lada, wydopczem, wydopczem !
Ta czymże wam wydeptať, wydeptať ?
Oj Did, Lada, wydeptať, wydeptať ?
A my koni wypustym, wypustym,
Oj Did, Lada, wypustym, wypustym !

(17) Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego, zebrał
wydal *Wasław Oleska*, we Lwowie. 1833, in 8.

A my koni perejmем , perejmем ,
Oj Did, Lada, perejmем , perejmем !
Ta czymże wam perejniať , perejniať ?
Oj Did, Lada, perejniať , perejniať !
Oj szelkowym newodom, newodom ,
Oj Did , Lada , newodom , newodom.
A my koni wykupym, wykupym,
Oj Did, Lada, wykupym, wykupym
Ta czymże wam wykupyt', wykupyt',
Oj Did , Lada, wykupyt', wykupyt',
A my damo sto rubli, sto rubli ,
Oj Did , Lada , sto rubli , sto rubli !
Ne nado nam tysiaczy , tysiaczy ,
Oj Did, Lada , tysiaczy , tysiaczy !
A my damo diwyciu , diwyciu ,
Oj Did, Lada, diwyciu, diwyciu !,
Oj toto nam nadobno, nadobno ,
Oj Did, Lado, nadobno, nadobno!

Хоровая и антифоническая сѣя пѣсня похожа на древнѣя Греческія , сопровождавшія *χοροι χύκλιοι*. Игра еѣа поетическая и вмѣстѣ воинственнаѣа, мимическое представленіе изъ жизни народа земледѣльческаго и воинственнаго — набѣга, похищенія и выкупа невѣстѣа. Она сходствуетъ съ Сербскою *отмицею* и съ древнимъ сказаніемъ нашего Лѣтописца, который повѣствуетъ , что у Радимичей, Вѣпинчей и Сѣверянъ , обитателей нашего Сѣвера , въ Язычествѣ „брады не бываху въ

„нихъ, но играща, межи сѣль и ту сѣгахуся
 „рищуще на плясанія и нався бѣсовскія пѣ-
 „сни, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же
 „кпо прежде свѣщевашесь (18).“ Самые при-
 пѣвы *Дидѣ, Ладо, Леля*, наводящъ насъ на
 слѣды Славянскихъ мѣофъ. У древнихъ Гре-
 ковъ также, при хоровожденіи въ празднества
 вокругъ алтарей, были припѣвы: *ai, ai éle-
 леу, áλαλά* (19), похожія на наши *ай моли*.

Въ Нерехотской округѣ, изъ пѣсень,
 сопровождаемыхъ разными мимическими пред-
 ставленіями, кромѣ *сблнія проса* употребле-
 тельны слѣдующія:

1. Перевейся, ярый хмель, на нашу сто-
 ронку и пр.

2. Сидишь дрема подь окошкомъ,
 Прядешь дрема шелковъ кужель;
 Полно, дремушка, драмати,
 Шелковъ кужель драми и пр.

Одна дѣвка сидитъ въ кругу, представ-
 ляя сонливую, лѣнивую, а прочія ходятъ во-
 кругъ нея и поютъ пѣсню:

3. Ой! старой, старой,
 Кручина велика и проч.

(18) W. Wachsmuth's Hellen. Alterthumskunde. Halle.
 1829. 5 Th. in 8.

(19) Супрасльская рукопись, изд. *Алѣксѣя М. Оболен-
 скихъ*. М. 1836, въ 4.

Поюшъ всѣ, стоя на одномъ мѣстѣ; двѣ дѣвки ходяшъ въ хороводѣ; одна пригорюнясь, представляешъ лице жены, а другая мужа старика. Когда запоюшъ: „охъ! „какъ мнѣ стараго цѣловать будетъ“? тогда жена цѣлуешъ съ негодованіемъ и плюешъ на старика. Когда запоюшъ: „охъ! какъ мнѣ „старого на постелю класъ?“ жена шолкаетъ. При словахъ пѣсни: „охъ? какъ мнѣ стараго препашъ“; жена бьешъ его.

4. Посѣяла дѣвка лень,
Посѣявши, полола и пр.

Дѣвка съ плашкою въ рукѣ ходяшъ въ кругу, дѣлая видъ, что сѣешъ, а прочія поюшъ, стоя на одномъ мѣстѣ:

5. Запныка, бѣлннкой!

Я хожу, хожу
Вкругъ Кіева города,
Ищу тещя богатаго и пр.

Тогда дѣвки стоя поюшъ, одна изъ нихъ ходяшъ въ хороводѣ, какъ будто ищетъ тещя и тещи и пр. Когдажъ найдетъ себѣ всѣхъ сродниковъ и когда запоюшъ: *я пропивши пиво, тещя вѣ рыло*; тогда она слегка бьешъ одну дѣвку въ видѣ тещя, а въ лицѣ тещи бьешъ другую по шеѣ, если запоюшъ: *проѣвши пироги, тещу по шеѣ и ш. д.*

6. Пава по́ лугу гуляла,
Пава гусей загоняла,
Тига, гуси, домой,
Тига, сѣрые, домой и т. д.

Двѣ дѣвки спанутъ въ довольномъ разстояніи одна отъ другой, держа высоко платокъ въ рукахъ, а прочія подъ платкомъ проходящъ поодиначѣ.

7. Какъ утіона чрезъ море лешала,
Одна дѣвка, дѣлая разныя шѣловдвиженія, идетъ предъ хороводомъ, а прочія за нею слѣдуютъ.

8. Подъ лѣсомъ, подъ шемнымъ
Шелкова шрава;
Ходилъ, гулялъ Донской козаць,
Глядѣлъ, смотрѣлъ невѣстѣ себѣ и пр.

или

Пошелъ молодець на гулянье,
На веселое на свиданье и т. д.

Дѣвка съ разными шѣловдвиженіями пляшетъ съ музичною, а прочія стоя на одномъ мѣстѣ, поютъ.

Сходбище — сельская хороводная игра разыгрывается въ началѣ весны, когда изъ городовъ возвращаются молодые люди для

работей поры. Дѣвушки выходятъ на лугъ, къ нимъ сбѣгаются прибѣлые, и начинаютъ игру Сходбище. Въ средину круга стано- вятся молодецъ и дѣвица. Игроки ходятъ кругомъ ихъ и поютъ :

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой идетъ красна дѣвица,
Поблизехоньку сходились,
Понизехоньку поклонился.
Да чшо возговоришь доброй молодецъ :
Ты здорово-ль живешь, красная дѣвица ?
Я здорова живу, миль сердечной другъ ;
Каково ты жилъ безъ меня одинъ ?
Мы давно съ тобой не видалися,
Говоришь дѣвка улыбаючись,
Чшо съ той поры, какъ разсталися.
Говоришь ей доброй молодецъ :
Мы пойдемъ гулять на царевъ кабакъ,
Мы за рубль возьмемъ зелена вина,
За другой возьмемъ меду сладкова,
А за третей возьмемъ пива пьянова,
За двѣ гривенки сладкихъ пряничковъ.
Какъ возговоришь красна дѣвица :
Я нейдю гулять на царевъ кабакъ :
Я боюсь, боюсь роднова батюшки,
Я боюсь родной мапущки.
Тутъ разсталися и прощалися,
Промежду себя цѣловалися.
Ты прости, прости доброй молодецъ ,

Ты прости, миль сердечной другъ!
Да что возговорить доброй молодець:
Ты прости, прости, моя мамушка,
Ты прости, радость красна дѣвица! —

Въ игрѣ *Плещень* молодежи, дѣвушки и
мужчины спановяются попарно, и, сомкнув-
шись руками въ видѣ плещня, вытягива-
ются въ линію. Хороводница запѣваетъ:

Заплещися, плещень, заплещися!
Ты завейся, труба золотая!
Завернися, камка кружчашая!
Изъ-за горь дѣвица ушей выгоняла.
Тига упушка домой!
Тига сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра ушица!
Потопила малыхъ дѣшушекъ
И въ меду и въ сахаръ
И въ яствѣ сахорномъ.
Я старымъ шарикамъ
Киселя съ молокомъ;
Молодымъ молодкамъ
Шелковую плещку,
А краснымъ дѣвицамъ
Бѣлилъ да румянь.

Хоръ окончился. Первая пара поднимается
вверхъ соединенныя руки, подъ епу арку
начинающъ проходныя игры. Хоръ поетъ :

Расплещися, плещень, расплещися;
Ты развейся труба золотая;
Ты развернися, камка кружчатая!
Изъ-за горъ дѣвица ушей выгоняла.
Тига ушуска домоу!
Тига сѣрая домоу!
Я сама гуськомъ,
Сзма сѣренькимъ.
Ой свѣшь, сѣра ушвица!
Вынимала малыхъ дѣшушекъ,
Изъ меду, изъ сахару,
Изъ яствъ сахорныхъ.

Игра *Донъ Ивановичъ* есть мимическое
представленіе, припоминающее намъ слѣды
древности и извѣстное мѣстическое сказаніе
народа, который почитаетъ Донъ и Шамъ
дѣтьми Ивана-Озера. Донъ, имѣя свою народ-
ную Исторію, свое родство съ сестрою Вол-
гою — по повѣрьямъ Велико-Рускимъ — (20)
выразился еще одною игрою въ хороводной
пѣснѣ. Вечеромъ игроки сходясь вмѣстѣ

(20) см. Сказаній Р. Н. ч. 6, Душу Иванъ-Озеро. Въ дру-
гихъ странахъ, вмѣсто *Донъ*, поютъ — *Дунай*.

и спановяшся въ кружокъ, а хороводникъ въ
средиѣ, изображая собою Дона Ивановича,
дѣлаетъ разныя движенія, сообразныя содер-
жанію пѣсни :

Какъ пошелъ нашъ молодець
Вдоль улицы на конецъ.

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Ахъ ! какъ звали молодца,
Позывали удалца.

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ !
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Какъ во пиръ пировать :
Во бѣсѣдушку сидѣшь ,
На игрище поиграшь .

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Ужъ какъ мнѣ ли молодцу
Мало можется ,
Мало можется ,
Играсть хочется .

Цль я выйду молодець
На свой новой на крымецъ ,
Закричу я молодець

Громкимъ голосомъ своимъ :

Ахъ ! какъ естѣли-ли у меня
Слуги вѣрные мои !
Вы берите ключи ,
Ошмыкайте сундуки .

Вынимайте кафтанъ,
Рудожелтъ камчатъ,
Вынимайте шапку,
Черную мурмашку (21);
Вы подайте гусли,
Звончатые мои.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодець
Ко вдовушкѣ на конецъ.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Какъ сядилъ молодець,
Какъ сядилъ удалецъ
Противъ вдовушки на скамьѣ.

Въ это время игроки останавливаются,
хороводникъ садится съ балалайкою въ рукахъ.
Игроки споятъ противъ него и поютъ:

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатые свои.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Молодецъ вдовѣ челомъ,
Уронилъ шляпу долой,

(21) *Мурмане*—Норвежцы. — Въ Москвѣ эту пѣсню поютъ сокращенно, и такъ она печатана въ такъ называемыхъ пѣсенникахъ. Исключеніе начинается съ стиха: „Ужъ какъ „мнѣ ли молодцу“ и продолжается до „Звончатые мои.“

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Хороводникъ въ это время кланяется,
съ него спадаетъ шляпа , а игроки поютъ :

Ужъ ты , вдовушка моя ,
Молодая вдова ,
Подними шапку мурмашку !

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Не твоя , сударь , слуга ,
Я не слушаю тебя .

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ !

Хороводникъ вспааетъ , надѣваетъ шляпу,
а игроки , ходя кругомъ его , поютъ :

Какъ пошелъ нашъ молодець ,
Вдоль улицы на конецъ .

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ .

Ахъ ! какъ звали молодца ,
Позывали удалца ,

Ахъ ! Донъ , ты нашъ Донъ ,
Сынъ Ивановичъ Донъ .

Какъ во пиръ пировашъ ,
Во бѣсѣдушку сидѣть ,
На игрище поиграшъ .

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ пошелъ нашъ молодець,
Къ дѣвушкѣ на конецъ.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ сядилъ молодець;
Какъ сядилъ удалецъ
Прощеъ дѣвушки на скамьѣ.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Въ это время игроки останавливаются,
хороводникъ садится. Игроки споевъ про-
пиевъ него и поющъ:

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончашые свои.
Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Молодецъ дѣвицѣ челоуъ,
Уронилъ шапку долой.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Ужъ шы, дѣвушка моя,
Ты, красная моя,
Подними шапку мурмашку.

Ахъ! Донъ, шы нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Я швол, сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ.

Въ это время выходитъ дѣвушка изъ круга, поднимаетъ шляпу. Хороводникъ, принимая изъ ея руки шляпу, благодаритъ дѣвушку поцѣлуемъ.

Начиная съ среды или четверга Святой недѣли и до Троицы въ Бузулукѣ, уѣздн. городѣ Оренб. Г. продолжаются каждый вечеръ хороводы: дѣвки и молодыя женщины поютъ пѣсни, а молодцы подыгрываютъ на дудкахъ, на рожкѣ, забавляютъ красавицъ своими шутками. Тогда особенно поютъ одну изъ весеннихъ пѣсень, носящую на себѣ явный оппечашонъ древности:

Подойду, подойду,
Подъ Царь-городъ подойду,
Вышибу, вышибу,
Копьемъ спѣну, вышибу!
Выкачу, выкачу,
Съ казной бочку, выкачу!
Подарю, подарю,
Люшу - свекру батюшкѣ!
Будь добръ, будь добръ —

Какъ родимый башюшка!
 Подойду, подойду
 Подъ Царь - городъ, подойду!
 Вышибу, вышибу
 Копьемъ стѣну, вышибу!
 Вынесу, вынесу,
 Лпсю шубу, вынесу!
 Подарю, подарю
 Люту - свекровь машушку!
 Будь добра, будь добра —
 Какъ родима машушка (22)!

Такими-то играми и пѣснями начинаеися и сопровождается Красная горка послѣ Святой недѣли, во время коей издревле запрещались Церковію всѣ бывшія изъ Языческаго міра игры, потѣхи и позорища (risus Paschales) для того, чтобы въ святые дни умы Хрістіанъ занимались однимъ Богомысліемъ, а сердца исполнены были духовною радостію.

(22) см. М. В. 1830, No 37. Надобно предполагать, что нѣкоторыя слова уже измѣнены; но пѣсня не могла быть сочинена позже XI-го или XII-го столѣтія, слогомъ того времени, когда у народа были еще въ свѣжей памяти прогулки нашихъ предковъ къ Константинополю. Голось отличается какимъ-то заунывнымъ, особеннымъ напѣвомъ. — Константинополь, или Византію, *Царь-градомъ*, а не *Царевымъ градомъ*, по превосходству сего города надъ всѣми прочими, прозвали Варяго-Руссы или Славяне. Zaargardia есть городъ въ Месопотаміи.

III.

РАДУНЦА.

Радунца, или Радунецъ, или Радавица есть собственно опрадный праздникъ заупокойный, который совершается на могилахъ; онъ издревле извѣстенъ на Руси и приходится не всегда въ одинакое время. Въ Костромской Губ. Омино Воскресенье слышеть *Радоницею*, въ другихъ мѣстахъ Оминъ понедѣльникъ, а болѣе вторникъ, извѣстный въ Рязанской Губ. подъ именемъ *Наской* (Навской?) и *Навій день*: что значитъ мертвый; ибо въ старинномъ Рускомъ языкѣ *навей*, а въ Литовскомъ *navie* — мертвецъ (1). Въ Малороссіи Оминъ понедѣльникъ именуется *Могилами*, *Гробками*, *Проводими*, а въ Махновскомъ повѣсть Кіевской Г. *Бабскимъ праздникомъ*, вѣроятно по тому, что на немъ бывають однѣ женщины.

(1) Въ просторѣчій человѣческая кость, на коей образуется наростъ, или бугоръ, назывъ: *населъ*. На Болгарскомъ *насивалъ* знач. побѣдилъ, умертвилъ — ср. *Камиз*. И. Г. Р. ч. II, стр. 179.

По етому она опчасти сходствуесть съ *Тризною и Стравою Славянъ - Русскихъ и Божіими днями Есіповъ*. Радунца въ Великой Россіи посвящена поминовенію родителей; ибо, по мѣнію народному, они радуются, если ихъ поминуютъ и приходятъ съ ними хрістосоваться. „Радунцею — замѣчаетъ Карамзинъ — назывался какой-нибудь праздникъ у нашихъ древнихъ Славянъ (2).“ Нынѣ извѣстна она болѣе подъ именемъ *родительской*. „Въ „прежнія времена — свидѣтельствуетъ со- „чинитель Церковнаго Словаря въ 1773 году — „въ Радунцы бывало между простонародіемъ „обыкновеніе поминать умершихъ сродниковъ, „съ языческими обрядами, и поминавшій при- „носилъ на ихъ могилу вино, сыченное пиво, „пироги, блины, и по отправленіи священни- „комъ лшшп, взявъ чарку съ виномъ, или „спакзая съ пивомъ, опливалъ часъ на его „могилу, а оставши самъ допивалъ; жени- „цы въ это время плачевнымъ голосомъ при- „чишали добродѣтели покойника. Въ такой „же силѣ, по увѣренію бывшихъ въ отдален- „ныхъ мѣстахъ, было въ обыкновеніи у про- „столюдиновъ суевѣрное хрістосованье съ „покойниками въ Свѣтлую седмицу, ш. е. му- „щна или женщина приходили на могилу

(2) Карамз. И. Г. Р. ч. V, прим. 25.

„умершаго, и покаша по оной краснымъ ящомъ, „говорили: *Христосъ воскресе*, думая, что усопшій отвѣчаетъ ему въ могилѣ: *Воистинну „воскресе* (3).“ Въ Патерикѣ Печерскомъ описывается, какъ въ 1465 г. тѣлеса усопшихъ святыхъ отвѣтствовали на возгласъ священноинокъ въ Великъ день.

Воспоминаніе объ епомъ заупокойномъ праздникѣ сохранилось не только въ народныхъ преданіяхъ и удержалось въ обычаяхъ, но и въ лѣтописяхъ, церковныхъ книгахъ, въ пословицахъ, пѣсняхъ и въ названіяхъ урочищъ.

Въ Троицкой лѣтописи подъ 1572 г. упоминается, что „Липва и Ляхи и Жемопъ придоша изгономъ (къ Переславлю) по Велицѣ дни на другой недѣлѣ во вторникъ, на заупріе по *Радоницѣ*.“ Въ Кіевской Л. подъ 1495 г. „Тояже весны на Радуніцу, Апрѣля 16го, погорѣ Москва нутрѣ весь и казна у Чуда въ монастырѣ.“ Въ 1495 г. Пасха была Апрѣля 7го, слѣдственно 16го числа тогожъ мѣсяца пришлось во *вторникъ* на *Ооминой* недѣлѣ (4). Въ Стоглавѣ осуждаются тѣ, которые по Велицѣ дни, т. е. по Пасхѣ,

(3) Новое прибавленіе къ Словарю церковному, сочин. П. Алексѣевымъ. ч. 5. СПб. 1818, въ 8.

(4) *Карамз.* II. Г. Р. ч. V, прим. 25, 254. и часть IX, прим. 830.

оклитки на Радуницѣ творятъ — и вьюнецѣ. Въ простонародной пѣснѣ говорится о Радуницѣ и заупокойномъ напискѣ слѣдующее:

Зяшь ли про пещу пивца варилъ,

Пива наварилъ, да ко Масляницѣ;

Зваль ли пещу ко Радуницѣ,

А пеща пришла на канунъ Рождества. —

и наконецъ въ старинной поговоркѣ: Выпили пиво обѣ Масляницѣ, а съ похлѣбля ломало послѣ Радуницы.

О Радуницѣ напоминаютъ на Троицкой дорогѣ бывший городокъ *Радонецѣ*, или *Радонѣжѣ*, отъ коего и Преподобный Сергій получилъ прозваніе *Радонежскаго*; въ Егорьевскомъ уѣздѣ озеро *Радовица*, отъ коего заимствовалъ свое названіе *Радовицкій* монастырь. Въ Бѣжецкой пятинѣ было урочище *Радуница*, и Radonice въ Варшавскомъ округѣ, и ш. д.

Въ разныхъ краяхъ великой, малой и бѣлой Россіи донынѣ сохраняется обычай поминанъ родителей на Оминой недѣлѣ, на кладбищахъ, а кой гдѣ и самое названіе. Приведемъ пому нѣсколько примѣровъ.

Въ Устюгѣ Великомъ, съ 1445 г. въ Радуницу бываетъ крестное хожденіе на убогій домъ при Іоанно - Предсечевскомъ монастырѣ, а по совершеніи панихиды, гулянье

въ сосновой роцѣ, выросшей на шамошнемъ кладбищѣ (5). Въ Иркутскѣ, въ епо же время множество народа собирается на общее кладбище, что на *Крестовой горѣ*, и тамъ также сперва поминаютъ усопшихъ, а потомъ гуляютъ и пируютъ (6). Въ Шенкурской и Вельской округахъ, на второй день Пасхи послѣ вечерни идутъ прихожане на горы, на коихъ тамъ стоятъ кладбищенскія церкви: *похристосоваться со своими и погоревать*. Въ Кіевѣ извѣстна Радуница подъ именемъ *Проводовъ*, которые, по народному преданію, дѣлаются въ воспоминаніе Евангельскаго событія: „Когда при распятіи Господнемъ тѣла многихъ святыхъ воспаша и, по воскресеніи Его, выидоша во святыи градъ: тогда сихъ-то святыхъ яко бы опять послѣ праздника сопровождали до гробовъ гражданинъ.“ Но установленіе сіе, по мнѣнію Г. Берлинскаго, въ Кіевѣ относится можно не дѣль времени Петра Могилы: когда нѣкоторыя церковныя обряды заведены были изъ подражанія Польскимъ. За полѣтъ назадъ тому на Славицу (или гору Щекавицу) собирались для поминовения родителей почтеннѣйшіе Кіе-

(5) Сѣверный Архивъ, 1824, No 17.

(6) Новѣйшее повѣствованіе о Восточной Сибирѣ, СПБ. 1817, въ 8.

воподольскіе граждане. Паннихидныя липіи опсправляемы были священниками надъ каждою могилою, потомъ каждое семейство садилось въ круговенькѣ около своихъ покойниковъ и поминало ихъ пѣмъ кушаньемъ и пишьемъ, какое съ собою приносило. Между пѣмъ школьники напѣвали имъ духовныя пѣсни (псалмы), иногда скрипичники наигрывали печально. При томъ угощаемы были и нищіе. — Бѣлорускіе поселяне собираются во вторникъ на Оминой недѣлѣ, часа въ 2 пополудни, на кладбища, гдѣ они капають красныя яйца на могилкахъ у родныхъ и потомъ опдають ихъ нищимъ, которые туда сходяпся во множествѣ. Напослѣдокъ, родительская могила, полишая медомъ и горѣлкою, накрывается бѣлымъ столешникомъ — спавишся кушанье нечетное и нежидкое; ибо епоть *вторникъ* слыветъ *сухилъ*. Кпожъ не въ соспояніи почпишь памяти родителей своихъ задушевною прапезой, пому при семъ случаѣ помогають богатые. Сдѣлавъ къ покойникамъ слѣдующее привѣнспвіе: *Святые родзицели, ходзице къ намъ хлѣба - соли кушаць!* стѣрые и малые садяпся на могилахъ за прапезу. По окончаніи пиршества, опять обращаються къ усопшимъ съ такими словами: *Мои родзицели, выбатайте, не дзивицесь, тѣмъ хата богата, тѣмъ и рада!* —

Послѣ епого, поминальщики раздають оспашки кушанья нищимъ, идутъ въ корчму, гдѣ пьютъ и пляшутъ, оправдывая старинную пословицу: *нагинають за упокой, а сведутъ за здравіе* (7). Въ Болгаріи Радунца также состоить въ причисленіи на могилахъ родителейскихъ, въ пиршествѣ и капаніи красныхъ лицъ. Въ Великой Россіи ведется почти повсеместный обычай между простолюдными, сбираться во вторникъ Ооминной недѣли для поминовенія на могилы родительскія и привѣтствовать усопшихъ опраднымъ гласомъ воскресенія Спасителя міра. Въ епожѣ время, извѣстное подъ именемъ *Красной горки*, женихи, особенно невѣсты, доселѣ ходятъ на кладбища просить совѣта и благословенія у своихъ покойныхъ родителей на брачный союзъ, кладутъ на ихъ могилы яицы, — кои возлагались на гробницахъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ, какъ умилоствительныя жертвы об усопшихъ (8). Сіи мѣста вѣчнаго покоя, священные для сердца человѣческаго, обращающія въ жертвенники благоговѣнія къ мертвымъ и благопосредствія живымъ.

(7) *Lud Polski p. L. Gołębiowskiego. Warsz. 1830, in 8.*

(8) *Luciani dialogi mort. I. l. — Juvenal. sat. V. v. 84.*

Происхожденія сего торжественнаго и древняго обычая должно искать въ колыбели Хрістіанства на Руси, когда послѣднее начинало преобладать надъ народнымъ Язычествомъ и пропировопоставляло обрядамъ его и обычаямъ благочестивыя свои установленія, кои принимая народъ, не могъ не примѣшать къ нимъ первыхъ. Радунѣца упоминаемая въ письменныхъ памятникахъ, не ранѣе XIV вѣка, есть остатокъ *тризны*, о какой такъ упоминаетъ и Левъ Калойскій: „Рускіе, слѣдуя языческимъ обрядамъ Грековъ, совершали жертвы и возліянія въ честь усопшихъ.“ Самое названіе Радунѣцы есть народное, а не церковное, хотя, по существу своему, она, подобно Семицкому четвертку и Троицкой субботѣ, принадлежитъ къ хрістіанскимъ обрядамъ. Чѣмъ касается до осуждаемыхъ *Споглавомъ оклиекъ на Радунѣцы*: то онѣ не что иное должны быть, какъ *притѣтанья*, кои встрѣчались съ *закликаніемъ весны* и съ *горѣлками*, слѣдовавшими за радунѣцкимъ *гореваньемъ*.

IV.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

Извѣстный обычай *обманывать* въ первое *Апрѣля* существуетъ не только во всей почти Европѣ, но и на Востоцѣ. Онъ, какъ увидимъ, происходилъ отъ разныхъ началъ, которыхъ слѣдствія приводятъ къ одному дѣйствию въ одинакое время — вездѣ давалъ поводъ къ шуткамъ невиннымъ и болѣе или менѣе остроумнымъ; онъ обыкновенно оканчивался епимъ обманчивымъ днемъ, оправдываясь, или извиняясь давностію обычая. Сколько время и просвѣщеніе ни изглаживали епимъ обычай, прежде бывший въ общемъ употребленіи и, по существу своему, прописный нравственности, а по произхожденію — и св. вѣрѣ; но воспоминаніе объ немъ пережило многія столѣтія, усвоилось жизни народа и языку, сдѣлалось *притчею во языцѣхъ*.

Начало обычая *обманывать* въ первое *Апрѣля*, подобно многимъ другимъ, перенято отъ древности; впрочемъ онъ находится у древ-

нихъ племень міра, опъ коихъ перешелъ и къ новѣйшимъ съ мѣстными особенностями.

Индійцы около весенняго равноденствія, по древнему лѣтосчисленію Ведъ, который приходится въ Апрѣлѣ, первомъ мѣсяцѣ ихъ года, празднуютъ рожденіе богини Ситы, или Шивы. На епомъ праздникѣ, извѣстномъ у нихъ подъ именемъ *Гули* или *Гулака*, бывали сценическія представленія, среди коихъ они обманывая другъ друга подъ видомъ шутокъ, думали тѣмъ самымъ умилюшисѣ свое божество (1).

У Іудеевъ испочинкомъ епого обычая полагается лживая молва, распущенная по воскресеніи Хрістовомъ, будто тѣло Искушителя ночью похищено было изъ гроба учениками Его, какъ свидѣтельствуетъ *Матѣ. XXVIII, 15.* „Тогда Евреи, замѣчаютъ сочишитель Церковнаго Словаря, научили народъ и 'воиновъ обманывать въ шупку, говоря одинъ: *Хрістосѣ* воскресе, а другой въ опѣишь: *первое* *Апрѣля*, т. е. неправда“ (2). Можеть спашься, первое *Апрѣля* попому избрано для такой нечесливой шупки, что въ епомъ мѣсяцѣ праздникъ Пасхи приходится въ шеченіи каждыхъ 25 лѣтъ, и что воспоминаніе

(1) *Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde*, par I. A. Dubois. 2 t. à Paris. 1825, in 8.

(2) Церковный Словарь *П. Алексеева*. ч. 3. М. 1816, въ 8.

объ епомъ состоипть въ связи съ событіями изъ земной жизни Искушителя міра.

Толкователь Л. Апулея Бироалдъ производитъ первоапрѣльскій обманъ отъ Римскаго праздника въ честь божества Смѣха (Risus); это торжество, совершавшееся тогда, когда дни становились длиннѣе, сопровождалось разными смѣхотворными обманами. „Игры сіи — говоритъ Апулей — ежегодно нами отправляемыя въ честь Смѣха, всегда отличаются какими нибудь новыми выдумками. Мы одни изъ всѣхъ народовъ умилоствивляемъ забавами, весельями и шутками божество, именуемое Смѣхомъ“ (3).

Исландскія саги гласятъ, что обычай обманывать въ первое Апрѣля введенъ самыми Азами, т. е. богами, въ память Скадеи, дочери Тіасса. Оня доселѣ существуетъ въ Даніи, Швеціи и Норвегіи (4).

У Англичанъ первое Апрѣля слыветъ all fools day (днемъ всѣхъ дураковъ), обманутый въ епомъ день — Aprilfool, а у Шотландцевъ hunting the gowk.

У Французовъ первоапрѣльская шутка называется *Апрѣльской рыбою* (poisson d'Avril),

(3) L. *Apuleii Metamorphoseon*. rec. Fr. Oudendorp. Lugd. Bat. 1786—1822. 3 t. in 4.

(4) Edda Saemundina t. III.

что въ переносномъ смыслѣ значить невинный обманъ въ первое Апрѣля. Въ епохѣ же самый день ускользнулъ изъ темницъ Людовика XIII въ Нанси Лотарингскій принцъ Францискъ, который перерядясь крестьяниномъ, переплылъ рѣку какъ рыба и ускользнулъ изъ неволи. Счастливаго бѣглеца иносказательно прозвали *Апрѣльской рыбою*. Но сей обычай долженъ быть древнѣе. Другіе писатели почишаютъ слово poisson испорченнымъ изъ passion спраданіе; что будто относится къ спраданіямъ І. Хріста (5).

У Нѣмцевъ издревле ведется обычай первое Апрѣля посылать мальчика или другаго кого съ пѣмъ, чтобы попросить или посмотрѣть что либо такое, чего нельзя получить или видѣть; это называется у нихъ: *in den April schicken*, послать кого въ Апрѣль, т. е. сыграть надъ кѣмъ шушку, провести кого, а проведенный такимъ образомъ въ епохѣ день именуется *Aprilarr*. Въ средніе вѣки, въ Европѣ допускалось сценическое представленіе различныхъ произшествій изъ Св. Писанія; по сему и кажется вѣроподобнымъ мнѣніе пѣхъ, которые почитаютъ ешу шушку нелѣпымъ подражаніемъ событію, случившемуся при допросѣ І.

(5) *Encyclopedie des gens du monde. t. I. à Paris. 1833, in 8.*

Христа, который приводимъ былъ отъ Каиафы къ Пилату, а отъ Пилата къ Ироду; что дало поводъ къ извѣстнымъ Нѣмецкой и Французской поговоркамъ: *je mande vom Pilatus zum Herodes schicken*, *renvoyer d'Herode à Pilate*, посылашь кого понапрасну (6).

Ешого обыкновенія доселѣ держатся почти всѣ народы Славянскаго племени; у Чеховъ и Словаковъ говорятъ также *poslati koho s Aprilem*. Оно извѣстно въ Польшѣ и Литвѣ подъ именемъ *Primaprilis*, намекающее намъ о Римскомъ его происхожденіи; ибо Апрель у первыхъ, судя по климату, называется по *Березозолемъ*, по *Цвѣтенемъ*, по *Duben*. Ето даетъ поводъ думать, что повѣрье сіе перешло въ Европу отъ Римлянъ съ самымъ названіемъ мѣсяца, или другимъ путемъ вмѣстѣ съ народами Востока, и что оно составляло часть языческаго празднества (7). Впрочемъ, еслибъ мы имѣли почтѣйшія свѣденія о религиозныхъ обрядахъ у Славянъ до введенія въры Христіанской: конечно, при разысканіи оныхъ, намъ открылось бы обширнѣйшее поле и возможность найти истин-

(6) *Conversations-Lexicon. Neue Folge. I. Abth. Leipzig, 1822, in 12.*

(7) *Gry i zabawy różnych stanów etc. p. L. Gołębionyskiego. w Warszawie. 1831, in 8.*

ну, къ какимъ временамъ относится это обыкновеніе. Какъ начала первоапрѣльской шушки должно болѣе искать въ языческихъ суевѣріяхъ, нами упомянутыхъ: по едва ли можно предполагать для него новое основаніе въ Хрістіанскихъ воспоминаніяхъ.

Апрѣльскій обманъ въ Россіи становится исторически извѣстнымъ со временъ Петра I, и, по всему вѣроятію, введенъ Нѣмцами, жившими въ Россіи, между копорыми должно предполагать и прежде еще существованіе етого народнаго обычая. Въ 1700 г. содержатель труппы Нѣмецкихъ комедіантовъ въ Москвѣ объявилъ, что въ день самаго представленія влезетъ въ обыкновенную споловую бутылку. На сценѣ явилась бутылка съ надписью: *Первое Апрѣля* (8). Первоапрѣльскія шушки сперва распространились въ знатномъ кругу, а потомъ уже въ нижнихъ слояхъ общества; но въ крестьянскомъ быту, вдали отъ столицъ онѣ не извѣстны. Преданіе старожиловъ свидѣтельствуемъ намъ, что Нѣмецкіе фигляры и гаеры о Святой недѣлѣ на *Куковинкѣ* (такъ слыло мѣсто Новинскаго гулянья) показывали народу за деньги райки и выкидывали перво-

(8) Дѣянія Петра Великаго, т. 1—4. изд. 2. Москва, 1837, въ 8.

апрѣльскія шутки, приглашая смотрѣть словомъ *Ridder*, отъ коего произошло и самое названіе мѣста: о чемъ напоминаетъ донынѣ существующій тамъ кабакъ *Куковинка*. Известно также, что въ первое Апрѣля позволялись шутки при Дворѣ Императрицы Анны Ивановны и Елисаветы Пепровны.

Такъ ещѣ обычай, родившійся на чужой почвѣ, привился, подобно другимъ, въ отечественнымъ обычаямъ, кои вошли въ составъ жизни народной.

Обманчивая, непостоянная *погода* въ Апрѣлѣ, у Рускихъ въ обыкновенномъ языкѣ называется *Апрѣльскойю*, такъ какъ у Нѣмцевъ *Aprilwetter*, а *Aprilglück*, переменчивое счастье. На Сѣверѣ и погода могла давать поводъ къ объясненію и къ введенію чужеземнаго обычая обманывать въ первый день Апрѣля, и веселыми шутками встрѣчать возвращающуюся весну.

V.

СВИСТОПЛЯСКА.

Свистопляску Вятчане ежегодно празднуютъ въ четвертую субботу по Пасхѣ: тогда собирается множество народа, по большей части, простаго, на то самое мѣсто, гдѣ они, въ 1480 году (1), подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, или, по Софійскому временнику, Росхохина, сражаясь ночью, по невѣденію, съ Устюжанами, пришедшими къ нимъ на помощь противъ Татаръ, побили союзниковъ девять тысячъ подъ предводительствомъ Новгородскаго выходца Анфала, или Анеала, и сына его Нестора. На разсвѣтъ только дня Вятчане узнали свою ошибку. По етому случаю сосѣди прозвали ихъ *слѣпородами*, что

(1) Такъ въ Вятскомъ рукоп. лѣтописцѣ, по свидѣтельству Преосв. К. Но въ Софійскомъ временникѣ, ш. I. стр. 452. означенъ 1418 годъ сего событія.

они своихъ не разглядѣли. Мѣсто погребенія убіенныхъ обратилось въ гульбище: оно находилсѣ на горѣ Раздерихѣ, близъ присущственныхъ мѣстъ, надъ рвомъ рѣки Вятки. Тамъ въ воспоминаніе гибельной битвы Вятчане соорудили деревянную часовню; въ самый день Свистопляски, послѣ обѣдни, поются общія панихиды по убіенныхъ Устюжанамъ, съ провозглашеніемъ вѣчной памяти: „Анѣалу, предводителю Устюжскому, Нестору сыну его, Стефану, Ѳеодору, двумъ Машеямъ, двумъ Григоріямъ, Іоанну, Панкратію, Исааку.“ Въ этой часовнѣ стойтъ большой деревянный крестъ, поставленный, неизвѣстно по какому случаю, какъ показываетъ вырѣзанная на немъ надпись: *Во второй день Мая 1593 года, при Благовѣрномѣ Царѣ Великомѣ Князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и при Благовѣрной Царицѣ, Великой Княгинѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ Годуновой и при Московскомѣ и Всероссійскомѣ Патріархѣ Іовѣ (2).*

Во время Свистопляски, около надгробной часовни, по праздничному обычаю, разставляющіяся шатры, продаются особенныя, дѣлаемыя къ этому дню и случаю, глиняныя

(2) Сравни ст. XX въ III части кн. I. Трудовъ и Записокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. М. 1826, въ 8.

лошадки, свистки съ погремушками, шарикъ и разныя лакомства. Тамъ тогда ребятишки играютъ въ куклы, безпрестанно свистятъ, приплясывая, или спановаясь по обѣ стороны рва, какъ бы въ наступательномъ положеніи, бросають другъ въ друга глиняными шариками, будио въ напоминаніе воинской ошибки предковъ; свистъ же есть проспонародное выраженіе промаха. Между тѣмъ вплоть до вечера продолжается гулянье Вяпчанъ; тамъ поють пѣсни подъ звукъ скрипокъ и балзлаекъ.

VI.

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННІЙ.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день естъ праздникъ земледѣльцевъ и паспуховъ, у Рускихъ, Славянъ и другихъ племенъ. С. великомученикъ Георгій, родомъ Каппадокіанинъ, современникъ Діоклітіана, почищается покровителемъ земледѣлія, спадъ и паспуховъ, по самому значенію его имени и по тому, что онъ являлся на конѣ и въ одно изъ такихъ явленій исцѣлилъ паспуха, обличивъ его въ похищеніи овцы (1). Онъ славенъ также изложеніемъ, въ Ливійскихъ спранахъ, ужаснаго дракона и спасеніемъ отъ него дѣвицы, обреченной ему на жертву. Подобное чудо приписывается и въ другихъ спранахъ другимъ святымъ. Бароній въ своихъ церковныхъ лѣтописяхъ упоминаетъ, что въ IV вѣкѣ по Р. Х. чумоносный драконъ, поселясь у скалы Тарпейской, заразительнымъ дыханіемъ и опустошеніемъ окрест-

(1) Дни богослужбные православной Греко-Росс. Церкви, соч. М. Дебольскаго. Спб. 1837, въ 8.

ностей приводилъ въ ужасъ тамошнихъ жителей. Папа Сильвестръ оѣнивъ это чудовище крестомъ, низложилъ его. Въ память такого событія, въ VI вѣкѣ, учреждено Григоріемъ великимъ крестное хожденіе, ежегодно, для напоминанія чудесной побѣды, одержанной Римскимъ Первосвященникомъ. Между тѣмъ, въ 628 году, распространилось во Франціи вѣрованіе, что Св. Романъ освободилъ городъ Руанъ отъ чудовищнаго дракона; что С. Юліанъ, первый Епископъ Манскій, сокрушилъ въ селѣ Арленсѣ губительнаго дракона, который гнѣзился въ стѣнахъ одного древняго языческаго храма. По преданію, въ округѣ Тейля, С. Арнелій припавъ на епитрахили своей подобное чудовище, бросилъ его съ горы въ воды Сеиха. По сказанію Григорія Турскаго, С. Марцельмомъ освобожденъ былъ Парижъ отъ дракона; а въ Генуѣ недавно еще на площади храма Сан-Сиро, показывался древній колодезь, гдѣ сокрытъ былъ змѣй, пораженный сверхъестественною силою. Во Франціи, въ V вѣкѣ по Р. Х. учреждены процессіи, въ коихъ по три дни носимо было изображеніе дракона на шестѣ (2).

Между старинными рыцарскими пѣснями у Нѣмцевъ встрѣчается пѣснь о сраже-

(2) Antichità Romantica d'Italia: sulle feste. Milano. 1829, in 8.

нии Дидриха съ дракономъ (Dieterichs Drachenfampf): она содержитъ въ себѣ описаніе бытвы Бернскаго Дидриха съ дракономъ, котораго онъ убиваетъ для спасенія дѣвицы. Колларъ, въ собраніи Черниорускихъ пѣсень, приводитъ Старославенскую легенду о Swatém Girj, гдѣ также воспѣвается побѣда его надъ змѣемъ и освобожденіе дѣвицы; она оканчивается слѣдующими стихами:

Swaty Girj znamena Krista spasitele,
A drak satana, zleho nepritele,
Panna cirkew swatù znamena,
Ktera gest krwi Kristowu wykupéna.

Такое преданіе, укоренившееся у столь многихъ народовъ Европы, побуждаетъ насъ искать общаго начала сему вѣрованію. Слова С. Евсевія, согласныя съ словами легенды, представляютъ намъ объясненіе. Въ письмѣ своемъ къ Константину онъ изъясняетъ совершенную радость объ истребленіи Язычества въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Теперь возстановлена свобода, и промыслъ всемогущаго и всеблагаго Бога сокрушенъ драконъ (3).“ Драконъ означаетъ геній Язычества: отсюда и сокрушеніе такого спраш-

(3) Nunc vero, cum libertas restituta sit, et Draco ille providentia quidem Dei Optimi maximi submotus est.

наго звѣря аллегорически представляло Хрістіанамъ положеніе перваго камня новой Церкви на развалинахъ языческаго служенія, или, другими словами, поржесство Откровенія надъ духомъ мрака. Столь обширное значеніе дано подвигу С. Георгія!

Благоговѣніе къ Св. Побѣдоносцу распространилось во всемъ Хрістіанскомъ мірѣ: у Грузиновъ, Грековъ, Генуезцевъ, Италіанцевъ, Французовъ, Англичанъ и Русскихъ. Имя его служило девизомъ, паролемъ и клятвою у Франковъ при судебныхъ поединкахъ и въ битвахъ; ликъ его изображался на гербахъ и на монетахъ Генуезскихъ, Англическихъ и Русскихъ; Грузія, многіе города и урочища, особливо горы въ Нѣмецкомъ, Славянскомъ и Рускомъ мірѣ ознаменованы его именемъ, на пр: въ Верхней Венгріи при рѣкѣ Прадѣ S. Georgenberg, по Славянски Sobotir; въ Краинскомъ Герцогствѣ S. Georgenberg, или Jörgenberg, по Краинской Jurvava gora, помѣстье и замокъ; въ Тиролѣ Zergenberг; подлѣ рѣки Тунегі Юрьева гора. Въ Нерехтѣ ведется поговорка о богатомъ и зажиточномъ человѣкѣ, заимствованная отъ Егорьевской горы близъ города: Онѣ сытъ какѣ Егорьева гора. см. выше Красная горка.

Имя Георгій, отъ Греч. γεωργіος и γεωργіος, земледѣлецъ, селянинъ, въ Даніи и Швеціи

Jörgen, Iögan, Gögan, у Нѣмцевъ въ простонародномъ языкѣ Jürgen, котораго они нѣкогда почитали за нѣкое древнее божество своего Язычества. У Рускихъ издревле, вмѣсто *Георгій*, употреблялось *Юрій*, *Гюргій* и *Гюрги*, вѣроятно отъ Греческаго народнаго *Γοῦργος* и *Γιοῦργάτης*, или отъ Нѣмецкаго *Jürgen*. У Малороссіянъ это имя выражается по просторѣчю *Юрко*.

Егорьевъ день есть не только церковный, но и народный праздникъ, который сопровождается у Грековъ, Скандинавовъ, Нѣмцевъ и Славянъ разными примѣтами, обрядами и весельями. Епископъ свяшый вишязь являясь облеченнымъ мѣлами народными, принимался у Нѣмецкихъ Славянъ за Святовѣда, которому посвященъ былъ бѣлый конь; у Греко-Римлянъ, обратившихся къ Хрістіанству, нерѣдко смѣшивался съ Аполлономъ, Тезеемъ и другими героями Язычества. Сувѣріе жипелей Скандинавіи приписало С. Георгію такія качества и подвиги, какіе придавало Тору или Одину (4).

Сама древность Хрістіанская, по свѣдѣтельству С. Григорія Назіанзина, приписывала св. мученикамъ вліяніе на погоду и

(4) Edda Saemundina. t. III.

на плодоносіе земли: опѣ епого встрѣчается у разныхъ народовъ множество повѣрьевъ и обычаевъ сельскихъ въ календарѣ погоды, ознаменованныхъ именемъ С. Георгія.

Въ Греціи С. Георгій, почиаемый покровишелемъ земледѣльцевъ и паспуховъ, открываетъ паспущескій годъ и празднуется семейнымъ пиршесствомъ, на коемъ обыкновенно съѣдается первенецъ стада. Сами Турки имѣютъ глубокое уваженіе къ сему святому, котораго называютъ *Djirjis*; Султанскимъ указомъ строго запрещено употреблять въ пищу ягнятъ прежде Юрьевы дни (5).

Весенній праздникъ С. Георгія приходится въ то самое время, когда у многихъ изъ сѣверныхъ народовъ вошло въ обыкновеніе торжесествовать насупленіе лѣшняго періода, или весны; и донынѣ въ Исландіи и Финляндіи простолюдины почиаютъ епоть день за великое празднество, опправляемое у нихъ съ чрезвычайною радостью и съ различными языческими обрядами. Въ епо время мущины, предаваясь пьянству, поютъ пѣсни, а женщины дѣлаютъ возліанія молокомъ у нѣкоторыхъ священныхъ деревьевъ. Въ Скандинавіи часпо встрѣчается живописное

(5) *Pouqueville voyage dans la Grèce. V tomes. à Paris. 1829, in 8,*

и ваятельное изображеніе С. Георгія, поражающаго копьемъ дракона, и доселѣ въ народѣ повторяется сказаніе о его подвигѣ. На островѣ Фіоніи, близъ Свенбурга, указывается мѣсто, гдѣ, по преданію, С. Побѣдоносецъ сражался съ дракономъ и гдѣ поле, обогренное кровью чудовища, ничего не произрастаетъ (6). Изъ легенды у Французовъ о покорности низложеннаго змія С. Георгію произошла поговорка: *Rendre les armes à Saint Georges*, возвращишь оружіе С. Георгію.

Въ Сербіи, въ Юрьевъ день, весьма уважаемый народомъ, прежде восхожденія солнца начинаютъ купаться, и освященною вербой, такъ какъ въ Россіи, выгоняють въ поле скопину. Тамъ и пословица говоритъ: *Нѣтъ лѣта безъ Юрјева дни*; а въ пѣсняхъ дѣвица такъ призываетъ епомъ день: „О праздникъ С. Георгія, приди и найди меня „за мужемъ!“ (7). Мадыары называютъ и Апрель, въ коемъ приходится оный, *Szent György hava*.

Въ Булгаріи имѣють обычай въ день С. Георгія закалать агнца такъ, чтобы ни капли крови его не пало на землю, а кровію его

(6) *Rüh's Finnland u. seine Bewohner*. Leipz. 1809, in 8, p. 506.

(7) *Poësie populaire des nations Slaves* въ *Revue britan.* Janv. 1837, No 13.

помазываютъ дѣшей своихъ, дѣлая знаменіе креста на челѣ, ланипахъ и бородѣ. Зажаривъ епсого барашка, собираются всѣ домашніе и холосная родня, призываютъ священника, который надъ нимъ читаетъ молитву и благославляетъ: попу опѣдается шкурка и лопашка ягненка. Когда ѣдятъ освященнаго барашка: по собравъ всѣ косточки, зарываютъ ихъ въ землю. Въ епсѣ же день, по замѣчанію Г. Липранди, жарится такой барашекъ, только безъ означенныхъ обрядовъ, въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и въ другихъ мѣстахъ Општоманской Имперіи. На всемъ Востокѣ, въ Архипелагѣ и у насъ на Черномъ морѣ, Греки, Славяне и Турки не прежде пускаются въ море, какъ въ Юрьевъ день (8).

Во многихъ мѣстахъ Красной и Бѣлой Руси Юрьевъ день — праздникъ паспуховъ, въ Черной Руси *обѣдая*, когда свящаютъ хлѣбъ. Епсѣ торжествѣ сопровождается конскими ристаніями, пѣснями и пиршествами. Въ Бѣлоруссіи тогда же выгоняютъ изъ хлева вербою скотъ *на Юрьеву росу* (9); тамъ

(8) Путешествіе изъ Триеста до С. Петербурга, въ 1810, 2 ч. М. 1825, въ 8.

(9) Съ Юрьева дни до Михайлова въ Тюрингенъ запираются луга, въ силу сѣннаго права (*Heutecht*), которое

поговорка *вытти на Юрьеву росу* значить выздоровѣть больному челоуѣку: тогда наспухи получаютъ по десяпкѣ яицъ, по купшину молока и гоповаятъ себѣ въ полѣ яичню. По выгонѣ скота на Юрьеву росу, хозяинъ уже не забоится объ немъ, будучи увѣренъ въ безопасности своей скотины, порученной покровительству С. Георгія. По тамошней поговоркѣ, *Св. Юрій коровѣ запасаетъ, а Никола коней*. Если же тогда случится въ приходской церкви праздникъ сему святому: то отправляется *жермашъ*, у Поляк. *Kiermasz*, или *Iarmark*, приходское торжество, соединенное съ угощеніемъ сосѣдей.

Въ Малороссіи, 23 Апрѣля бываетъ кресный ходъ *на жито*, по замѣчанію Г. Лашкевича изъ Спардуба: опитѣвъ молебень съ водосвященіемъ, священники окропляютъ

и произвело пословицу: *Die Wiese gehet in das Heu zu St. Georgentag*, т. е. лугъ идетъ въ сѣно, на лугахъ начинаютъ косить, съ Георгіева дни. Другая пословица также гласитъ:

Auf Sanct Gürgen

Soll man die Kuh von der Weide schürgen,

т. е. На св. Юрія надобно корову шуркать (гнать) съ пажити. См. *Die Sprichwörter u. sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen*, von Dr. W. Körte. 4 Lief. Leipz. 1837, in 8.

нивы св. водою. Послѣ епого, молодежь обоего пола забавляется невинными играми, капаются по жигу, чтобы *быть сильными и здоровыми, какъ Юрѣва роса*. До крестнаго хода поселяне не выгоняють скотины въ поле; а женщины знахарки, на зарѣ епого дня, выходятъ на поле и шамъ разспилають холстъ, который онѣ напилываютъ росою: ешимъ онѣ хвалятся, по произволу, причинить вредъ рогатому скоту, особливо ко-
ровамъ, опнивая у нихъ молоко. Въ Курскѣ, въ Юрѣвъ день, близъ Егорьевской церкви на Херсонской улицѣ бываетъ ярмарка, на коей продаются деревянные и глиняныя коровки и другія животныя.

На Сѣверѣ Россіи, въ епотъ день бываетъ первый всенародный праздникъ съ открытія весны; между простолюдинами онъ поже, что въ городахъ первое Мая. Въ Шенкурской и Вельской округахъ, по Вагъ, въ Юрѣвъ день опправляется молебствие всѣмъ міромъ, которое заключается пиршествомъ по домамъ. Молодцы, дѣвицы и молодки собравшись шамъ на широкіе луга, составляють два опдѣленія; молодцы присоединяются къ дѣвицамъ и взявшись за руки, бѣгаютъ по прямому направленію, вплошь до вечера. Послѣ епого праздника, крестьяне принимаютъ сѣять ячмень, овесъ и ш. д. Око-

ло Солигалича и Буя, въ Юрьевъ день, ночью крестьяне ходящъ и поющъ пѣсни съ припѣвами о сохраненіи стада своихъ. Въ Смоленскѣ жишели выходятъ за городъ прохладжались *на горы*, а пастухи выгоняютъ скотъ на Юрьеву росу и праву. Въ Тульской Губ. служатъ также молебны на колодцахъ; послѣ чего, окропивъ скотъ св. водою, выгоняютъ его въ поле вербою, освященною въ Вербное Воскресенье. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ходящъ вокругъ селъ и полей съ св. образами; въ Муромскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству Ходаковского, сами поселяне нашивали св. образа и свѣчи вокругъ пашни своей, съ пѣніемъ слѣд:

„Воскликнемъ-те, братцы,
Свяшую куралесу (10):
Даждь, Боже, намъ
Ячмень ушатый,
Пшеничку колосисту, и т. д.

С. Линде въ своемъ Словарѣ Славянскихъ нарѣчій замѣчаетъ, что „въ Россіи два Егорья: „одинъ весенній, другой осенній; одинъ годный, другой холодный.“ — Какъ въ разныхъ климахахъ Россіи, въ Юрьевъ день случается разная погода, и природа представляется въ разныхъ видахъ: по въ одномъ мѣстѣ онъ является *съ теплою*, въ другомъ

(10) Въроятно, искаженное: *Куріе Ілѣтнов*.

съ двѣнадцатью морозами, въ одномъ съ водой, въ другомъ съ кормомъ. Въ Московской, Костромской и иныхъ Губерніяхъ подь одинакою съ ними широтою, пословица гласитъ: *Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ*; онъ приходитъ съ двѣнадцатью морозами и попомъ съ тепломъ. Двинскіе и Важскіе жишели говорятъ: *Егорій съ водой, а Никола съ травой*; потому что съ перваго дни послѣднихъ числъ Апрѣля, Сѣверная Двина и Вага часто вскрываючися, а съ появленіемъ Мая появляеися зелень на берегахъ, освобожденныхъ отъ льдистой коры своей. Въ Тульской и Орловской Г. говорятъ поселяне: *Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ*, а въ Рязанской и Тамбовской: *Егорій съ кормомъ, а Никола съ мостомъ*. Съ ешимъ днемъ у крестьянъ соединены разныя примѣты, относящіяся къ ихъ быту; тогда бывають у нихъ сроки и порги, выгоны и первое сѣяніе яроваго и огородныхъ распеній. Начиная съ Юрьева праздника свои труды и сдѣлки, они свящаютъ имя С. Георгія великимъ благоговѣніемъ и призывають его на помощь въ работахъ и напастяхъ своихъ.

При началѣ Хрістіанства въ Россіи нѣкоторые великіе и удѣльные Князья носили уже имя С. Георгія, въ честь котораго и

сооруженъ храмъ въ Кіевѣ предъ вратами С. Софіи, 1037 г., и установленъ праздникъ освященія онаго по примѣру Греческой Церкви. На Югѣ Ярославомъ Юріемъ, основателемъ Юрьева Ливонскаго, а на Сѣверо-Востоку Россіи поселено особенное благоговѣніе къ сему святому В. К. Юріемъ Долгорукимъ, основателемъ Юрьева Польскаго; послѣдній съраспространеніемъ своихъ владѣній на Сѣверѣ распространилъ и вѣру Евангельскую подъ знаменами своего патрона, между полуязыческими племенами, и соорудилъ въ честъ его церкви (11): что, можетъ быть, и дало поводъ внести С. Георгія и въ гербъ Россійскій, какъ утвердителя и защитника православія, поборника Хрісполубивому воинству и *плѣнныхъ* свободителя. Въ старинномъ народномъ сказаніи *Егорій храброй* (12) представляется сыномъ премудрой Софіи и братомъ шрехъ ея дочерей, проповѣдникомъ Бусурманства и поборникомъ вѣры истинной на свѣтлой Руси. Принявъ благословеніе отъ Св. Софіи, онъ говоритъ:

„Поѣду я по всей землѣ свѣтлоруской

Утверждаю вѣры Хрістіанскія.“

Тутъ же Егорій потъжаючи,

Свяшую вѣру утверждаючи,

Бусурманскую вѣру побѣждаючи,

(11) *Карамз.* II. Г. Р. ч. I.

(12) по списку П. В. Киреевскаго.

Наѣзжалъ Егорій храбрый
На лѣса на дремучіе :
Нельзя Егорію было протѣхашъ ,
И Святому подумаши ;
И Святой Егорій проглаголуешь :
Ой вы , лѣса шѣмные !
Вы лѣса дремучіе !
Зароститесь вы , лѣса ,
По всей землѣ свѣтлоруской ,
По крупнымъ горамъ , по высокимъ ,
По Божьему все повелѣнью ,
По Егорьеву все моленію !

Св. Георгій назначаетъ мѣсто въ Русской землѣ , по Божьему велѣнью , лѣсамъ , горамъ , рѣкамъ , звѣрямъ ,

Они (звѣри) пьютъ , ѣдятъ повелѣнное ,
Повелѣнное , благословенное
Отъ Георгія храбраго ,
Наѣзжалъ Егорій на сѣадо на змѣиное ;
Вынималъ Егорій саблю острую ,
Сѣадо острое , змѣиное.
Посѣкъ , порубилъ сѣадо острое.

Въ заключеніе Побѣдоносець крестилъ прехъ сестръ изъ Бусурманской вѣры въ истинную Хрістіанскую. Ета легенда , по замѣчанію Профессора Шевырева , вѣроятно относится къ эпохѣ освобожденія Россіи отъ Татарщины — *стада змѣинаго*.

О Св. Георгіѣ у крестьянъ существуетъ повѣрье, что онъ ѣздитъ на бѣломъ конѣ, который въ средніе вѣки былъ символомъ феодальнаго Государя (13); хранишь скотъ и только за нечестіе пастуховъ предаешь его на расхищеніе волкамъ; отсюда вѣроятно и поговорка: *Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ*.

Еще въ XVI вѣкѣ существовало на Руси повѣрье, что въ Лукоморѣ есть люди, которые умираютъ въ Юрьевъ день осенній (26 Ноября), а въ весенній оживаютъ, снося предъ смертію своей повары въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди ихъ, въ теченіи зимы, могутъ брать оныя за извѣстную плату. Зимнеспячки воскресая весною, расчипывающіяся съ ними (14). Подобное сказаніе о полунощныхъ народахъ, спавшихъ по шести мѣсяцевъ въ году, извѣстно было и Геродоту, который не вѣрилъ етому, хотя основаніе такому мнѣнію находилось въ мѣстности, климатѣ и образѣ жизни.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день, на Руси въ старину былъ замѣчате-

(13) У Поляковъ есть и пословица: *Nabożny iak S-Jerzego koń*, „набоженъ какъ конь С. Георгія“, говорится о пустосваѣхъ.

(14) *Харамз.* И. Г. Р. ч. I стр. 8 и VII стр. 233.

лень срокомъ перехода поселянъ опъ одного помѣщика къ другому и поселенія ихъ, по условію, на помѣщичьей землѣ; онъ важенъ началомъ и окончаніемъ полевыхъ работъ; самый оброкъ, вносимый крестьянами помѣщику, называется *Юрьевымъ* (15).

Въ память побѣды Рускихъ надъ Чудью и Воляками, жилили Хлынова весною и осенью въ Юрьевъ день нашивали изъ села Волкова въ Вятку съ образомъ С. Георгія желѣзныя стрѣлы, бывшія оружіемъ Чудскимъ (16).

Сполъ много воспоминаній и предметовъ жизни народной соединялось въ лицѣ С. Георгія! Его день на Руси важенъ не только какъ праздникъ церковный, но какъ и народный, въ историческомъ, хозяйственномъ и политическомъ отношеніи. —

(15) см. Рускіе въ своихъ пословицахъ, И. С. ч. I—4.

(16) Карамз. И. Г. Р. ч. III. прим. 33.

VII.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Первомайскій праздникъ у городскихъ жителей есть первое весеннее гулянье за городомъ въ рощѣ, гдѣ болѣе катаются въ экипажахъ, чѣмъ гуляютъ пѣшіе. Перваго Мая бывали и школьныя празднества въ западной, южной и отчасти въ сѣверо-восточной Россіи.

Ето гулянье, неизвѣстное въ сельскомъ быту на Руси, есть иноспирное и новое; возводя насъ къ западнымъ обычаямъ, оно переноситъ въ древній Римскій міръ, гдѣ надобно искать и самаго значенія слова *Май*.

Нашъ Май есть Римскій *Majus*, сначала претій, а потомъ пятый мѣсяцъ года, посвященный у Латинянъ разнымъ богослужбынымъ обрядамъ и празднествамъ, какъ-то: въ честь Доброй Богини (*Bona Dea*), или *Maiu*, вѣроятно давшей названіе и мѣсяцу, который другіе производятъ отъ *majores* (предковъ), въ память усопшихъ (*Lemuria* или *Remulia*), также въ честь Меркурія, проводника душъ усопшихъ, сына *Maiu*, дочери Атлантовой и т. д. (1). Изъ числа мѣстныхъ божествъ

(1) Neues Real-Schullexicon, von C. Junke. 4 T. Braunschweig. 1801, in 8.

Лаційскихъ извѣстїенъ *Maii* (Majus) въ Тускулѣ, а *Mai* (Maia, или Majesta), по свидѣтельствѣ Макробія, посвященъ былъ мѣсяцъ Май. Всѣ сіи божества и мѣны одноименныя, взятыя вмѣстѣ, могли сообщить свое названіе мѣсяцу Маю, который и самые Римскіе писатели производятъ по опъ одного, по опъ другаго. Въ вѣчномъ градѣ было также Майское празднество *Majuma* въ воспоминаніе *Maii*, выводимой изъ Востока и значущей въ Индійской Мифологіи *мать природы*; оно, какъ полагаютъ нѣкоторые Археологи, начиналось въ концѣ Апрѣля и оканчивалось въ началѣ Мая (2), сославляя одно съ *Iudi florales*. Въ этотъ праздникъ Римляне обливали другъ друга и купались въ Тибрѣ, въ который Веспалки бросали тростниковыя чучелы въ честь Сатурна. У Франковъ былъ подобный первому обрядъ, сопровождавшійся наказаніемъ мужей, давшихъ волю своимъ женамъ (3). Первое Мая съ утра Римляне обоего пола выходили въ поле съ музыкою собирать зеленныя вѣтви, которыми украшали двери своихъ родственниковъ и друзей.

Дни поминовеній у Римлянъ осенью и особливо весною почитались неблагопріят-

(2) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. t. IV. Halae. 1786, in 3.

(3) Вѣстникъ Европы 1811, No 20.

ными для свадебъ ; посему и Май, признаваемый бѣдспвеннымъ для супружескнхъ, далъ поводъ къ пословицѣ: *Mense Majo malae nubunt*, т. е. въ мѣсяцъ Маѣ выходятъ за мужъ злонаправныя, распущныя. Это повѣрье, проотивное истинной вѣрѣ и разсудку, передалъ намъ Овидій *in Fastis*, кн. V, въ слѣдующихъ стихахъ:

Nec viduae taedis eadem, nec virginis apta

Tempora; quae nupsit, non diuturna fuit.

Nac quoque de causa, si te proverbia tangunt,

Mense malas Majo nubere vulgus ait.

„т. е. Время сіе не благопріятно ни вдовамъ, ни дѣвицамъ, вступающимъ въ бракъ; не „долговѣчна бывала ша, которая выходила „за мужъ. По етой причинѣ, если вѣрить „пословицѣ народной: въ мѣсяцъ Маѣ выходятъ „за мужъ женщины злонаправныя, дурныя.“ Плутархъ говоритъ также, что „Римляне не женятся въ Маѣ, но ожидаютъ Іюня“ : οὐ γὰρ μοῦβιν οὐκ ἐν τῷ Μαΐῳ, περιμένοντες τὴν Ἰουνιον (4). Также у Русскихъ извѣстна поговорка : Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ вѣкъ маяться. Примѣша о маяніи супруговъ, сочетавшихся въ Маѣ, какъ замѣчаетъ одинъ Археоплхъ (5), ежели встрѣчается и въ крестъянскнхъ: то вѣрояшно, отъ того,

(4) *Plutarchi R. Q.* 86.

(5) Московск. Вѣстникъ, 1828, № 4.

что послѣ Мая начинаются для бабъ, подлинныхъ помощницъ для мужей, самыя трудныя работы, при недоспаиѣхъ продовольствія: возка и разбивка назема, сѣнокосъ и жнитво. Французы говорятъ также пословицей: Noces de Mai, nocés mortelles, т. е. Майскія свадьбы, смертельныя свадьбы.

У Грековъ *Первое Мая* (*Прωτομαϊα*) есть веселый праздникъ, похожій на Рускій Семикъ. Тогда у нихъ двери домовъ украшаются цвѣтами и древесными вѣтвями, и вся Греція встрѣчаетъ начало лѣта въ рощахъ и садахъ народными увеселеніями. Но самое названіе мѣсяца и празднество заимствованы ими отъ Римлянъ. Въ Фессаліи, по свидѣтельству тамошняго уроженца ученаго Байло, двое юношей въ вѣнкахъ ходятъ по домамъ въ первый день Мая.

У Шведовъ, Датчанъ, Нѣмцевъ и Англичанъ издревле *Первое Мая* (*Meys-tag*) было радостнѣйшимъ праздникомъ, вѣроятно, оспашкомъ Одинова богоученія. Майскія веселья сопровождались хороводами вокругъ *Майскаго дерева*, которое у Римлянъ называлось *Maius, arbor majalis*, у Датчанъ *Maistræ*, у Англичанъ *Maypole*, у Французовъ *le mai*, у Нѣмцевъ *Maibaum* (6). Доселѣ молодыми березками (*die Maie*) украшаются въ Германіи дома, комнапы и церкви, особливо

(6) Edda Saemundina, t. III.

въ Троицынъ день. Первое Мая поселяне одного или многихъ селеній, собравшись вмѣстѣ, ѣздяпъ вапагами на лошадяхъ съ зелеными вѣпвями въ рубахъ или на шляпахъ; что называется въ Даніи и Германіи: *привозить лѣто на коняхъ въ село*. Тогда же пѣвались веселыя пѣсни. Брапчины, дѣлавшія на свой щепъ пиршество, назывались *Majigilder*. Отъ Майскихъ народныхъ игръ произошли у Франковъ и Англичанъ *собранія Майскаго поля* (*Mai campus*), какія ежегодно назначали въ Маѣ первые Короли Франкскіе. По окончаніи дѣлъ, давались пиршества и зрѣлища съ разными потѣхами. Во многихъ мѣстахъ Франціи еще сохраняется обычай спавить передъ домомъ городского Мера Майское дерево. При Людовикѣ святомъ дѣяки (клеры) судилища *Basoche* пользовались правомъ срубить дерево въ Винценскомъ лѣсу и спавить его предъ дворцемъ. Наконецъ, въ Испаніи наряжаютъ прекрасную поселянку въ бѣлое платье и увѣнчавъ ее цвѣтами, сажаютъ на пропѣ, а юныя подружки, окружающія ее, дѣлаютъ сборъ для *Maiu*, какъ бы въ воспоминаніе епой плеяды (6). Тамъ Апрель и Майпочитаются ключами къ цѣлому году. Въ Англии и Скандинавіи

(6) Dictionnaire de la conversation et de la lecture. t. XXXV. Paris. 1837, in 8.

избирались Майскіе цари и царицы, которые въ вѣнкахъ изъ Майскихъ цвѣтовъ, въ сопровожденіи юношества обоого пола, обводимы были вокругъ высокаго шеста, называемаго Majstöng. Шведскій Король Густавъ I, въ 1596 году, сдѣлалъ Іоанна Магнуса, Упсальскаго Архіепіскопа Майскимъ Королемъ (Maigreffwe), котораго водили въ цвѣточномъ вѣнкѣ по улицамъ на Ериховой ярмаркѣ, 18 Мая. Етошь Maigreffwe давалъ пиршество Королю, придворнымъ и народу (7).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи Ивановъ огонь (Johannisfeuer) зажигаютъ 1 Мая, добывая его преніемъ дерева объ дерево (8). Какъ въ Кіевѣ, въ Ивановскую ночь, на Лысую гору, такъ въ Германіи на Броккенъ, или Блехсбергъ, въ Вальпургову ночь, наканунѣ перваго Мая, оповсюду собираются вѣдьмы, колдуньи, враждебные духи и всѣ, которые находятся въ связи съ дьяволомъ: они превращаются въ разныя животныя, ѣздятъ на лопатахъ и помелахъ. Тамъ онѣ пляшутъ вокругъ чертова прѣбизца и совершаютъ неисповое торжество. Въ Вальпургову ночь, извѣстную въ Германіи и Швеціи, у Нѣмцевъ по мѣстамъ ведется обычай бѣгать съ

(7) *Ihre Glossarium Sviogothicum*. Upsalae. 1769, 2 т. in f.

(8) *Handbuch der Germanischen Alterthumskunde*, von Dr. G. Klemm. Dresden. 1836, in 8.

горящими пучками соломы, привязанными къ длиннымъ шестамъ, и спрѣлять въ сосѣднія горы. Какъ Маемъ нѣкогда Европейскіе народы начинали новый годъ: по и еша таинственная ночь и относящіяся къ ней суевѣрія остаются еще въ обычаяхъ при перемѣнѣ времени года; при томъ первое Мая составляетъ для жителей Германіи важную эпоху, съ которой начинаются экономическій годъ и полевые работы, заключаются контракты по откупамъ: по древніе Нѣмцы, по суевѣрію своему, почитая всякую неудачу въ хозяйствѣ дѣломъ дьявола или вѣдьмъ, его помощницъ, могли представлять себѣ, что особенно наканунѣ Мая, ночью они спровадятъ имъ козни. Такимъ образомъ введенъ обычай разгонять въ эту ночь бѣсовъ и вѣдьмъ (9). Самое положеніе и свойство Броккена, составляющаго часть Гарца въ Вернигеродскомъ графствѣ, даютъ поводъ заключать, что тамъ въ Язычествѣ было капище, а въ мѣстахъ вѣдьмъ предполагаются слѣды ночнаго сходбища и богослужебнаго обряда, совершавшагося жрицами и вѣдьмами. Майскій праздникъ истогниковъ славился въ Богеміи (10).

У Нѣмцевъ Май въ древности назывался *Mejemonat*, н. е. *Wonnemonat*, радостный, *Wiesemonat*,

(9) *Энциклопедическій Лексиконъ*, т. III.

(10) *Жармаз*. И. Г. Р. ч. I.

луговой, Rosenmont розовой; Tri-milchi, у древнихъ Саксоновъ и Англичанъ прое-млечный, попому что въ Маѣ прижды въ день доятъ коровъ. У Славянскихъ племенъ ешотъ мѣсяць извѣстенъ по подѣ именемъ *Травеня*, по *Цвѣтня*, по подѣ Римскимъ именемъ *Мая*. У Поляковъ только Марпъ (Marzec) и *Май* (May) сходны названіемъ съ Римскими мѣсяцами; у нихъ May значипъ также зелень, вѣтви съ зелеными листьями, особенно березы, а uścisć głowę увѣнчашъ голову вѣнкомъ. Maj, Majówki — Майскія гулянья, праздникъ весны въ первомъ ея цвѣтѣ. У древнихъ жителей, говоритъ Л. Голембовскій, была богиня Мая, коей они воздавали почтеніе въ первый день ешого мѣсяца; ее донынѣ призываютъ Греки въ пѣсняхъ и пляскахъ, коими обыкновенно вспрѣчаютъ Славяне весну на муравѣ (11). При послѣднемъ изъ Королей Ягеллонскаго племени Сигисмундъ Августъ, еще въ нѣкоторыхъ округахъ сходились наряженные молодицы на лугъ и, схватившись руками, составляли хороводъ (коло) и съ упоительными плясками возглашали похвалы веснѣ. Въ Пинщинѣ и другихъ краяхъ Липовы, первое Мая, народъ, собравшись на лугъ для веселья,

(11) Gry i zabawy różnych stanów etc. opis. p. L. Gołębiowskiego. w Warszawie. 1831, in 8.

спавилъ шамъ зеленое дерево, украшенное разноцвѣтными лентами. Туда сходились дѣвки, молодки и парни подъ предводительствомъ избранной ими прекрасной и ловкой дѣвицы, которая представляла изъ себя богиню Маю; свѣжій зеленый вѣнокъ украшалъ чело ея, а березовыя вѣтки обвивали весь ея станъ. Повторяя въ пѣсняхъ своихъ: о Маја! Маја! онѣ плясали около дерева.

Май былъ не только сельскимъ, но и издавна школьнымъ празднествомъ въ Польшѣ и Литвѣ. Въ тамошнихъ училищахъ оно извѣстно подъ именемъ Majówki, или рекреацие majowe. На самомъ разсвѣтѣ перваго или послѣдующихъ дней Мая, колокольчикъ и музыка сзывали учащихся и учащихся на дѣдинецъ (дворъ), опшуда ряды ихъ, подъ своими знаменами, шли за городъ, гдѣ ихъ угощали тамошніе помѣщики и гдѣ они забавлялись разными играми, особенно гимнастическими, и поздно уже вечеромъ возвращались домой съ веселыми пѣснями и музыкой.

Естьъ обычай, существовавшій издревле во всѣхъ Европейскихъ училищахъ, изъ Польши перешелъ и въ южную и даже въ великую Россію, вмѣстѣ съ школьными системами.

Въ прежней Кіевской Академіи, въ при Майскія рекреациі, всѣ ученики и учителя и спороніе любители наукъ выходили для

забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ Глубочица (12). Тамъ всѣ забавлялись разными играми, а студенты пѣли кантаты. Учитель поэзіи обязанъ былъ ежегодно сочинять комедіи или трагедіи для такихъ прогулокъ, а прочіе учителя писали діалоги.

Въ прежде бывшемъ Харьковскомъ Коллегіумѣ и въ другихъ училищахъ духовныхъ праздновались Майскія рекреаціи 1, 15 и 30 числѣ мѣсяца, а Богословскія 8 го.

Въ Великой Россіи, какъ мы уже замѣтили, у поселянъ Юрьевъ день, первый весенній праздникъ, то же что первомайское гулянье у горожанъ. Въ Москвѣ оно бываетъ обыкновенно въ Сокольнической рошѣ, которая сослѣдуетъ частъ Лосиннаго погоннаго острова, гдѣ издревле Рускіе Государи любили потѣшаться звѣриною и соколиною охотой. Въ просторѣчій это гулянье слыветъ *Нѣмецкими станами и Нѣмецкими столами*. Преданіе гласитъ, что здѣсь было первое становище Нѣмцевъ, вызванныхъ и добровольно пріѣхавшихъ въ Россію и поселившихся въ Нѣмецкой слободѣ, извѣстной подъ Финнскимъ названіемъ *Кукуй*, или *Кокуй* (13). На новосельи они собирались вспоминать

(12) Описаніе Кієво-Софійскаго Собора и Кієвской Іерархіи. Кієвъ, 1825, въ 4.

(13) костеръ. см. *Жупало*. Карамз. II. Г. Р. ч. XI.

отечественный свой праздникъ *Первое Мая*; любопытство привлекало туда и Русскихъ, у которыхъ въ послѣдствіи обрусѣлъ епопѣй чужестранный праздникъ; но названіе *Нѣмецкихъ становъ* удержалось.

Когда въ Москву приведены были пѣнные Шведы: Пётръ I поселивъ ихъ близъ Сокольничьей рощи, роздалъ знающимъ разнымъ мастерства въ науку Русскихъ мальчиковъ, которые помѣщены были въ Матроской фабрикѣ въ Преображенскомъ селѣ. Епопѣй Государь - хозяинъ, имѣвшій дворецъ въ Сокольничьей рощѣ, гдѣ теперь Чорикова дача и старыя липы въ саду, угощалъ Шведскихъ и Нѣмецкихъ мастеровъ, по обычаю ихъ спиранны, въ первое число Мая: епо угощеніе прослыло *Нѣмецкими столами*. Кпо изъ Московскихъ жителей не помнитъ тѣхъ *Русскихъ столовъ*, какіе давалъ сряду при дни послѣ своей коронаціи Императоръ Александръ I своему народу на Сокольничьемъ полѣ!

Такъ изъ частнаго Нѣмецкаго гулянья составилось общее Московское! Какъ Пётръ I завелъ въ Россіи народныя гульбища: то и учрежденіе первомайскаго гулянья въ Сокольникахъ приписывается ему, тѣмъ болѣе, что онъ обратился мѣсто соколиной попѣхи въ позорище примѣрныхъ сраженій, осадъ крѣпостей и, вѣроятно, самъ участво-

валъ съ Нѣмцами въ ихъ народномъ перво-майскомъ праздникѣ, который они отправляли на чужбинѣ, подѣ гостепріимною сѣнью Сокольнической рощи. Теперь, въ епотѣ праздничный день, роща, вмѣщающая въ себѣ прелестный лѣтній городокъ, оглашается оркестрами музыки и хорами пѣсельниковъ и цыганокъ; по дорогамъ планутся блестящіе ряды екипажей, песпіръютъ группы пѣшеходцевъ обоого пола и разнаго званія, а въ сторонѣ, подѣ привѣтною сѣнью сосенъ сидятъ сѣмейныя круговеньки за самоваромъ; по мѣстамъ приманивающъ къ себѣ палатки и шатры съ прохладительнымъ и горячительнымъ, а разныя попѣхи балагановъ забавляющъ толпы гуляющихъ.

Въ такихъ видахъ представляется у насъ первомайскій праздникъ, переданный намъ, какъ *школьный*, опѣ Поляковъ, какъ *народный городскій*, опѣ Нѣмцевъ! Опѣ етого первый болѣе извѣстенъ въ бѣлой и малой Россіи, а другой въ великой. Оба сдѣлались достояніемъ городовъ; ибо у поселянъ первое Мая, съ *Еремея запрягальника*, выходятъ на *Майскую росу* пахать поле и, по Майской погодѣ примѣчаютъ, каковъ будетъ урожай хлѣба и сѣна, чтобы зимою имъ не маяться.

VIII.

ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.

Птицегаданіе, или птицеволхвованіе, столь важное въ вѣрованіи Египтянъ, Римлянъ и восточныхъ племенъ, извѣстно и Славяно - Рускимъ, какъ видно изъ старинныхъ народныхъ повѣрствъ и обрядовъ, доселѣ существующихъ (1). Къ птицамъ пѣвчимъ, вѣщимъ (*oscines*), предвѣщающимъ добро и зло своимъ голосомъ, принадлежишь *кукушка*, коей звукоподражательное названіе во всѣхъ почти языкахъ сходно: у Индусовъ она *kokila*, у Турокъ *koukou-kouchi*, у Еллиновъ *κοκκινις*, у новыхъ Грековъ *κοκκος*, у Римлянъ *cuculus* (*canorus*), у Французовъ *coucou*, у Нѣмцевъ *Kuckuck* или *Mai Vogel*, у Англичанъ *cuckoo*, и ш. д. Но въ Малороссійскомъ нарѣчій, такъ равно и въ Чешскомъ (*Ježhule*), она извѣстна подъ именемъ *зозули*; а въ Литовскомъ *Gieguzie*, *Kukuška* значитъ Май.

Въ Литовской Мифологіи, столь обильной превращеніями, кукушка занимаетъ главное мѣсто (2). Въ ней находится сказаніе о дочери богатаго дворянина, сестрѣ прехъ

(1) см. Святки. вып. II.

(2) Сынъ Отчечества. 1836, № 16.

братъевъ, которые пали подъ предводительствомъ храбраго Кейспута на войнѣ съ монахами - рыцарями. Нѣжная сестра ушла горевать и плакать въ лѣсъ, и тамъ превращена въ кукушку верховнымъ божествомъ, надъ нею умилосердившимся. Въ память плача ея, вѣроятно, названа въ Россіи права *кукушкины слёзы* (*orchis latifolia*), а вдова и сирота — *горькою кукушкою*. И въ Рускихъ народныхъ сказкахъ, по свидѣтельству Г-на Глаголева, упоминается о превращеніи волшебницею одной несчастной дѣвушки въ *рябую кукушку* (3). Въ Самогитіи и Липвѣ простолюдины весьма уважая кукушку, приписываютъ ей даръ предвѣстія. Если она закукуетъ надъ чьимъ либо домомъ: то это почитается за предвѣщаніе смерти хозяину. Ктожь услышитъ въ первый разъ ея кукованье въ лѣсу, имѣя при себѣ деньги, тому вѣрная примѣта, что онъ круглый годъ не будетъ у него переводиться. Ея голосъ служитъ оракуломъ для того, кто ее спрашиваетъ о чемъ либо (4). Народныя преданія сохранили намъ пѣсенку, которую и донынѣ поютъ дѣвушки въ Са-

(3) Труды Общества любителей Росс. Словесности при Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821, въ 8.

(4) Абевега Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786, въ 8.

могиціи, когда желаютъ что либо узнать
отъ кукушки :

Tu seserity brangioy ,
Tu giegùzajty rajboy ,
Brolum arklus ganidama ,
Szyłkum siufus wajstidama ,
Sasik kad'asz wiva gansu ?

т. е. Ты, сестрица дорогая,
Пестрая кукушка;
Кормя коней брашнихъ,
Мошай нити шелковыя,
Скажи мнѣ, скоро ли мужа достану?

Сколько разъ, послѣ этого вопроса, про-
кукуетъ кукушка, чрезъ сколько лѣтъ долж-
но и совершиться желаніе (5).

Въ Великой Россіи, когда поселяне
идутъ лѣсомъ и услышатъ кукованье вѣ-
щей птицы; то спрашиваютъ: „Кукушка,
„кукушка! скажи, сколько мнѣ жить го-
„довъ?“ Сколько разъ прокричитъ эта пти-
ца, столько и считаютъ лѣтъ до своей кон-
чины.

Въ Литвѣ и понынѣ отправляютъ
праздникъ въ честь кукушки. На третій
день Свѣтлаго Воскресенья собирается мо-
лодежь изъ всей деревни въ одинъ домъ и

поютъ разныя пѣсни, послѣ чего наступаетъ танецъ Giaguzu. Царицею этого танца выбирается дѣвица отличной красоты (Giegiely); потомъ становяпся въ кружокъ, среди коего сидитъ она на стулѣ съ завязанными глазами; всѣ пляшутъ вокругъ нея. Послѣ всякаго круга, мужчины подходятъ къ сидящей, и взявъ ее за руку, поютъ:

Karaliny giegiely kuku, kuku!

Asz tawa brolabys kuku, kuku!

ш. е. Царица кукушка, куку, куку!

Я швой братецъ, куку, куку!

Сидящая угадываетъ по голосу тѣхъ, кто болѣе нравится ей, выбираетъ себѣ трехъ молодыхъ парней, и развязавъ себѣ глаза, съ ними пляшетъ. При распаваніи даритъ имъ пестрые кушаки своей работы, а парни съ своей стороны также дѣлаютъ ей подарки. Съ той поры дѣвушка называетъ этихъ парней братьями, а они ее сестрой. Игра сія, повидимому, истекаетъ изъ народнаго міра, нами выше приведеннаго. Въ Норвегіи народъ празднуетъ кукушкинъ день (Gaufstest, cuculi feria).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Россіи отправляется поселянками, по древнему завѣтному обычаю, крещеніе кукушекъ то въ третье, то въ пятое, шестое, иногда седьмое Воскресенье по Пасхѣ, болѣе въ день Женъ мѣ-

роносицъ, когда въ Новгородѣ доселѣ ежегодно спавяли горшечки съ пескомъ подъ кирпичной несмазанный полъ въ древней церкви Жень Мироносицъ на Ярославовомъ дворѣ. Поселяны въ Тульской, Орловской и Калужской Губерніяхъ тогда же идуть въ лѣсъ, уже одѣвшійся листьями, и тамъ нагнувъ двѣ молодыя березки, связываютъ ихъ вмѣстѣ вѣтвями, плашками и полопенцами пабѣ, чтобы онѣ сославили вѣнокъ и къ етому вѣнку привѣшиваютъ два креста. Двѣ подруги, желающія покумиться, ходятъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и по три раза крестообразно цѣлуются сквозь вѣнокъ (4). Между тѣмъ прочія женщины поютъ :

Ты, кукушка, ряба,

Ты кому же кума?

Покумимся, кумушка,

Покумимся, голубушка,

Чтобъ намъ съ тобою не браниться!

Послѣ сего подруги мѣняются крестами и съ того времени, называясь *кумами*, живутъ въ мирѣ и согласіи. Къ кумовству не допускаются мушны; однѣ женщины го-

(4) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга, въ 1810 г.
В. Броневскаго. ч. 1 п 2, М. 1828, въ 8.

повапъ себѣ яишницу и послѣ дружескаго пиршества пляшутъ тамъ подѣ обыкновенныя плясовыя пѣсни. Въ Орловской Губерніи ешотъ праздникъ отправляется съ нѣкоторыми особенностями, напр: кумы, надѣвъ крестикъ на ппичку кукушку, или на однуименную съ нею правку, кладутъ ихъ на разоспанный плапокъ, садятся вокругъ его, мѣняются крестами и цѣлуются съ прочими подругами, потомъ ѣдятъ яишницу. Кумовство также между женщинами походитъ на *братанье*, или *побратимство* между мужчинами, а проспонародный праздникъ крещенія кукушекъ вѣроятно возникъ при переходѣ отъ Язычества къ Хрістіанству. Такъ какъ онъ бываетъ незадолго до Русальской недѣли, а Русалки, по мнѣнію народному, поскующія души младенцевъ, родившихся мертвыми или некрещенными: по Г. Глаголевъ и полагаетъ, что крещеніе кукушекъ справедливѣе надлежало бы названъ крещеніемъ Русалокъ (5).

(5) У Нѣмцевъ есть примѣта въ слѣд. пословицѣ: Wenn der Guckuf noch lange nach Johannis schreit, wird's unfruchtbar und theuer, т. е. Если кукушка долго еще кричитъ послѣ Иванова дня (Іюня 24), то будешь голодно и дорого.

ІХ.

СЕМИКЪ.

Въ сорокодневномъ періодѣ весеннихъ праздниковъ особенно замѣчательнъ *Семикѣ*, любимый народный, или лучше сказать, двѣ-вѣчій праздникъ, по содержанію своему сходный съ Святками. Онъ приходится въ *седьмой четвергъ* по Пасхѣ, на седмицѣ Св. Опець, которая у престолюдиновъ извѣстна подъ именемъ *семицкой*; а въ Малороссіи *клетальной* отъ *клетанія*, разнаго рода древесныхъ вѣтвей, особенно кленовыхъ, каковыми тамъ украшаются дворы и покои. Отъ седьмой седмицы обыкновенно производятъ названіе Семика, которому соотвѣтствуетъ также и *сѣянiе* и Польское слово *Сейлики* (*Seimik*), сборъ. Въ Бѣлой и Черной Руси, Семикѣ, сопровождаемый ярмаркою, по свидѣтельству Мицкевича, слыветъ *Sionucha*.

Въ Москвѣ и даже въ Сибири Семикѣ называется *Тюлою*, сходною съ древними Славянскими *Паствинами*, о коихъ говорится въ XIII вѣкѣ (1), и *Стадоло*, о коемъ упоминаетъ

(1) см. харат. *Хорнгал*, хранящаяся въ Патріаршей Московской Библіотекѣ, подъ No 80, въ листъ. — Въ Свѣто-Готскомъ *tölte* знач. плясашь.

Длугошь въ XV вѣкѣ, какъ о языческомъ обрядѣ, совершавшемся ежегодно въ дни Пятидесятницы; потому что на это празднество собирались *толпами*, или *суѣмами* (2), а *стадится*, по изъясненію Академическаго Росс. Словаря, значитъ собираться въ толпу.

У Валсамона, писателя XII вѣка, етошь праздникъ послѣ Пасхи именуется *Ровба́ла*, кои объясняютъ Алфавитъ XVII в. играми скоморошскими, а Баронъ Розенкампфъ и Полевой завиваніемъ вѣнковъ въ Русалье лѣто — тѣмъ болѣе, что дни Пятидесятницы у Чеховъ и Словаковъ называются *Rusálda*.

Рускіе величаютъ Семи́къ *гестнымѣ*, подобно Масляницѣ, почитая его однимъ изъ трехъ главныхъ праздниковъ лѣпныхъ, какъ подтверждаютъ и слова старинной Костромской пѣсни:

Какъ у насъ въ году три праздника,
Первый праздникъ — Семи́къ честной,
Другой праздникъ — Троицы́нъ день,
А третій праздникъ — Купальница.

Позорищемъ Семика бываютъ рощи и лѣса, берега рѣкъ и озеръ или прудовъ; въ первыхъ завиваютъ вѣнки, а на другіе пускаютъ ихъ для загадыванія. Московскіе жители издавна празднуютъ Семи́къ въ *Марьиной* за-

(2) I. *Dlugossii Historia Polonica*. l. VII. ed. G. *Grodzcki*. Lipsiae. 1711, f.

городной *рощѣ*, какія есѣ и во Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Туль, Ельць.

Семикъ, не смотря на мѣстныя особен-ности, въ сущности своей одинаковъ и съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ почти во всей великой Россіи, особливо тамъ, гдѣ нахо-дятся рощи, лѣса и воды, и даже въ степяхъ.

Какъ въ Семикъ совершался древній бла-гочестивый обычай погребенія и поминове-нія *убогихъ ни убогихъ домаихъ*, или скудель-ницахъ, кои, по большей части, находились въ рощахъ: то первый отправлялся болѣе на могилахъ, подобно древней Тризни. Но праздни-ваніе Семика и Хрістіанскій обычай погребенія на скудельницахъ составляютъ рѣзкую про-тивоположность опъ разности источниковъ, изъ коихъ проистекъ тотъ и другой.

Время, измѣнившее или опмѣнившее затѣй-ливые обычаи народные, теперь преобразило ешопъ многообрядный и многозначительный праздникъ въ простое гулянье столичныхъ и городскихъ жителей; одни еще поселяне и посадскіе удержали нѣкоторыя затѣйныя об-ряды древняго быта и повѣрья, какіе воспрѣ-чаемъ въ разныхъ краяхъ Великой и даже Малой Россіи.

Донинѣ въ Семикъ ставятъ по улицамъ, у домовъ и даже въ комнапахъ, березки не толь-ко въ селахъ, городахъ, но и въ столицахъ

Россіи, гдѣ только есть березнякъ и липнякъ. Лѣтъ за 40, въ Семикъ вся Москва представляла разгульный праздникъ; почти на каждомъ дворѣ, у хозяина и хозяйки съ семьей, въ видѣ кущи обставлялся березками споль съ яшеницей и драченой; вездѣ раздавались семицкія пѣсни, съ какими носили по улицамъ изукрашенную лентами и лоскутками березку толпы народа въ вѣнкахъ изъ ландышей, дойничковъ и незабудокъ, или изъ березовыхъ и липовыхъ вѣшвей. До мора въ Москвѣ 1771 г., послѣ погребенія и поминовенія убогихъ на Старыхъ Убогихъ Домахъ, или Божедомкѣ, вапаги народа, умывъ руки себѣ въ Самошекѣ, шли въ Марьину рощу завивать березку и пировать съ пѣснями и весельями, смѣнявшими слезы и рыданія.

При завиваніи вѣнковъ обыкновенно поютъ извѣстную пѣсню: *Ай, во полѣ липенка!* Содержаніе ея слѣдующее: „Красная дѣвица, сидитъ въ бѣломъ шатрѣ подъ зеленою липою, вьетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, украшая его дорогимъ яхонтомъ, и говоритъ со вздохомъ: „Кому ещѣ вѣнокъ носишь? „Уже ли старому? — Нѣтъ! старой не будешь, носишь! Старой не опрада, не защита моей молодости; пусть же носишь его мой милый другъ!“ — Передъ вечеромъ дѣвушки воз-

вращающся домой съ вѣнками, кои и бере-
гутъ до Троицына дня (3).

Семицкая березка въ Тульской и дру-
гихъ Губерніяхъ называется *кумою*, а *кумитъ*-
ся значить цѣловаться при развитіи вѣн-
ковъ. Тамъ, предъ развитіемъ въ роцѣ вѣн-
ковъ, поселяне поютъ пѣсню, носящую на
себѣ печать смѣшенія Язычества съ Хрістіан-
ствомъ, вѣроятно, сочиненную при переходѣ
опять перваго къ послѣднему:

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти!
Вѣнокъ сплести!
Ай Дидь, ай Ладо!

Въ другихъ мѣстахъ, около Москвы, му-
щина, носящій березку, именуется *кумомъ*,
а дѣвица *кумою*; топъ и другая играютъ важ-
ную роль на праздникѣ.

Игра *Кула въ Семицѣ* повторяется въ
селеніяхъ Московской, Владимірской, Рязан-
ской и частію Тульской Губерній, гдѣ въ
это время поселянки, собравшись въ роцѣ,
нагибаютъ молодыя *плакутія* березки, сви-
ваютъ изъ нихъ вѣнки и попарно подходящъ
сквозь ихъ цѣловаться, приговаривая:

(3) Труды Общества Любителей Росс. Словесности при
Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821 г. въ 8.

Покумимся, кума,

Покумимся!

Намъ съ тобою не браишься,

Въчно дружиться.

Въ это самое время дарящъ другъ друга желтыми яицами, коими поминають также уполениковъ на Русальной недѣлѣ.

Во Владимірской Г., въ городѣ Покровѣ, дѣвки ходящъ по ушру съ пирогомъ собирають у сосѣдей деньги, а вечеромъ составляютъ хороводы, гдѣ поють и пляшутъ, а потомъ ѣдятъ пироги и яишницы. Въ другихъ же мѣстахъ къ Семику дѣвки дѣлають складчину или ссыпчину.

У Волжскихъ жителей Семикъ составляетъ веселое празднество, которое сопровождается мимическими представлѣніями и обрядными пѣснями. Въ селахъ и деревняхъ Нерехотской округи пекутъ для дѣвицъ козули, родъ круглыхъ лепешекъ съ яицами въ видѣ вѣнка. Съ козулями онѣ идутъ въ лѣсъ, гдѣ съ пѣснями завиваютъ ленточки, бумажки и нитки на березѣ, на коей завязываютъ еще вѣтви вѣнками. Потомъ сдѣлавъ изъ березовыхъ сучьевъ одинъ вѣнокъ, дѣвки цѣлуются (кумятся) сквозь него, съ слѣд. приговорами: „Здравствуй, кумъ и кума! березку завивши.“ При завиваніи, дѣвки, обвивъ березу поясомъ или лентою, поють:

Береза моя , беріѡзонка ,
Береза моя бѣлая ,
Береза моя кудреватая !
Смоншь ты , беріѡзонка ,
Осередь долинушки .
На тебѣ , беріѡзонка ,
Листья бумажные ,
Подъ тобой , беріѡзонка ,
Трава шелковая .
Близь тебя , беріѡзонка ,
Красны дѣвушки
Въ Семикъ поють ,
Подъ тобой , беріѡзонка ,
Красны дѣвушки
Вѣнокъ плетуть .
Что не бѣлая беріѡзонка
Къ землѣ клонится ,
Не шелкова травонька
Подъ ней расстилается ,
Не бумажны листочки
Отъ вѣтру раздуваются ;
Подъ етой беріѡзонькой
Съ красной дѣвицей
Молодецъ разговариваетъ .

Послѣ етой пѣсни, поселянки садятся за
козули и яишницу подъ березою ; за пирше-
ствомъ слѣдуютъ сценическія игры , особен-
но замѣчательныя на правомъ берегу Волги ,

въ селѣ Барщевѣ (4). Въ Кинешмѣ и Галичѣ при кумленіи дѣвицы мѣняются кольцами и серьгами, *играютъ* пѣсни съ мимикою:

А мы просо сѣяли.

У воробушка голова болитъ.

Во полѣ береза стояла.

По горамъ, горамъ.

Заплетися, плетень, заплетися.

Ай! на горѣ макъ, подѣ горою такъ.

Ай! во полѣ липника.

Ахъ! репей ли мой, репей.

Въ Цивильскѣ тогда дѣвки и бабы съ пивомъ ходящъ *подъ березку*, т. е. въ лѣсъ, и къ каждому стиху пѣсенъ припѣвають: *Лельо, Лельо*.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ въ Воронежѣ завивали вѣнки дѣвушки на Троицынъ день, а развивали и пускали на воду въ самый праздникъ Пятидесятницы. Въ Воронежской Губерніи, на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, жители села Горохова спраивали подѣ Троицынъ день шалашъ на полянѣ, украшали его вѣнками изъ цвѣтовъ и душистой зелени, внутри ставили на возвышенномъ мѣстѣ болванъ изъ дерева или соломы, одѣтый въ праздничное мужское и женское платье. Около

(4) Изъ записокъ Князя А. Козловскаго и М. Я. Діева.

шалаша собирались тамошніе жители, принося съ собою отборную пищу и питье; въ хороводѣ пѣли и плясали вокругъ епюго шалаша, который представлялъ родъ капища (5).

Черемисы, или Мари, празднуютъ Семикъ по приятному и теплomu времени, въ какое онъ обыкновенно случается; они называютъ его *Селикъ пайра́мъ*, веселый праздникъ, болѣе поному, что въ это время женятъ сыновей, или выдаютъ въ замужество дочерей за хорошій калымъ. Къ этой порѣ сваривъ кашу (пучумушъ) изъ разныхъ крупъ, носятъ ее на свою ниву для угощенія земли, чтобы посѣянное взошло въ изобилии; послѣ чего поминаютъ родственниковъ, *сортъ тук-томо кѣтэ*, переходя отъ одного къ другому, и тѣмъ самымъ оканчиваютъ *Селикъ пайра́мъ*.

Въ Вологдѣ, Семикъ, извѣстный болѣе подъ именемъ *Поляны*, отправляется на той самой полянѣ, на коей погребены два чудесные бѣлоризца, подвизавшіеся въ битвѣ съ Литвою (6). Въ Нерехтѣ также Семикъ празднуется на *Пахоміевской полянѣ*, гдѣ лѣтъ за 70 существовала церковь С. Пахомія съ *Божедомовымъ домомъ*. Какъ въ Москвѣ,

(5) Украинскій Журналъ на 1834 г. No 11. Харьковъ. въ 12.

(6) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie.
à S. P. 1795, in 8.

такъ и во многихъ другихъ городахъ, епощь праздникъ народный, соединенный прежде съ погрѣснвеннымъ погребеніемъ и поминовеніемъ *убогихъ*, или *убоихъ*, т. е. убитыхъ, или внезапно умершихъ, совершался на мѣстахъ *скудельницъ*, или *убогихъ* домовъ, кои превращались въ роши опъ насаженныхъ тамъ деревьевъ, или бывали въ самыхъ рощахъ за городомъ, или въ концѣ селеній. Въ сіи мѣста, охраняемая Божедомомъ, не только свозились поднятые на улицахъ и дорогахъ мерпвые прупы, но и подкидывали младенцевъ, несчастно рожденныхъ, которыхъ воспитывалъ милостынею спражъ *убогого* дома.

На епощь основаніи Семикъ, по видимо-му, можно почестъ остаткомъ Тризны или Справы, по времени его, мѣспу и обряду погребальному; попому что онъ приходился на недѣль поминовенія усопшихъ предъ все-ленскою Троицкою суббошой, совершается на *скудельницахъ* или *убогихъ* домахъ и на-чинается благочестивымъ обычаемъ погребашъ и поминашъ несчастно умершихъ.

Но поминовеніе составляетъ особенную спихію, противорѣчащую содержанію и цѣли Семика, въ коемъ *гаданіе* споль важный предметъ, какъ и въ Колядѣ, или Святкахъ. Но-шеніе же и завиваніе березки, хороводы, Се-мицкія игры и призываніе вышеозначенныхъ

линическихъ существъ обнаруживаютъ , по замѣчанію Митрополита Филарета , рѣзкую противоположность стихій Хрістіанскаго и древнеязыческаго міровъ и ведутъ насъ къ заключенію, что первый—„человѣколюбивый обычай введенъ при распространеніи Хрістіанства въ Россіи для противодѣйствія послѣднимъ — оспашкамъ идолослуженія ; по етому Церковь и хотѣла противоположить языческому Семику хрістолюбивое погребаніе спранныхъ , чувственному веселію мысль о смерти , набожность и благотвореніе.“ Но люди , воззываемые къ новому духовному , по привычкѣ , упали въ старое чувственное ; отъ сего въ Семицкомъ празднествѣ и произошла такая смѣсь разныхъ стихій и эпохъ (7).

Торжественнымъ ношеніемъ деревь Еллыны сопровождали особенныя празднества , какъ то: бывшее въ Сициліи и другихъ городахъ Греціи *Ἀνδρεοφόρια* , цвѣтоносіе , въ честь Прозерпины, *Λευδροφορία* , древоношеніе, *Εἰρεβιάκη* , ношеніе масляной вѣтви, или вѣнка изъ колосьевъ въ праздникъ Солнца и Горъ и п. п. (8). Въ Θεοδοσίевомъ уложеніи упоминаются

(7) Труды и Автописи Общества Ист. и Др. Росс. ч. III. кн. 2.

(8) Ph. Bullmann Mythologus. Berl. 1828, 29. 11. — in 8. Religions de l'antiquité par F. Creuzer, refondu, complété et développé par. I. D. Guignaut. t. II. 1. p. à Paris, 1829. in 8.

δενδροφόροι, которые носили въ рукахъ древесныя вѣтви въ честь одного языческаго божества. Подобное обыкновеніе наблюдалось у Римлянъ при торжествѣ въ честь Май, матери Меркуріевой. Ихъ *Arbor Majalis*, или *Majus*, соотвѣтствуетъ нашей Семиковой березкѣ, а Семикъ празднику *Floralia*: то и другое на нашемъ Сѣверѣ празднуется не въ одно время по тому, что у насъ позднѣе распускаются деревья и цвѣтутъ — главные принадлежности етого праздника. У сѣверныхъ народовъ на весеннемъ или лѣтнемъ праздникѣ, въ торжественномъ собраніи народа обыкновенно пѣвали пѣсни вокругъ Майскаго дерева; при чемъ веселые хороводы юношей обоого пола мимически представляли разныя сцены, кои предметомъ своимъ имѣли ладъ между людьми, или союзъ между небомъ и землею. Многоразличные остатки подобныхъ обычаевъ и забавъ еще находящіяся въ играхъ и шуткахъ у поселянъ не только Сѣверныхъ народовъ, но и въ Германіи и Великобританіи (9).

У Нѣмцевъ, предъ Троицынымъ днемъ отправлялся *праздникъ вѣнковъ* (*Kranzfest*), похожій на Семикъ; на немъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ бывалъ зеленый чело-вѣкъ (*der grüne Mann*), или Царь садовъ, об-

(9) Edda Saemundina. t. III.

виный зелеными вѣтвями, котораго сопровождала веселая толпа народа изъ рощи въ селеніе, гдѣ собирали съ поселянъ янцы для приготовления кушанья. Симонъ Буссакеъ, in postib. theolog. Paris. 1698, упоминаетъ о старинномъ обычаѣ носить Майскія зеленые вѣтви въ день Св. Апостолъ Филиппа и Іакова.

„Одинъ изъ обычаевъ Енеповъ, пришедшихъ изъ Иллиріи — свидѣтельствуемъ Иродотъ въ 1 кн. 191, былъ тотъ, что однажды въ годъ собирались въ одно мѣсто селеній дѣвицы, достигшія лѣтъ замужества, а съ другой стороны мужчины, и одна изъ наилучшихъ продаваема была тому, кто больше за нее заплатитъ для вступленія въ бракъ.“ Такое сборище сходствуетъ съ вышеупомянутыхъ нами *Стадолѣ*, или игрою *Прососѣнія*.

Рощи или дубравы служили мѣстами таинственныхъ обрядовъ язычества у Воспочныхъ народовъ, Грековъ, Римлянъ и другихъ; онѣ издревле замѣняли капища у Германцевъ не только во время ихъ Язычества, но и при переходѣ ихъ къ Хрістіанству. Подъ кровомъ дремучихъ лѣсовъ скрытно совершались заветные обряды. Самые Друиды отъ деревьевъ, или отъ дуба получили свое названіе. У Германцевъ также были священныя деревья въ дубравахъ, на поляхъ, рубежахъ и между селеніями.

Кромѣ дубовъ, не менѣе почитаема была липа, какъ волшебное и священное дерево, отъ коего не осмѣливались опрѣзать ни вѣтки, ни сучка. Такія деревья назывались *заповѣдными*, *завѣтными*. У древнихъ Нѣмцевъ совершались жертвоприношенія и производился судъ *подъ липами*, или *подъ липою* (*under der Linde, judicium sub tilia*). (10). У древнихъ Пруссовъ *подъ липою* зажигались огни на Ивановъ день въ честь *Лиго* (11), бога весны и веселья; пляски вокругъ дерева продолжались цѣлую ночь съ пѣснями, въ коихъ часто повторялось *Лиго*, какъ у Славянъ *Ладо*. У Липовцевъ липа посвящена была богинѣ *Laimo*, коей праздновали во время цвѣтенія липъ (12). Семицкая пѣсня: *подъ липою столбъ стойтъ*, намекаетъ на какой-то жертвенный обрядъ, вѣроятно совершавшійся въ епоху праздника, въ который липа и береза составляютъ главную принадлежность и повторяются въ Семиковыхъ пѣсняхъ. Вѣнками же изъ древесныхъ вѣшвей и цвѣтовъ почти все народы древняго міра увѣнчивали и жертвы и жре-

(10) Handbuch der germanischen Alterthumskunde, von Dr. G. Klemm. Dresd. 1836, in 8.

(11) На Липов. *ligoti* (льгота?) значитъ веселиться. Отъ *Linde* липа *Linderung* прохлада (подъ тѣнью липы).

(12) Prutena von L. Rhesa. Königsb. 1809, in 12.

цовъ, а въ празднествахъ своихъ Греки и Римляне надѣвали себѣ на головы вѣнки изъ пѣхъ деревь, кои посвящены были чествуемымъ божествамъ. Вѣнокъ почитается залогомъ бессмертія, знаменіемъ переходенія души и союза мертвыхъ съ живыми; самые свойственники Сонъ и Смерть у Еллиновъ изображались въ вѣнкахъ. Семицкій вѣнокъ служилъ къ загадыванію о будущей судьбѣ: о брачномъ союзѣ, о жизни и смерти, о счастьѣ и несчастьѣ. Безъ сомнѣнія, гаданіе на водѣ есть остатокъ отъ древняго языческаго обряда Славяноруссовъ, которые, по свидѣтельству нашихъ лѣтописцевъ, обожали рѣки и озера, чтили деревья и дуплины, приносили имъ жертвы (*требы кладуще*) и дѣлали гаданія (15). см. вып. I, стр. 25.

„Празднованіе Семика — замѣчаетъ Карамзинъ — и народный обычай завивать въ сей день вѣнки въ рощахъ суть также остатки древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи Хрістіанства, такъ что Герцогъ Брячиславъ въ 1095 году рѣшился предать огню всѣмъ мнимымъ святымъ дубравы своего народа.“ Еще Карлъ Великій, въ Капитул. ч. 20, строго запретилъ служеніе деревьямъ, а Франкфуртскій Соборъ

(15) Карамз. И. Г. Р. т. I. прим. 214.

793 г. предписалъ испреблять языческія рощи и деревья, посвященныя демонамъ (14).

Какъ въ Семиѣ соединяются стихіи и символы древне-языческаго богослуженія Славяно-Руссовъ: ношеніе древесныхъ вѣтвей, завиваніе и развиваніе вѣнковъ, гаданіе въ рощахъ и на водахъ; по съ достоверностию заключить можно о языческомъ происхожденіи епического праздниства, противоположнаго благочестивому обряду погребенія и поминаенія убогихъ на Божедомкахъ, о коихъ мы будемъ говорить въ особой статьѣ.

По видимому, какъ выше замѣчено, Семиѣ составлялъ одно съ древнимъ Славянскимъ *Стадолю*, *Сейликолю* и, по самому прозванію народному, *Тюлпою*, или *толпою* и Нѣмецкимъ *Fingstritt*, Троицкою процессією, о коей мы выше упомянули. см. спр. 110. Нѣкоторыя урочища, въ Россіи, по видимому, заимствовали свое наименованіе отъ Семика, какъ-то: *Семиково* въ Мосальскомъ уѣздѣ, *Семики* пустошь въ Устюжскомъ уѣздѣ, *Семики* слобода подъ Ярославлемъ, *Семицы* въ Боровицкомъ уѣздѣ, подъ устьемъ, въ Оспровскомъ уѣздѣ, подъ Говѣдовомъ и подъ Хелмомъ, упоминаемая въ 1565 г. и ш. д. Но слово Се-

(14) С. Н. *Gruppen origines Germaniae*. Lemgo. 1764—681 s. Is. in 4.

микъ въ значеніи праздника извѣстно не ранѣе ХІІІ вѣка въ письменныхъ памятникѣхъ. Самый день начала празднованія Семька *тепвергъ* въ старинномъ Нѣмецкомъ языкѣ именуется *Thorstag* и *Thurstag*, Туровъ день, въ Шведскомъ *Helig Thorsdag*, въ Англійскомъ *holy Thursday*, у Люненбургскихъ Вендовъ *Perendan*, п. е. *Перун* и *данѡ*, Перуновъ день. У простолюдиновъ Нѣмецкихъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ *der grüne, der hohe Donnerstag*, зеленый, высокій громовъ день (15). Седмичное число въ отношеніи къ четвергу могло имѣть таинственный смыслъ; по свойству священнаго языка, оно употребляется въ неопредѣленномъ знаменованіи для возвышенія понятія (16). Не поетому ли и *седьмому тепвергу* по Пасхѣ придано значеніе высокаго, великаго! Чтожь касается до названія его *Торовымъ*, то очевидно, что онъ посвященъ былъ *Тору*. Въ Игоровой пѣсни *Турѡ* сопровождается epithетами *Ярый* и *Буй*, и Гомеръ величаетъ Ареса *Θούρος*, ярый. *Турѡ* въ природѣ звѣрь, а въ баснословіи

(15) По мнѣнію Г. Сенковского, это названіе имѣешь астрологическое значеніе и переведено съ *Lat. dies Iovis*. — *Библ. для чтенія*; 1837 Октябрь.

(16) *Пресвящ. М. Филарета* Записки на книгу Бышій. Ст. 2 ч. 1815, въ 8.

Славяно - Скандинавскомъ божество силы и грозы, которому разные племена давали разное значеніе по своей мѣспности и нравамъ. Въ Номоканонѣ Львовскомъ XVII вѣка упоминаются между языческими игрищами *Турь*. Вѣроятно, что *Турѣ*, давшій названіе горамъ, рѣкамъ, селеніямъ и городамъ, составляетъ одно съ *Яролѣ* и *Ярилою* (17), или *Перунолѣ*, а Ладю, одно съ Чудскою, или Мерьанскою Коспромою. Липа и береза не были ли посвящены у насъ на Сѣверѣ Туру и Ладѣ, которые составляютъ дуализмъ природы, проявляемый въ кумовствѣ Семицкомъ?

Такимъ образомъ Туръ и Ладю, представители сочепанія между обоими полами и оплодотворенія обновляющейся съвесною природы, могли дать поводъ къ празднеству Семика въ рощахъ и на берегахъ рѣкъ и озеръ. Время превратило завѣсные обряды древности въ веселое гулянье городскихъ жителей, оставивъ остатки первыхъ въ удѣлѣ сельскихъ жителей и мастеровыхъ.

(17) Въ нумизм. кабинетѣ З. П. Зосимы я видѣлъ серебряную медаль Греческаго города въ Луканіи *Θουρίων*, съ изображеніемъ разъяреннаго вола. Въ Кіевѣ была въ древности *Турова божница*, въ Москвѣ урочище *Турьгино*, напоминающее *Турью ногу* въ присказкѣ.

СЕМИЦКІЯ ПѢСНИ.

1.

Благослови, Троица!

Богородица!

Намъ въ лѣсъ пойши,

Намъ вѣнки завивашъ,

Ай Дидо! ой Ладо!

Намъ вѣнки завивашъ

И цвѣшы сорывашъ;

Ай Дидо! ой Ладо!

А мы въ лѣсъ поидемъ

И цвѣшовъ нарвемъ,

Мы цвѣшовъ нарвемъ

И вѣнокъ соведемъ,

Ай Дидо! ой Ладо!

Свекру батюшкѣ,

Свекрови матушкѣ;

Свекру батюшкѣ малиновой,

Свекрови матушкѣ калиновой.

Ай Дидо! ой Ладо!

Пойду-ль я шишкомъ,

Лужкомъ, бережкомъ,

Сломаю-ль съ сыра дуба вѣшочку,

Брошу на быструю рѣчишку,

Ай Дидо! ой Ладо!

Не понешъ, не плывешъ

Съ сыра дуба въпочка,
Не тужишь по мнѣ
Свекоръ бапюшка, свекровь матушка.
Ай Дидо! ой Ладо!

2.

Ой Дидо! ой Ладо! на курганѣ
Соловей гнѣздо завиваетъ,
А иволга развиваетъ;
Хоть ты вей, не вей соловей
Не бывать твоему гнѣзду свитому,
Не бывать твоимъ дѣшамъ вывожащимъ,
Не летать имъ по дубровѣ,
Не клевать имъ яровой пшеницы.
Ой Ладо! ой Ладо! ой Дидо! (1)

3.

Ты не радуйся,
Дубъ съ горькой осиною,
Ты радуйся, бѣлая береза!
Къ тебѣ дѣвки идутъ,
Къ тебѣ красныя идутъ,
Съ пирогами, со яишницей,
Со драконами,

(1) Въ Тульской Губерніи.

Ходить колосья по яри,
 Что по бѣлой по пшеницѣ,
 Изъ зерна-то коврига;
 Изъ полужерна пироги.
 Гдѣ дѣвушки шли,
 Тутъ рожь густа;
 Гдѣ бабы шли,
 Тамъ вымокла;
 Гдѣ мужчины шли,
 Тамъ повыросла;
 Гдѣ ребята шли,
 Тамъ повылегло. (2)

5.

У Волжскихъ жителей Семикъ откры-
 ваеиъ хороводною пѣсней, которую поютъ,
 ходя около березы, изъ вѣтвей которой
 дѣлаютъ вѣнки, украшая юныя лентами.

Не дожидь берёзу обмываетъ,
 Здѣсь въ роцѣ дѣвокъ прибываетъ; —
 Скачите, пляшите, красны дѣвки!
 А вы, холостые, поглядите!
 Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взяти!
 А взяли ли, не взяли ли съ доброй воли,
 По башюшкину повелѣнью,

По машушкину благословенью ,
По невѣстину рукодѣлю , и проч.

По окончаніи сей пѣсни, дѣлають собою
другой кругъ, въ срединѣ котораго мущина
и женщина ходятъ и поютъ съ прочими :

1.

Ахъ ! во полѣ липинка стояла ,
Во полѣ кудрявая стояла ,
Подъ лицою былъ шапёръ ,
Во шомъ шапрѣ сшолъ споить ,
За шѣмъ споломъ дѣвица ,
За шѣмъ сидишь красная ,
Шьешь ширинку золопомъ ,
Нижешь узду жемчугомъ .
Ѣхаль мимо молодець .
Богъ на помощь дѣвица !
Богъ на помощь красная !
Ширинку шить золопымъ ,
Низашъ узду жемчугомъ .

Мущины поютъ :

Не мнѣ ли ширинка ?
Не моему ли коню уздичка ?

Женщины отвѣщаютъ.

Не по молодцѣ ширинка ,
Не по швоемъ конѣ уѣздичка.

Трепью и послѣдующую пѣсню поютъ подобно предъидущей , только съ тою разницею , что въ сей ходитъ въ срединѣ круга одинъ мущина , а потомъ женщина , и по нѣкоторымъ словамъ пляшутъ :

2.

Царь по городу гуляетъ ,
Царь Царевны своей ищетъ.

Пляшутъ :

Ужь ! какъ гдѣ моя Царевна ?
Гдѣ , Княгиня молодая ?
Ужь ! вѣщошь твоя Царевна ,
Вѣщошь Княгиня молодая !
По загороду гуляешь ,
Шелковымъ плашкомъ махаетъ ,
Златымъ перспнемъ освѣщаетъ .
Распворяйтесь , вороша ,
Распворяйтесь , широки ,
Вы еще шово пошире .

При сихъ словахъ одна сторона круга раздвигается , и двое , поднявъ вверху ру-

ки, держапъ плашокъ за оба конца, чшобы
дапъ пройти сквозь сдѣланныя такимъ обра-
зомъ ворота Царевнѣ, копорая въ то время
была внѣ круга. Когда же пройдетъ Царевна,
продолжаютъ пѣть:

Вы сойдитесь поближе!

Вы еще пово поближе!

Поцѣлуйтесь помяте,

Вы еще пово мильте!

Въ каждое междудѣйствіе, какъ кон-
чатъ кругъ, садятся за столы, накрытые
скатерпями, и продолжаютъ за оными уго-
щаютъ другъ друга лакомствами, пивомъ и
виномъ. Пономъ, вставъ, поютъ:

3.

Пошелъ молодець на гулянье,

На веселое, на веселье.

На немъ синь кафтанъ на распашку,

Шелковой кушакъ на рубашкѣ,

Тростъ камышева съ алой лентой

Перчаточки въ правой ручкѣ.

Подошедъ къ дѣвушкамъ, поклонился:

Ужъ! вы здравствуйте на гуляньѣ,

На веселомъ на весельѣ.

Тутъ дѣвушки приуныли,

Тутъ всѣ красныя приумолкли,

Одна дѣвушка всѣхъ рѣзвѣ,
На рѣчахъ она всѣхъ смѣлѣ, и проч.

Потомъ срѣзываютъ нѣсколько березокъ съ весельемъ и пѣснями, вѣнки, на оныхъ сдѣланные, украшаютъ лентами и идутъ въ село. Пришедши, врывающъ березки въ землю и продолжаютъ пѣть :

4.

Какъ за нашимъ за дворомъ , 2.
Растетъ трава шелковая; 2.
По той травкѣ Панья шла , 2.
А за Паньей Пань летѣлъ , 2.
Крича : Панья, шы моя ! 2.
А я, сударь, не швоя ! 2.
Родимова башюшки , 2.
Сударыни машюшки , 2.

Сію пѣсню поютъ три раза.

Послѣ сего, сдѣлавъ изъ себя кругъ, перебиваются , приходя всѣ поочереды подъ поднятыя двумя дѣвицами руки вверхъ, и поютъ :

5.

Какъ за Волгой ярь хмѣль ,
Подъ кусточкомъ вѣшся ;
Перевился ярь хмѣль
На нашу споронку.

Какъ ли на нашей споронкѣ
Жишье пребогашо 2.
Серебряны лисшья, вѣнки золошые.
Нащиплю я хмѣлю, хмѣлю яровова,
Наварю я пива, пива молодова.
Позову я гостя, гостя дорогова,
Айли гостя дорогова, бапюшку роднова:
Мое тѣ бапюшка вишь пьешь, пьешь,
Пьянь не напьешся, домой соберется.

Сію пѣсню поюшъ два раза съ тою перемѣною, что слова къ опцу перемѣniająтъ на слова къ мапери. Кончивъ одну, начинаюшъ другой кругъ и поюшъ:

Ахъ! по справкѣ, по муравкѣ,
Вокругъ города большова
Гулялъ молодець удалой.

Мущина, а чаще (женщина) дѣвушка въ мужской шляпѣ расхаживаетъ гордо вокругъ хоровода при пѣсни:

Ой Туръ, молодець, удалой,
Онъ изъ города большаго,
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на справкѣ побороться.

Въ то же время другая съ плапкомъ въ рукѣ посреди хоровода.

Ой, Дидъ, Ладо! побороться
Вышла красна дѣвица

И молодца поборола,
На муравку уронила,
Ой, Дидь, Ладо! уронила.

Дѣвушка побораесть мушину, срываетъ
съ него шапку, преплетъ волоса.

Доброй молодець вставая,
Закрывалъ лице руками,
Уширалъ горючи слезы.
Онъ не смѣлъ своей кручины,
Добрымъ объявишь,
Ой, Турь! Дидь! Ладо! объявишь.

6.

Въ Нерехотской округѣ въ Семикъ по-
ють слѣд. пѣсню послѣ пиршества:

Каравонъ красныхъ дѣвушекъ!
Какъ у насъ въ году при праздника,
Первой праздникъ — Семикъ честной,
Другой праздникъ — Троицынъ день,
А третій праздникъ — Купальница.
Какъ у насъ зелена шрава,
Какъ милой мой другъ
Въ кабакъ напивается,
Какъ милой мой другъ
По зеленой правѣ валяется.
А Орина подходила,
Никишу своего будила,

Встань, убудися, Никита,
Встань, убудися, волокита!
Сосѣди смѣются,
Въ безчестье шо ставятъ.
Всталъ Никита, пробудился,
За руку съ Ориной ухватился,
Домой Никита потащился.

Во время пѣнія, среди круга, одна дѣвка, упавъ на землю, представляетъ лице пьянаго мужа, а другая, въ лицѣ жены, около его ходитъ и дѣйствуетъ, принаровляясь къ содержанію пѣсни. Пропѣвъ пѣсню, жена подымаетъ мужа и цѣлуетъ его; тогда же хороводъ съ мѣста идетъ въ селеніе, при пѣніи обыкновенныхъ пѣсней. Симъ кончится Семикъ въ Нерехотской округѣ.

X.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

По окончаніи сорочинъ отъ Радоницы до Троицкой субботы, коей обряды извѣстны были въ XVI вѣкѣ, въ Троицынъ и Духовъ дни отправляется между простымъ народомъ опдѣльно отъ церковнаго шоржества, которое имѣетъ связь съ Семикомъ; ибо гаданіе, начатое въ послѣдній, оканчивается въ первые. Такъ бываетъ въ Великой и отчасти въ Малой Россіи, гдѣ Троицынъ день называется Духовымъ, а Духовъ — Троицынымъ (1); тамъ при дня Св. Троицы слывуть *Зеленьши Святкали*, въ Липвѣ и Польшѣ *zielone świątki*, и зеленою недѣлею, у Чеховъ и Словаковъ — *Rusálda*, а у Карпо-Россовъ *Русалье*: изъ чего можно съ вѣроятностію заключать, что упоминаемая у Валсамона въ шолкованіи Кормчей, Номоканонахъ,

(1) Исторія Малороссіи *Д. И. Бактышъ - Каневскаго*.
2 ч. Москва. 1830, въ 8.

Требникахъ и лѣтописяхъ *Русалы* должны бытъ Троицкія игрища. Въ Южнѣй и даже Сѣверо-Воспочной Россіи, какъ видно изъ опечестпвенныхъ лѣтописей, недѣля сія именовалась *Русальною*, или *Русальскою*, о коей мы скажемъ особенно въ спатѣ о *Русалкахъ*. Самое гулянье въ Москвѣ о Троицынѣ днѣ бываетъ близъ Каланчевскаго поля, на Красномъ прудѣ, который, по преданію, въ старину извѣстенъ былъ подъ именемъ *Русальскаго*; также собирается народъ въ это время на веселье за Дорогомиловскимъ мостомъ.

Какъ начало большей части повѣрій и обрядовъ народа теряется во мракѣ его древности и кругъ его сказаній не вмѣщается въ пѣсныхъ предѣлахъ лѣтосчисленія (2): то исторически нельзя опредѣлить происхожденія Семика и Троицкихъ игръ, кои обобщились и ународнились на Руси, какъ наслѣдіе праотцевъ, носящее на себѣ оппечашокъ Язычества.

Въ Троицынъ день *суевѣрный* языческій обрядъ народа вспрѣчается съ благоговѣйнымъ и священнымъ празднествомъ Церкви; опяшь та же рѣзкая противоположность, какъ и въ Семикѣ, и опяшь то же случайное

(2 Славянскія Древности П. І. Шаффарика, перев. І. Бодлинскаго. т. І, кн. 2. Москва. 1837, въ 8.

и внѣшнее сходство въ символахъ, взяпыхъ изъ общаго ихъ источника — природы. Какъ понятія древняго вѣрованія изгладились въ народѣ, остались однѣ только формы и символы, удерживаемые имъ по привычкѣ и обычаю, безъ сознанія: по развиваніе и пусканіе на воду вѣнковъ въ Троицынъ день служатъ только предметами обычной забавы и веселья, какими Рускіе поселяне и даже жители предмѣстій городовъ сопровождаютъ дни покоя и свободы.

Прежде нежели скажемъ, гдѣ, какимъ образомъ и когда въ Россіи опправляется народный праздникъ, коснемся самыхъ принадлежностей онаго — древесныхъ вѣпвей и цвѣтовъ, какими украшаются въ Троицынъ день св. храмы и жилища.

Почти у всѣхъ народовъ Древности древесныя вѣпви и цвѣты служили украшеніемъ храмовъ въ дни празднества и жертвоприношеній. Торжественныя шествія сопровождались ношеніемъ зеленыхъ вѣпвей древесныхъ. Въ глубочайшей древности были общепонятными символами масличная вѣпвь — мира, лавровая — побѣды и славы, дубовая — мужества и т. д. У Іудеевъ основаніе обычая украшать вѣпвями древесными и цвѣтами храмы и дома было историческое; они сообщивъ сямъ естественнымъ символамъ

высшее, священное употребленіе, украшали ими дома, спогны града и синагоги, въ память Синайскаго Законоположенія; по-тому что въ то самое время все зеленѣло и цвѣло, когда даны были Богомъ заповѣди на Синаѣ (3). Въ праздникъ жатвы, которая оканчивалась въ Палестинѣ къ половинѣ Сивана, Іудеи приносили благодареніе Богу за новые плоды земные, а праздникъ кущей совершался подъ сѣнью древесною (4). Въ-роятно, замѣчаетъ Бухсторфъ, обычай убирать св. храмы зеленью и цвѣтами перешелъ отъ Іудеевъ въ Новозавѣтную Церковь, въ коей различныя цвѣты могли означать радость о сошествіи Духа Утѣшителя, явившагося въ огненныхъ языцѣхъ, такъ равно самое различіе языковъ и дарованій. По замѣчанію Профессора П. М. Терновскаго, въ цвѣтахъ открываются: двѣ идеи историческая и религіозно-психологическая: знаменіе цвѣтла юной церкви, оживотворяемый со-шествіемъ Св. Духа на Апостоловъ и выраженіе вѣры въ воскресеніе мертвыхъ, воспоминаемыхъ въ Троицынъ день.

(3) Исхода XXXIII, 3. см. *Buxtorf Synag. Ind.* с. XX. p. 443.

(4) *М. Філарета* Начертаніе Церковно-Библейской Истории, изд. 4. Спб. 1827, in 8. — *Iani Archaeologia biblica*, Vienna. 1814, in 8.

Травы и цвѣты проичные изъ церкви берутся нѣкоторыми въ дома и употребляются какъ средство отъ недуговъ (5). Чтожъ касается до употребленія цвѣтовъ и вѣтвей зеленыхъ у Язычниковъ при идолослужебныхъ обрядахъ: то они были у нихъ болѣе символами естественныхъ чувствованій.

Между языческими обрядами древней Греціи въ праздникъ Адониса, извѣстнаго Іудеямъ и Финиціанамъ (*Ἀδωνία*), Еллены бросали въ море, рѣки и ручьи вѣнки, цвѣты и древесныя вѣтви, кои служили у Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ предметами волхвованій, сдѣлавшихся достояніемъ и Финскихъ племенъ, сожигателей Славяно-Руссовъ.

О хороводахъ прежде еще мы замѣтили, что они получили свое начало въ глубокой древности. Въ Вааловомъ идолослуженіи, какъ видно изъ С. Писанія, употреблялись хороводныя пляски (ристанія) вокругъ алтаря (6). Онѣ сопровождали богослужебные обряды у Еллиновъ и другихъ народовъ Древности, и что вмѣстѣ съ обрядовыми пѣснями обыкновенно ими начинаются и сопровождаются Рускія весеннія игры отъ Красной горы до Пепрова дня, а въ иныхъ мѣстахъ Россіи, смол-

(5) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

(6) III Царствъ, XVIII, 27. XIX, 18.

ря по климату и погодѣ, и до глубокой осени. Между народными мѣрами, въ Тульской Губерніи, на берегу красивой Мечи, въ селѣ Козьемъ, группу камней почитаютъ шуземцы за цѣлый хороводъ, во время самой пляски, на Троицынъ день, превращенный ударомъ грома въ камни, подобно Ніобѣ съ дѣтьми. Не смотря на это, Троицкіе хороводы тамъ продолжаются, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи; безъ нихъ праздникъ не въ праздникъ. На пупи въ роцу для развиванія березокъ, поселанки поютъ пѣсню. см. спр. 117.

Предъ захожденіемъ солнца, когда опводятъ хороводы и умолкаютъ пѣсни, поселанки и даже горожанки пускаютъ вѣнки на воду рѣки или ручья, замѣчая, чей поплыветъ, завертится на одномъ мѣстѣ, или пошлетъ вѣнокъ: изъ перваго выводятъ счастливое, изъ другихъ несчастное себѣ предвѣстіе — дѣвицы къ свадьбѣ, къ неудачѣ, или смерти и п. п. При этомъ еще наблюдаютъ, въ какую сторону струя понесетъ вѣнокъ, въ той бытъ дѣвицѣ за мужемъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Московской Губерн. послѣ Троицкой вечерни, для загадыванія пускаютъ на воду пучки пѣхъ цвѣтовъ, съ коими стояли въ церкви. Какъ въ Рождественскихъ Святкахъ, такъ и въ Троицынъ день гаданія обыкно-

венно проспираются на одинъ годъ Индѣвѣнки развиваются въ Всесвятское заговѣнье.

Мѣстность, климатъ и нравы жителей Великой Россіи придали нѣкоторыя особенности Троицкимъ мѣстамъ и играмъ, хотя онѣ, по сущности своей, почти вездѣ остались одинаковыми. Объяснимъ нѣсколькими примѣрами, какіе намъ представились.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ, въ Троицынъ день, дѣвицы и молодки собираются въ загородную рощу завивать вѣнки, садятся тамъ въ разныхъ мѣстахъ хороводными кружками, поютъ пѣсни съ припѣвомъ *Лельё*, потомъ начинаютъ полднѣвать, т. е. ѣсть принесенное изъ дому кушанье, наконецъ, надѣвъ на голову вѣнки изъ древесныхъ листьевъ, ходятъ по рощѣ круги, напоследокъ идутъ въ городъ на гору, гдѣ снявъ съ себя вѣнки, кидаютъ въ Оку для узнанія своей участи (7).

Въ Шенкурскѣ, по Вагъ, до 1780 года, въ первые три дни Пятидесятницы, городскіе и сельскіе жители собирались за городъ на лугъ: тамъ дѣвицы, держась за плашки въ рукахъ, образовали кругъ и тихо двигались на одномъ мѣстѣ съ пѣснями. Вокругъ сего движущагося хора стояли женихи и высматривали себѣ невѣстъ. Послѣ придневна-

(7) Изъ записки Спаскаго жителя Д. П. Тихомирова.

го сборища, въ остальные дни Русальной недѣли дѣвицы у домовъ составляли малые круги и пѣли пѣсни. Въ Минусинскомъ округѣ Енисейской Губерн. въ Семикъ поселянки, одѣвъ въ лучшее платье березку, называемую у нихъ *гостейкою*, спавятъ ее въ клещъ до Троицына дня, въ который послѣ обѣдни собираются дѣвки съ парнями выносить гостейку за селеніе къ рѣкѣ и тамъ пляшутъ, завиваются и пускаютъ вѣнки для загадыванія на воду (8).

Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ Савинѣ городкѣ, наканунѣ Троицына дня, носятъ св. образа для молебна на ржаномъ и яровомъ поляхъ и кропятъ св. водою скопину, выгнанную изъ хлѣвовъ; по окончаніи молебспівія, крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ платьяхъ поютъ и пляшутъ вполѣ до ночи въ честь Ярилы.

Въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, въ Троицынѣ или Духовъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя будничныя платья, сходятся въ одно мѣсто, и, выбравъ изъ среды своей одну дѣвку, называемую *Костроюй*, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣкѣ или пруду, гдѣ, сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купать. Выкупавшись,

(8) Изъ записки Сибирскаго жителя Н. С. Самойлова.

дѣлаютъ изъ лубка барабанъ, спучаютъ въ него и сопровождая спукъ его пѣснями, возвращаются домой. Послѣ етого, нарядясь въ праздничныя платья, выходятъ на улицу играть въ хороводы вплоть до вечера. *Погребеніе* етой миѣической *Костромы* совершается простолюдинами въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня, тогда какъ во Владимірѣ на Клязьмѣ бываетъ *погребеніе Лады*.

Въ Орловской Губерніи издавна велось обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, въ который готовятся два общіе каравая, одинъ для стола, а другой для роши, куда съ нимъ отправляются дѣвки завивать вѣнки и гулять. Въ Псковской Губерніи обмешаютъ пучками Троицкихъ цвѣтшвъ родительскія могилки, что тамъ называется: *глаза у родителей прогищать*.

Волжскіе жители въ Троицынъ день, собравшись къ завитымъ березкамъ, идутъ съ вѣнками на Волгу и поютъ:

Глубока рѣка берега рвала,
Охъ! люли, берега рвала.
Уже я млада по бережку шла,
Охъ! люли, по бережку шла,
По бережку шла и цвѣтшы рвала.

Меня младу шуда сорвало ;
На низъ понесло, къ Донскимъ козакамъ ;
Охъ ! люли , къ Донскимъ козакамъ .

Развивъ вѣнки , дѣвушки и молодые вдовы бросающъ ихъ въ воду , загадывая о суженыхъ : чей вѣнокъ поплыветъ , та надѣется въ попь годъ выпити за мужъ ; чей попошетъ , той сидѣтъ въ дѣвкахъ или во вдовствѣ . Епо игрище оканчиваеися пѣсню , которую онѣ поющъ , возвращаясь домой :

Грушица , грушица ! зеленой виноградъ !
Подъ грушицей свѣшлица стойтъ ,
Во свѣшлицѣ дѣвица сидитъ ,
Забавныя рѣчи говоритъ :
Ахъ ! нонече какія времена !
Сушатъ женъ хорошіе мужья ,
А дѣвушекъ дальніе друзья ;
Всяка дѣвка себѣ дружка зажила .
Дальній другъ — большая сухота ,
Ближній другъ — веселье завсегда .
Призвала дружка на часокъ побывать ,
Уняла его и ночку ночевать ,
Упросила недѣлюшку пожить ,
Принуждаетъ его силою любить .
Уже силою не буду я любить ,
По неволѣ я не буду цѣловать .

Въ Нѣрехотскомъ округѣ, и въ Троицынъ день кумушки цѣлуются сквозь березку при развиваніи вѣнковъ.

Въ Бѣлоруссіи, на другой день праздника Сошествія Св. Духа завиваютъ въ рощахъ березки, и приготавливаютъ сколько вѣнковъ, сколько имѣютъ милыхъ сердцу, какъ-то: для отца, для матери, для братьевъ и сестръ, наконецъ для любезныхъ своихъ, и при завиваніи поютъ слѣд. пѣсню:

Русалочки, земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забилися.

Троица.

При епомъ завѣшномъ обрядѣ дѣвушки мѣняются кольцами въ знакъ дружбы; а развивая вѣнки въ слѣдующее Воскресенье, поютъ:

На Троицу мы вѣнки завили,
На Разгары развили,
Горьлочку попили,
И яичну поѣли (9).

Въ Бѣлоруссіи Троицынъ день почитается послѣднимъ весеннимъ праздникомъ, съ которымъ оканчивается катанье красными ящиками.

По древнему и повсемѣстному обычаю, въ Липовѣ и Польшѣ храмы Господни и чер-

(9) Сѣверный Архивъ, 1822 г. No 24.

погибельно и убогія хижины въ Троицынъ день украшались зелеными деревцами, поставленными у дверей, у оконъ по угламъ, внутри церквей: алтари, лавки, а въ домахъ углы комнатъ были равнымъ образомъ обставлены молодыми деревьями, наканунѣ Зеленыхъ Святковъ, до самаго окончанія праздника. Отъ того, какъ можно догадываться, праздничные дни Сошествія Духа Св. и получили свое названіе въ Польшѣ. Трудно сказать съ достоверностію, въ Язычествѣ ли, около сего времени, существовалъ обычай такой обрядъ и потомъ перешелъ въ Хрістіанскій міръ, или гораздо позже вошелъ епопъ обычаи. И Жидаы въ Зеленые Святки, которыя приходятся у нихъ въ Маѣ, украшаютъ свои подсвѣшники, попошки и окна зелеными вѣтками и гирляндами изъ листьевъ, нанизанныхъ на нити. У Каполиковъ, равно какъ и Евреевъ, употребляютъ на это деревья многолиственные, но никогда печальныя, мрачныя, каковы иглистые (10). Въ Литвѣ и Польшѣ епопъ древній обычай теперь прекращается изъ опасенія ущерба лѣсовъ; просіолудинамъ воспрещаютъ рубить деревцы на Зеленые Святки для украшенія мазанокъ своихъ.

(10) Domy i dwory etc. pr. L. Gołębiowskiego. w Warschawie. 1830, in 8.

На Жмуди, въ Россіанахъ, Духовъ день называется Siekmines; тогда пастухи забавляются ристаніемъ на лошадахъ съ пѣснями; что опчасни сходствуесть съ конною процессіей (Fřingsttritt) у Нѣмцевъ для отвращенія ненастья (11). Около епюго времени (25 Мая) у Славянъ и Чеховъ начинались языческія празднества возліянїи испочникамъ и закланіемъ жертвъ. Въ Турингїи вымышленный царь садовъ, или зеленый чловѣкъ, der Gartisch-König, обвиный зелеными вѣтвями и цвѣтами, сїдя на конѣ, сопровождаемъ былъ изъ лѣсу въ село веселою толпою народа, которая давала извѣстное количество яицъ для пригошовленїя кушанья. Въ Германїи Троицкія деревья (Fřingst-Maien) и Троицкія или Майскія пляски (Fřingst, или Frohn и Maien-Tänze) доселѣ уопребительны во многихъ провинціяхъ. Тамъ обыкновенно украшаются березками и вѣтвями церкви и колокольни. Въ Англіи, особливо въ Гринвичскомъ паркѣ, бывали Троицкія игры (Whitsunday and holy day's stories) (12) Въ Венеціи ежегодно въ Троицынъ день совершалось до 1798 года торжественное обрученіе Дожа съ Адриатическимъ моремъ. Троицынъ день былъ однимъ изъ сроковъ на

(11) Edda Saemundina. t. III.

(12) Denkwürdigkeiten auß der christ. Archäologie, von Dr. I. E. Augusti. 2 B. Leipz. 1818, in 8.

Руси, когда спавились въ Москвѣ на судъ и вносили подати, даже въ XVII вѣкѣ, какъ видно изъ судебныхъ грамошъ.

Въ продолженіе Семицкаго придневнога праздника, оканчивающагося Троицынымъ, иногда и Духовымъ днемъ, пѣсни народныя повторяющъ имена *Тура*, и *Костромы* а болѣе *Ладо*, какъ выше замѣчено; имя перваго встрѣчается въ пѣхъ особенно мѣстахъ, гдѣ, начиная отъ Ростова и Переславля-Залѣскаго до Нижняго Новгорода, жилъ народъ Меря, бывшій въ пѣсныхъ связяхъ съ Славянами. Около Стародуба пѣсни въ Зеленую недѣлю называются *Гренухали* и *Гренушкали* отъ *Греной недѣли*, какою тамъ именуется Троицкая. Игры же самыя, какъ выше упомянуто нами, относятся къ Русаліямъ, коимъ давали особенное знаменованіе разныя племена южной и сѣверо-восточной Россіи; по вѣрованію же народному, Русалки, живущія на руслѣ рѣкъ, выходятъ изъ воды на землю около Троицына дня и оспаютъ на землѣ до Петрова дня.

ТРОИЦКІЯ ПѢСНИ.

Въ городѣ Чухломѣ существуетъ старинное обыкновеніе между дѣвицами обывателей праздновать весною *Троицынъ день*, *Духовъ день* и слѣдующее за тѣмъ *Всесвятское заговѣнье*, а зимою *Святки*.

Старшая изъ дѣвушекъ, которая называется *Большухой*, въ Троицынъ день проситъ на игрище подругъ, которыя, въ сопровожденіи матерей или родственницъ, приходятъ въ избранное мѣсто, или среди города на площадь, или въ поле близъ самаго города, всего же чаще противъ дому той дѣвицы, которая ихъ просила. Всѣ становятся въ кружокъ и поютъ пѣсни, особенно на сей предметъ назначенныя. Двѣ изъ старшихъ дѣвушекъ, коихъ отцы бывали головами, или другими членами общеслѣва, въ продолженіе первой пѣсни ходятъ посреди хоровода, по окончаніи, раскланиваются и становятся въ кружокъ съ прочими; мѣсто ихъ заступаетъ другая пара и такъ далѣе. Самолюбіе и здѣсь не исключительно. Та пара обижается, для коей поется пѣсня, по ихъ мнѣнію, худая; при томъ младшей пары никогда не допускаютъ

ходить посреди кружка прежде старшей; за чью можетъ произойти неудовольствіе и даже ссора между матерями дѣвушекъ и самими дѣвушками. Вотъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ, которыя поются при семъ случаѣ.

1.

Пошла дѣвчина на Днѣпръ по воду,
Заглядѣлася въ быструю рѣчку;
На встрѣчу ей плыветъ козачикъ.
Начала дѣвчина съ казакомъ правдаться:
Отпусти меня, козачинька, до дому,
Принесу тебѣ великую казну!
Мнѣ не надобно великой казны,
Обвѣнчаемся, мой соколъ, со мной,
Промѣняемся золошыми перстнями!

2.

По лугу, по лугу, лелю, лелю, по лугу,
Колясочка ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
Въ колясочкѣ дѣвица, лелю, лелю, дѣвица;
Въ коляскѣ та красная, лелю, лелю, красная.
Сколько она ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
Вдвое, втрое плакала, лелю, лелю, плакала;
На свой перстень смотрючи, лелю, лелю, смотрючи;
За чѣмъ перстень тускнулъ спалъ, лелю, лелю,
тускнулъ спалъ?

143

3.

Что со горь снѣга сокапалися, ой лелю, лелю, со-
капалися,
Въ берегахъ рѣка возмутилася, ой лелю, лелю, воз-
мутилася,
Что по той рѣкѣ селезень плыветъ, ой лелю, лелю,
селезень плыветъ,
Дѣвушкѣ вѣсть несетъ, ой лелю, лелю, вѣсть несетъ:
Вѣсть не радозна, ой лелю, лелю, вѣсть не радозна,
Ужъ какъ бытъ дѣвкѣ за старымъ мужемъ, ой ле-
лю, лелю, за старымъ мужемъ;
У стара мужа собачья душа, ой лелю, лелю, соба-
чья душа;
Кошечьи глаза, совины брови, ой лелю, лелю,
совины брови.

Сія пѣсня поется дважды; начало такое,
а конецъ перемѣняютъ, начиная съ 5го сти-
ха, такимъ образомъ:

Вѣстку радозна, ой лелю, лелю, вѣстку радозна:
Ужъ какъ бытъ дѣвкѣ за младымъ мужемъ, ой лелю,
лелю, за младымъ мужемъ,
У млада мужа, сахарна душа, ой лелю, лелю, сахарна
душа,
Медвяны глаза, соколы брови, ой лелю, лелю, со-
колы брови.

4.

У ворошь справа пришлочена;
Пришлочили Князя, Бояры,
Всё ко башюшкѣ въ гости ѣзжучи,
Всё меня младу присмотряючи,
Что первый молвишь: за себя возму,
Что другой молвишь: возьму за сына,
Что третій молвишь: за племянника.
Какъ бы знала я млада, да вѣдала,
Не ходила бы на Оку рѣку,
Не умывалась бы шремя мылами,
Тремя мылами, да шремя разными,
Не упиралась бы полошеничкомъ,
Полошеничкомъ, да шремя разными.

5.

Я вечеръ молода, во банкешѣ была,
Упилася млада зеленова вина,
Позабыла млада зелень садъ зашворить,
Прилетѣлъ попугай винограду щипашъ.
Ужь ты шишь, попугай, не щипли виноградъ
Съ етой вѣточки! еша вѣточка дома надобна,
Свекра дарить со свекровушкою,
Деверя дарить со золовушкою.

6.

Я во садъ пошла, во зелень пошла,
Ужь я луку-та полошь, зеленого полошь,

Я полю, полю, полю, перепалываю,
Через тынь въ огородъ перебрасываю,
Припаду къ шерему, всё подслушиваю:
Еще свекоръ журишь со свекровушкою,
Деверь бранишь со золовушкою.

7.

Мимо моего шеремочку, пробѣгалъ бѣгуночикъ,
На томъ бѣгуночкѣ сидитъ Панъ холостый,
Придается Панъ къ дѣвчинѣ, дѣвчинушка моя радость,
Поди за меня замужъ! Нейду нейду за тебя замужъ,
За здѣшняго Пана! ужъ ты въ карты Панъ играешь,
Козырей Панъ мало знаешь, меня Панью проиграешь.
Дѣвчинушка, моя радость, на тебѣ я не женюсь!
Не урядлива дѣвка ходишь, головы долго не чешешь,
Либо три дни, либо чепыре, русыя косы не плетешь.
Я пойду съ горя молоденька, во зеленъ садъ гуляпи,
Обернуся я, повернуся бѣлой лебедою;
Ужъ я спану ли выкликапи я снова соколочка,
Ты ау, ау, соколочикъ, ау миленькій дружочикъ!
Когда я къ тебѣ пристала, отца, мапери отстала,
Всеу роду я покорилась, Пану въ ноги поклонилась,
Ужъ какъ взялъ Панъ Панью за ручку, повель ее во
свѣшлицу,
Ужъ какъ сталъ ее цѣловати, пошла Панья шан-
цовати.

8.

Я пойду млада по горницѣ ,
Я по свѣтлой млада свѣтлицѣ ,
Я ударю млада въ чеботы ,
Чеботы мои сафіянныя !
Тѣлогрѣюшка моя камчатная !
Не жури меня , люшый свекоръ ,
Не твое ношу приданое ,
Не твое ношу нарядное ;
Государя свѣта баццюшки ,
Государыни свѣта мапушки .

Когда для каждой пары , участвующей
въ хороводѣ , пропоется пѣснь ; тогда чешы-
ре дѣвушки изъ старшихъ начинаютъ ходить
по кругу , для коихъ поютъ особенную пѣс-
ню , упоминая въ оной имя и опечесливо

9.

Передъ воротами , передъ широкими ,
Стояла туть калина , спояла малина ,
На шой ли на калинѣ , на шой ли на малинѣ
Чпо чешыре было ягодки :
Первая ягодка Онисья Ивановна ,
Вшорая ягодка Акулина Макаровна ,
Третья ягодка Авдошья Никипишна ,

147

Чешвертая ягодка Прасковья Григорьевна.
Для ради Анисьюшки, для ради Ивановны
Всѣ церкви растворялися,
Для ради Акулинушки, для ради Макарьевны
Всѣ свѣчи зашеплялися,
Для ради Авдотьюшки, для ради Никитишны
Князья соѣзжались,
Для ради Прасковьюшки, для ради Григорьевны
Сине море всколыхалось.

10.

Во полѣ рябинушка, ой Дидо, Ладо!
Во полѣ кудрявая, ой Дидо, Ладо!
На шой на рябинушкѣ, ой Дидо, Ладо!
Четыре было вѣточки, ой Дидо, Ладо!
На шѣхъ ли на вѣточкахъ, ой Дидо, Ладо!
Четыре было ягодки, ой Дидо, Ладо!
Первая ягодка Аннушка, ой Дидо, Ладо!
Вторая ягодка Катинька, ой Дидо, Ладо!
Третья ягодка Машинька, ой Дидо, Ладо!
Четвертая ягодка Авдотьюшка, ой Дидо, Ладо!
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Столы становилися
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Скатерти растягивалися,
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Всѣ гости съѣзжались,
Для ради N, для ради N, ой Дидо Ладо!
Исшвы становилися.

По окончаніи сего , всѣ дѣвушки берутъ другъ друга за руки и ходятъ взадъ и впередъ , на подобіе буквы *М* : сіе дѣйствіе, по выраженію ихъ, называется : *красны сновать*. Въ продолженіе *снованія красенѣ* поютъ слѣдующія пѣсни:

11.

Ужъ ты улица, улица ,
Ужъ ты улица широкая !
Трава, мурава шелковая !
Изукрашена улица
Всѣ гудками, всѣ скрипцами ,
Молодцами , да молодницами ,
Душами красными дѣвицами.
Не величка птичка пташечка
Сине море перелепывала ,
Садилася птичка пташечка
Среди моря на камышекъ ;
Слышитъ , слышитъ птичка пташечка ,
Плачешь, плачетъ красна дѣвица,
Идучи она за стараго замужъ :
Ахъ, ты, старъ мужъ, погубитель мой!
Погубилъ мою головушку,
Всю дѣвичью красоту.

Въ отношеніи же къ молодому , конецъ сей пѣсни слѣдующій:

149

Слышитъ, слышитъ птичка, пташечка,
Пляшетъ, пляшетъ красна дѣвушка,
Идучи она за младаго замужъ:
Ужъ ты младъ мужъ, взвеселитель мой,
Взвеселилъ мою головушку,
Всю дѣвичью красоту!

12.

По улицѣ по широкой
Скакаль, плясаль воробышекъ,
Сзываль, скликаль красныхъ дѣвицъ:
Подъте, дѣвушки, подъте, красныя,
На игрище, на гульбище,
Въ большой караводъ мячемъ играть!
Охъ, дѣвушкамъ своя воля;
Молодушкамъ нѣтъ волюшки!
Дитя плачетъ колыбное,
Другое плачетъ кроватное;
Колыбному горшокъ каши,
Кроватному печь пироги.

13.

Зеленися, мой зеленъ садъ,
Зеленися въ огородъ!
Ко мнѣ завтра поушру
Дорогой гость въ гостини будетъ,
Дорогой гость батюшка родной

Станешь по саду гуляти,
Изюмъ ягоду щипати;
Пощипавши, будетъ кушать
Меня молоду хвалиши,
Что горазда садъ садиши,
Что горазда поливаши,
Отъ морозу сберегаши,
Новиною прикрываши,
Той ли новиною,
Той ли суровою, парчею золошою.

14.

Травина ли моя, правинушка,
Травина ли моя шелковая!
Еще кто же праву прищопталь?
Прищоптали меня правинушку
Да всё дѣвушки, да всё красныя,
Въ зеленомъ саду гуляючи,
Золотымъ мячемъ играючи,
Все себя же ушѣщаючи.

15.

Красная дѣвушка по городу гуляла;
Она яхонтные камешки собирала,
Она камешекъ о камешекъ бросала;
Не во всякомъ самоцѣшномъ камнѣ искра,
Не во всякомъ добромъ молодцѣ есть правда.
Добрый молодецъ по бережку гуляетъ;
Онъ волженные прушки ломаетъ:

Изхлестала бы, изхлестала бы я васъ, прутья,
 О дѣвичье, о дѣвичье бѣло шѣло!
 Ужь гораздо я молоденька согрѣшила;
 Ужь я завиреню, обѣдню просыпала,
 За сердита добра молодца попала;
 Онъ ужъ бьетъ меня дѣвицу не за правду,
 Про свое бьетъ про дурацкое бездѣлье.

Духовъ день и слѣдующее за нимъ заготовѣе, въ Чухломѣ празднуются точно такъ же, какъ и Троицынъ день; пѣсни поютъ тѣже. По словамъ спарожкиловъ, такія игры прежде продолжались во всю ночь; нынѣ начинаются со зго или зго часа и продолжаются до зго пополудни: дѣвицы разходятся, послѣ возвращаются опять и въ ясную погоду играютъ до полуночи и далѣе.

16.

Въ Воронежской Губерніи тогда поютъ слѣд. *призывныя* на игрище пѣсни:

Луговая коростель,
 Ладо, Ладо, коростель!
 Не кричи рано по зарѣ!
 Не буди меня рано на зарѣ!
 У меня машушка — мачиха,
 Она меня поздно спать кладетъ,
 Она меня рано взбуживаетъ,
 Къ легкому дѣлу — къ жерновамъ, и пр.

Луговая коростель, и пр.
Закричи рано по зарѣ!
Разбуди меня рано на зарѣ:
У меня машушка родная;
Она меня рано спать кладешъ;
Она меня поздно возбуживаетъ,
Къ тяжелому дѣлу — къ планицамъ, и т. д.

17.

Конѡпля, конѡпля зеленая моя!
Что жъ ты, конѡпля, не весело стоишь?
Ахъ! какъ мнѣ, конѡплѣ, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюютъ!
Дѣвка, ты дѣвушка красная!
Что жъ ты, дѣвушка, не весело сидишь?
Ахъ! какъ мнѣ дѣвукѣ веселинькой быть?
Мой батюшка хочетъ за мужъ меня отдать,
А мачиха хочетъ въ черницы поспричь!
Мой батюшка пошелъ боярь (1) собирать,
А мачиха пошла за игуменьей.
Скрыпнули вороша разтворчатые,
Брехнула собака борзая на цѣпи...
Мнѣ-чела (2) — батюшка съ боярами!
Ажной — моя матушка съ игуменьей!

(1) Сватъ, дружокъ.

(2) Я думала.

Садись, мое дитяшко, на золотое стульце;
Расплетай, мое милое, русую косу!
Пусти меня, матушка, на Донъ погулять,
Бѣлильцы, румянцы съ лица постирать.
Смоешь, мое дитяшко, горючей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатымъ рукавомъ! (3)

(3) см. Украин. Журналъ на 1824, № 11. Харьковъ, въ 12.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЫИ.

І.

ВЛАСЬБЕВЪ ПРАЗДНИКЪ.

При переходѣ отъ Языческаго къ Христіанству, ложныя божества Рускаго народа испреблены, такъ что память только нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилась въ старинныхъ пѣсняхъ, сказаніяхъ, названіяхъ урочищъ и повѣрьяхъ. Позднѣе прочихъ сокрушенъ былъ въ Ростовѣ испуканъ *скотія* бога Волоса, или Велеса, который находился въ числѣ Кіевскихъ божествъ и встрѣчается въ „Игровой пѣсни“ съ Даждбогомъ и Сприбогомъ (1). „Великая Миня Макаръевская, въ рукописи, свидѣтельствуемъ, что „Великій Князь Владиміръ повелѣ испроверщи, избыти кумиры, овы изъщи, а нынѣ ижежи; Волоса, его же именовашу *скотія* бога, повелѣ въ Почайну рѣку вresti.“

Коренныя народныя вѣрованія всегда почти оставляютъ слѣды свои въ жизни народной,

(1) смотри „Четью-Минию“, февраль.

принимая новые обряды, или прививаясь къ другимъ понятіямъ. При водвореніи Хрістіанства въ Россіи, мѣста языческихъ капищъ и пребищъ освящены св. храмами; языческимъ опечесивеннымъ богамъ пропшвопоставлены Святыя Православной Церкви, покровительствующіе тѣмъ же занятіямъ житейскаго бытія, какими завѣдывали первые. Нельзя было первымъ проповѣдникамъ вѣры Евангельской въ етомъ обстоятельстве не сдѣлать нѣкотораго снисхожденія народу необразованному, грубому, котораго, вмѣсто Перуна, спалъ покланялся св. пророку Ілліи, доселѣ чернью представляемому громоноснымъ. Такъ, вмѣсто низверженнаго Волоса, скотъ, особливо коровы, поручены покровительству св. мученика Власія, жившаго въ IV вѣкѣ по Р. Х., — потому болѣе, что житіе его свидѣтельствуешь о благотворительствѣ его людямъ и лѣснымъ звѣрямъ, о возвращеніи бѣдной вдовѣ веприцы, похищенной волкомъ (2), и ш. п. Такое сближеніе сходныхъ обстоятельствъ и даже созвучныхъ именъ укоренило въ народѣ епо вѣрованіе, соединенное съ его бытомъ и обычаемъ.

(2) Верховажскія Записки М. И. Мясникова, въ рукописи, также Нерехотскія Записки М. Я. Діева.

Существующій донинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи суевѣрный обрядъ *Опахиванья*, или *Коровьей смерти*, совершаемый ночью женщинами во время скопскаго падежа, не есть ли остатокъ обрядовъ таинственнаго служенія Волосу; ибо шествіе епо сопровождается св. иконою Власія. По Вагъ есть довольно приѣловъ и часовъ въ честь Св. Власія; его праздникъ тамъ чествуютъ крестьяне разными приношеніями, особливо коровьимъ (молочнымъ) масломъ. Донинѣ въ Вельской округѣ, въ Ракульскомъ приходѣ, среди лѣсовъ, стоятъ древняя церковь во имя Св. Власія, котораго икона явилась 19го Января, какъ гласитъ мѣстное преданіе. Въ епошъ день, изъ всей Вельской округи крестьяне съѣзжаются и сходятся молишся своему заступнику. Тогда приходскій священникъ совершаетъ тамъ обѣдню, потомъ служитъ общій, а наконецъ частныя молебны для молельщиковъ. Туда приносятъ коровье масло, которое съ поклономъ кладутъ предъ образомъ Св. Власія. Въ праздникъ собирается отъ 30 до 40 пудъ масла; часть онаго дается священнику съ причетомъ, а остальное въ пользу церкви. — Въ другихъ приходахъ Шенкурскаго и Вельскаго округовъ, такимъ же образомъ празднуютъ св. покровителю скоповодства, въ субботу

предъ св. Пятидесятницею. (3) Какъ въ праздникъ Св. Мученикъ Флора и Лавра приводятъ лошадей къ церкви для окропленія ихъ св. водою, такъ и къ церкви Св. Власія приводятъ коровъ, особливо во время падежа, и поютъ обѣтныя молебны. Емощъ Святой на иконѣ (въ одной изъ Новгородскихъ церквей) изображенъ обруженный скотомъ. Прасолы въ Зарайскѣ, еженедѣльно, въ продолженіе цѣлаго года, служатъ молебны св. покровителю рогатаго скота.

Какъ торговля и промышленность почти всегда шли по слѣдамъ за торжествами религиозными: то съ праздниками искони соединялись торги и ярмарки. Одна изъ древнѣйшихъ ярмарокъ въ Сѣверо-Восточной Россіи, Ростовская, приходящаяся около Власьева дня, по всему вѣроятію, ведетъ свое начало отъ празднества въ честь Волоса. Въ Ростовѣ, при Св. Авраамѣ, чтили Волоса въ видѣ камня, который наводилъ ужасъ на поклонниковъ своихъ призраками и чудными видѣніями. Ростовскій апостоль, въ XI или въ началѣ XII вѣка, сокрушилъ ешого идола шестиконечнымъ крестомъ, полученнымъ

(3) *Карамз. И. Г. Р. ч. I.*

опиъ Св. Іоанна Богослова, а на мѣснѣ Воло-
сова прѣбища соорудилъ церковь: Въ Аврамѣва-
скомъ монастырѣ доселѣ хранился епиопъ
крестъ съ надписью: „Сей крестъ во градѣ
Ростовѣ, во Авраміевѣ монастырѣ Св. Іоанномъ
Богословомъ данъ П. Аврамію побѣдѣти ідола
Велеса при Князѣ Владиміръ“. (4) Подобный
Ростовскому камень (какъ видно изъ руко-
„писнаго житія преп. Иринарха Ростовскаго“)
существовалъ въ Переславль-Залѣскомъ при
Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ. Потомки Мери,
переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Морд-
вою, донинѣ еще опправляютъ праздникъ *Велѣ-
Оксѣ*, напоминающій Велеса. Такіе обоготво-
ренные камни извѣстны были въ глубокой древ-
ности у Евреевъ, Сиріанъ, Финикіанъ и дру-
гихъ народовъ; на нихъ возливался елей въ знакъ
посвященія (5). Въ Россіи, по мѣстамъ, еще и
теперь есть камни, уважаемые простымъ на-
родомъ; и, вѣроятно, камень въ Мерянскомъ
краю былъ представителемъ *бога скотія*. Въ
Новгородѣ находилась *Волосова* улица и до
нынѣ существуетъ древняя церковь св. Власія
на помѣ самомъ мѣстѣ, которое преданіемъ
назначается испукану Волосову. Въ Южной
Россіи, по свидѣтельству Протоіерея Сабн-

(4) Исторія Россійской Іерархіи, ч. 3.

(5) Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи М. Філа-
рета, изд. 4. Спб. 1827, въ 8.

нина, старухи *завивали бороду Волосу* предъ жатвою: собравъ горсть колосьевъ и не вырывая ихъ изъ корня, перегибали и завивали въ узелъ, въ знакъ того, чтобы до нихъ не касалась рука жницы (6). Подобное суевѣріе встрѣчается у Скандинавовъ, у которыхъ въ мифологіи есть Val-áss или Vali-áss — воль-богъ (7). Впрочемъ производство слова „Велесъ“ или „Волось“ созвучно также съ древнимъ vellus, руно, *во́лосѣ*, и средне-латинскимъ velius „древній“, *велий*; но еще ближе кажется съ отечественными словами *солѣ*, синонимъ Тура, и *волосѣ*. Ежели Волось, какъ покровитель скотоводства, въ исторически-неопредѣленной еще древности, перенесенъ выходцами заморскими на югъ и сѣверъ Россіи: то вѣроятно водворился въ ихъ странахъ, гдѣ были скотоводцы и присоединенъ къ мѣстнымъ ихъ божествамъ. Рускіе язычники, клявшись при Олегѣ предъ Волосомъ, при заключеніи мира съ Византийцами, полагали предъ своимъ богомъ волопо; потому-что онъ почитался испоконкомъ богастива, какое доставляло ско-

(6) Журналъ Министер. Народ. Просвѣщенія 1837 года, Ноябрь.

(7) Edda Saemundina. т. III. — Не имѣетъ ли отношенія къ Волосу и *Волотово поле* подъ Новгородомъ?

товодство, и по етому самому очень вѣроятно, что *скотѣ* замѣнялъ деньги.

Изъ оставшихся на Руси суевѣрій видно, что сему божеству приносили въ жертву масло молочное, называемое въ Череповецкомъ и Бѣлоозерскомъ уѣздахъ Новгородской Губерніи *воложныи* и даже *волосныи*. Можетъ-спасься, самая Масляница, приходящаяся около Власьева дни (11 февраля), не была ли праздникомъ Волосовымъ, а возимый тогда во многихъ мѣстахъ Россіи мужикъ на колесѣ, утвржденномъ на санихъ, не представлялъ ли собою Волоса, похожаго на *Крото Нѣмецкихъ Славянъ*?

Волосовскіе, или *Власьевскіе* морозы считаются послѣдними въ Сѣверо-Восточной Россіи, гдѣ у простолюдиновъ есть и поговорка: *Власій, сшиба рогѣ съ зилы*. Можетъ быть, при изслѣдованіи, откроются еще слѣды епого міра въ повѣрьяхъ и обычаяхъ народныхъ, или въ названіяхъ урочищъ и въ старинныхъ сказаніяхъ, кои часно таятся въ мирномъ углу сельскаго быта, какъ заветное преданіе незапамятной старины.

II.

ВЕРБНАЯ СУББОТА.

Первое весеннее гулянье въ Москвѣ, съ давнихъ временъ, бываетъ въ Лазарево Воскресенье, предшесивующее праздникамъ Входа въ Іерусалимъ Спасителя и Свѣтлаго Воскресенья. Отъ другихъ народныхъ гуляньевъ оно отличаетъ скромною веселостію и презвостію, обходится безъ шапровъ и балагановъ, безъ игръ и потѣхъ, обыкновенно сопровождающихъ народные праздники. Это собственно дѣтскій праздникъ, напоминающій торжество Еврейскихъ дѣтей, которыя подспилали ваи, т. е. финиковыя и пальмовыя вѣтви І. Хрісту во время шесивія Его на ослати въ земный Іерусалимъ.

Вербное гулянье въ Москвѣ напоминаетъ намъ паптріархальную простоту и благочестіе Руской старины: сами Монархи вмѣстѣ съ народомъ нѣкогда ходили *ломать вербу* на берега Неглинной, покрытой ивами и вербами, дабы мысленно подспилать Рускія ваи подъ стопы Спасителя. До самаго царсвиванія Петра I, въ навечеріе праздника Входа во Іерусалимъ, совершался крестный ходъ съ древесными вѣтвями, а Паптріархъ, въ подражаніе І. Хрісту, шесивовалъ во всемъ обла-

ченіи на конѣ верхомъ (наряженномъ въ видѣ осла), отъ Лобнаго мѣста до Успенскаго собора, и наоборотъ. Свящипеля сопровождали духовныя особы, Царь и бояре, пѣшіе, съ вербами. Заведеніе выносить тогда большое дерево, обвѣшенное овощами, было слѣдствіемъ ношенія простой вербы (1). Въ память этого, у Вознесенскаго монастыря и у Лобнаго мѣста въ Москвѣ продаются вербы изъ вѣтвей самаго дерева (*salix*), которое къ этой порѣ обыкновенно распускаетъ свои сережки, также изъ искусственныхъ цвѣтовъ и плодовъ съ листьями и херувимами; тогда Красная площадь превращается въ движущійся вертоградъ, куда нынѣ привозятъ и приводятъ дѣтей упрямою за вербою, а съ сумерекъ начинается капанье въ разныхъ экипажахъ вокругъ Кремля, среди гуляющаго народа (2).

Достопамятный обрядъ *шествія* Свящипеля на ослики, совершался не всегда одинакимъ образомъ. Онъ извѣстенъ уже въ XVI вѣкѣ, какъ видно изъ чина поставленія Митрополитовъ Всеросс. 1559 и 1564 г. (3), бывшаго не въ Вербное Воскресенье. Гарклюйтъ, Олеарій и

(1) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. Н. Д. Иванчина-Писарева. Москва. 1837, въ 12.

(2) Сѣверная Пчела, 1838 г. No 69.

(3) Акты Археогр. экспедиціи. т. I. Спб. 1836, въ 8.

Беръ такъ описываютъ вербное шествіе: „Въ недѣлю (т. е. воскресенье) Ваиѣ, предъ обѣднею народъ собирался въ Кремль. Изъ Успенскаго собора выносили огромное дерево, обвѣшанное разными плодами и овощами, и поставивъ его на двухъ саняхъ, везли тихо. Подъ деревомъ спояли пять опроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли молищвенныя пѣсни. За санями шли многіе юноши съ зажженными восковыми свѣчами и огромнымъ фонаремъ; за ними несли двѣ хоругви, шесть кадильницъ и шесть с. иконъ. За иконами слѣдовали Іереи въ великолѣпныхъ ризахъ; а за ними бояре и сановники; наконецъ самъ Государь и Митрополитъ. Послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на ослѣ; покрытомъ бѣлою тканью: въ лѣвой рукѣ держалъ Евангеліе, а правою благословлялъ народъ. Ослѣ велъ Бояринъ; Государь придерживалъ одною рукой длинный поводъ узды, въ другой имѣлъ вербу. Путь Святителю успиляли сукнами. Предъ Государемъ несли пальмы, какія приносимы были изъ Палестины странниками (4) и какія доселѣ хранящся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ подъ именемъ *Царскихъ финиковыхъ вѣтвей*. Обходявъ такимъ

(4) Которые назывались *паломниками* отъ *пальмовыхъ* вѣтвей, какія приносили съ собою, или отъ Готт. сл. palm, страннической посохъ, съ какимъ хаживали паломники; на Агл. palm. с. *Жарамз.* И. Г. Р. т. IX и XII.

образомъ вокругъ главныхъ церквей Кремлевскихъ, въ сопутствіи безчисленнаго множества народа, возвращались въ Успенскій соборъ, гдѣ Митрополитъ, совершивъ божественную литургію, угощалъ у себя въ Палатѣ обѣдомъ Царя и вельможъ:“

Такъ отпраздненьемъ былъ ешю обрядъ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ! Онъ не прекращался и во время завладѣнія Москвы Поляками. Въ 1611 году, по свидѣтельству Беровой лѣтописи, они дозволяли Патріарху Гермогену священнодѣйствовать въ недѣлю Ваий. Тогда на Красной площади, самомъ мѣстѣ церемоніи, стояли пѣшіе и конные Ляхи и Нѣмцы съ обнаженными мечами и съ заряженными пушками. Священникъ, *связанный дугою*, шествовалъ въ опечистившій Иерусалимъ на ослати между рядами иновѣрцевъ; но граждане Московскіе не смѣли выйти на улицу, только нѣсколько бояръ и сановниковъ съ унылымъ видомъ слѣдовали за своимъ Пастыремъ, котораго въ Москвѣ ожидала истома и смерть. Патріархаго осла вель за узду, вмѣсто Царя, Князь Гундуровъ (5).

Въ церковныхъ обрядахъ 1627 г. записано (6), что „на 6 недѣли поста ввечеру и на

(5) Древняя Росс. Вивліоѳека. ч. XI.

(6) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, изд. Устрялова. Спб. ч. I. 1831, въ 8.

„утрени бываетъ служба въ соборѣ, а предъ
обѣднею Патріархъ ѣздитъ на осяпши къ
„Троицѣ на ровъ, и паки поѣдетъ въ Соборъ.“
Олеарій описываетъ намъ бывшее въ 1636 г.
шествіе Патріарха на осяпши, сходно съ
первымъ въ главныхъ предметахъ, къ кото-
рымъ присоединяетъ еще, что около пяти-
десяти юношей въ красномъ плащѣ, скинувъ
съ себя верхнюю одежду, разстилали ее по
пути шествія Патріарха и Царя. Изъ Успен-
скаго собора, по словамъ Олеарія, Патріархъ
шествовалъ къ Лобному мѣсту, съ коего
давалъ благословеніе народу, а потомъ слѣ-
довалъ въ церковь Входа въ Іерусалимъ и, по
совершеніи тамъ молебнаго пѣнія, тѣмъ же
порядкомъ возвращался въ Успенскій соборъ,
при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквяхъ.
Но въ чинѣ шествія (1642 г.) упоминаются
нѣкоторыя особенности этого церемоніала.
Іосифъ, въ день своего избранія на Патріар-
шество, шелъ изъ дворца черезъ Благовѣ-
щенскую паперть къ осяпши, на которое
возсѣвъ, совершилъ шествіе вокругъ Кремля.
Отъ Благовѣщенскаго собора ѣхалъ онъ къ
Спаскимъ воротамъ; за нимъ слѣдовали въ
саняхъ Ростовскій Митрополитъ Варлаамъ,
Рязанскій Архіепископъ Моисей, и Бояре, а
около Патріарха шли приказные, Конюшій,
Ясельничій, и дворовыя дѣти Боярскія въ

золотныхъ одеждахъ, вмѣстѣ съ головою
 Спирѣлецкимъ и Полуголовою съ пѣшими же
 спирѣльцами. Въ это время проподіаконъ
 ѣдучи, кропилъ городъ св. водою. По прибы-
 тии всего шествія къ Спаскимъ воротамъ,
 Патріархъ взошелъ на уготовленное ему мѣ-
 сто и предъ образомъ Спасителя и Бого-
 матери, написаннымъ на воротахъ, прочелъ
 липію и молитву городу, и по окончаніи
 оной, прижды кропилъ образъ св. водою.
 Потомъ сошедши съ мѣста, взявъ крестъ
 и осяняя рнымъ, поѣхалъ, внизъ направо
 мимо Спирѣецкой караульни подъ гору къ
 Тайницкимъ воротамъ, у которыхъ также
 читалъ липію и кропилъ св. водою; опшуда
 поѣхалъ черезъ Житный дворъ къ Боровиц-
 кимъ воротамъ. Совершивъ и на томъ мѣ-
 стѣ подобный обрядъ, поѣхалъ онъ черезъ
 Боровицкій мостъ вправо Спирѣецкою сло-
 бодой къ Каменному мосту и къ Неглин-
 нымъ воротамъ и опъ нихъ къ Никольскимъ,
 потомъ площадью слѣдовалъ къ Спаскимъ,
 говоря у всѣхъ воротъ молитвы городу и
 кропя ихъ св. водою. Проѣхавъ черезъ Спас-
 скія ворота въ Кремль къ Благовѣщенскому
 рундуку, Патріархъ сошелъ съ осяти на
 рундукъ и опправился вверхъ къ Государю
 въ Золотую палату. Его вели Митрополитъ
 Ростовскій и Архіепископъ Рязанскій, а це-

редъ нимъ шли пѣвчіе, дьяки, и пѣли спихи, въ соупствованіи *пламенниковъ* (7) по чину. На другой день, Патріархъ, по окончаніи обѣдни въ Ризположенской церкви, сѣлъ на осла у лѣстницы съ приступка и поѣхалъ съ двора Патріаршаго въ Ризположенскія ворота. Осла велъ за конецъ повода Бояринъ Василій Петровичъ Шеремевъ, посреди повода Окольничій Князь Андрей Ѳедоровичъ Липвиновъ-Мосальскій, а у губы осла съ правой стороны велъ его Патріаршій Бояринъ Василій Яновъ; съ другой стороны велъ за узду стремянный конюхъ, тѣже самые, которые присутствовали при церемоніи въ прошедшій день. Патріархъ поѣхалъ опъ Собора, мимо стараго Дворца Царя Бориса, къ Богоявленскому монастырю, что на Троицкомъ подворьѣ, да по за-дворцу въ Боровицкія ворота. Выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Чертольскія ворота, слѣдовалъ Патріархъ по Бѣлому городу къ Арбатскимъ, Никитскимъ, Тверскимъ и Пепровскимъ воротамъ, на Трубу, къ Неглинной, чрезъ которую тогда моста не было. Для сего Патріархъ шелъ вверхъ

(7) *Пламенники*, если не *паломники*, т. е. носившіе пальмы или вербы, можешь статьса, шоже что *Осенники*, родъ служителей, бывшихъ при св. церемоніяхъ, въ красныхъ кафшанахъ.

по Неглинной мимо Спрѣлецкихъ слободъ и перешедъ Неглинную подъ Троицкой слободою (нынѣ Мѣщанскою); шелъ къ Срѣтенскимъ воротамъ, у коихъ остановясь, говорилъ молишву и окропя св. водою, вступилъ въ городъ, и слѣдуя Срѣтенскою улицей, въ Кипай Никольскою улицей, въѣхалъ въ Кремль въ Никольскія ворота, опшпудавъ себѣ на дворъ Папріаршій и шпудъ сошелъ съ осла у лѣспницы. Папріархъ, ѣхавши около города, у каждаго врата говорилъ молишвы; за нимъ слѣдовали Ростовскій Митрополитъ Варлаамъ, Рязанскій Архіепископъ Моисей и два Пречистенскіе Ключаря, которые везли крестъ и кропили городъ св. водою. Сошедъ Папріархъ съ осла, отправился въ келью, а Бояринъ и Окольничій поѣхали въ свои подворья. — На третій день, Марта 29го, происходила подобная церемонія. Папріархъ, отслуживъ раннюю обѣдню, пошелъ въ сопровожденіи Духовенства съ дарами къ Царю Михаилу Феодоровичу; возвращаясь отъ него, сѣлъ на осла у себя на дворѣ у лѣспницы, поѣхалъ Ризположенскими воротами въ Никольскія, и выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Срѣтенскія ворота, ѣхалъ у Бѣлаго города къ Яузскимъ воротамъ, у коихъ прочія молишву и кропя св. водою, слѣдовалъ въ городъ чрезъ Яузскія, Варварскія и Спаскія

ворота въ Кремль, совершая подобныя дѣйствія, какъ и въ первые дни, Бояринъ, Окольниковичій, Патріаршій Бояринъ и конюхъ вели подъ Патріархомъ ослѣ, тѣ же, которые и прежде были. Изъ Духовенства, Рязанскій Архіепіскопъ не присутствовалъ за тѣмъ, что впалъ въ немилость у Царя. Патріархъ прѣхавъ на свой дворъ, отпустилъ Боярина и Окольного на подворья, а стола у него не было, для того, что „въ великій постъ „пировать не пристало“ (8). Въ Треодионѣ 1666 г. при описаніи церемоніи Ваіи, совершенной Патріархомъ Іосафомъ, не упоминается объ ослѣ; но 1668 году, въ Вербное воскресенье повторылась на Лобномъ мѣстѣ въ лицахъ евангельская исторія: Патріархъ словами Хріста посылалъ Протопопа и Ключаря за ослѣтемъ, которое стояло на уготованномъ мѣстѣ. Патріаршій Бояринъ спрашивалъ, а они ему ошвѣчали, какъ въ Евангеліи сказано. Потомъ Патріархъ взявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую напрестольный крестъ, и ошвѣнивъ имъ Царя, сѣлся на ослѣ, которое Государь бралъ и вель за поводъ. Процессія шла къ Успенскому Собору чрезъ Спаскія ворота въ преднесе-

(8) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, г. Успенскаго. Харьковъ. 2 ч. 1818, въ 8. — Московскій Наблюдатель, 1837, № 3.

ній нарядной вербы. Царь и прочіе несли ваи; по прибытіи въ Соборъ процессіи, дочипывалось Евангеліе и начиналась литургія.

Одинъ Нѣмецкій ученый, въ концѣ XVII вѣка, очевидный свидѣтель подобной церемоніи въ Москвѣ, описываетъ ее точно такъ, какъ она происходила при Царѣ Іоаннѣ Васильевитѣ, упоминая о везенномъ деревѣ съ разными плодами, опрокахъ, воспѣвавшихъ *Осанна*, и о шествіи на ослати Папріарха, котораго сопровождали Цари Іоаннъ и Пётръ Алексѣевичи, державшіе за поводъ осла, покрытаго чернымъ сукномъ. Въ продолженіи шествія дѣти подспилили Папріарху, по словамъ писателя, свои одежды и разные пѣани: Папріархъ въ благодарность подносилъ обоимъ Царямъ 500 рубл. (9)

Подобную церемонію Архіереи совершали и въ городахъ съ Воеводами. Когдажъ она прекращена была: тогда дозволено только крестное ходженіе съ иконою *Входа Господня*, *аще молва гдѣ гается*, или *будути настояща* *благоговѣйни людіе*.

Россійскій Папріархъ Іоакимъ, на созванномъ имъ Соборѣ 1678 г., подвергнувъ разсмотрѣнію *обрядъ шествія на ослати* и не нашедши ни церковнаго положенія на оный,

(9) *Anhang von der Reussischen Religion. Leipz. 1698, in 12.*

ни извѣстія о началѣ его въ Россіи, призналъ его нововведеніемъ, вошедшимъ въ смутныя времена нашего отечества. Предоставивъ Патріарху епотоу обрядъ, какъ уже вкоренившійся въ Столицѣ, онъ запретилъ подражать оному всѣмъ Архіереямъ по провинціальнымъ городамъ, гдѣ епо обыкновеніе только еще распространилось; а Императоръ Петръ I вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самаго Патріаршества и совсѣмъ прекратилъ совершеніе епотоу обряда въ Россіи, исторически и канонически неопредѣленнаго.

Подобный обрядъ издревле существовалъ на Воспохѣ и на Западѣ. Пахимерь упоминаетъ о шествиі на осяяши Патріарха Константинопольскаго; въ епотоу день при Византійскомъ дворѣ раздавались золотыя монеты и другіе подарки, называемые, какъ и самый праздникъ, *Ваѣа*. Гилдебрандъ въ книгѣ своей *de diebus festis* свидѣтельствуешь, что Григорій великій, въ концѣ VI вѣка, учредилъ въ Вербное Воскресенье св. хожденіе, которое при Карлѣ Великомъ вошло въ общее употребленіе на Западѣ, гдѣ епотоу праздникъ назывался *Dominica palmarum*, или *in palmis*, также *in ramis palmarum*. Но еще Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной бѣсѣдѣ своей говоритъ: „въ епотоу шествиі, которое совершаю съ вами, простру не вѣтви пальмовыя,

„но ученіе, чтобы, подобно вдовицѣ, принести
„двѣ лепшы.“ Киннамъ въ Римской Исторіи
пишетъ, что и на Западѣ Императоры во-
дили коня подъ Патріархомъ. Олеарій же въ
своихъ путевыхъ запискахъ, ссылаясь на
хронику Антонина, Епископа Флорентин-
скаго, свидѣтельствуеши, что Императоръ
Константинъ Мономахъ, жившій въ XI вѣкѣ,
держалъ за узду лошадь у Патріарха Миха-
ила Келуларія, когда онъ садился на нее, и
велъ ее. Гилдебрандъ описываетъ намъ чрез-
вычайное удивленіе Турецкихъ посланниковъ,
смотрѣвшихъ въ Краковѣ подобную церемо-
нію, и Францисканецъ Каремъ, посѣщавшій
Палестину въ началѣ XVII вѣка, такъ изоб-
ражаетъ видѣнный имъ обрядъ Входа въ Іе-
русалимъ: „Для сохраненія воспоминанія о
„порожесвищенномъ шествіи Спасителя, еже-
годно въ день праздника Входа Архіерей Св.
„горы Сіона съ брашніею, странниками и жи-
„телями Іерусалима, по примѣру Хріста и
„учениковъ его, отправляется въ Виѳсфа-
„лію и, тамъ облобызавъ св. землю, творяши
„молитву; потомъ Архипастырь говоритъ
„малому своему стаду поученіе, приличное
„времени и мѣсту. По окончаніи духовной
„бѣсѣды, діаконъ въ облаченіи читаетъ Еван-
„геліе отъ Матѳея, которое обыкновенно
„въ епошъ день назначено для чтенія въ

ицеркви и при словахъ тогда *Иисусъ посла
два утеника, глаголя има* — Архіерей гово-
ритъ двумъ браціямъ, которые приходятъ
къ нему и дѣлають поклоны: *Идита въ весь,
ляже прѣлю вама*; напоследокъ діаконъ окан-
чиваетъ Евангеліе (10). Между тѣмъ двое
обратій идутъ къ граду, т. е. къ тому мѣ-
сту, гдѣ некогда была весь ослицы и, на-
шедши приготовленное уже тамъ ося, ве-
дуть его къ Архіерею, котораго и сажаютъ
на это животное, покрытое одеждою. Архи-
епископъ, возсѣвъ на осла, шествуетъ чрезъ
Масличную гору въ Іерусалимъ въ сопро-
вожденіи Духовенства и прочихъ вѣрныхъ,
которые постилають ему на пути травы,
цвѣты и одежды свои и, подобно дѣшамъ
Еврейскимъ, поють *Осанна*. По прибытіи
къ тому мѣсту, гдѣ Хрістось, увидѣвъ
градъ, оплакивалъ его, чѣтается XIX глава
Евангелія отъ Луки, въ коемъ описывается
плачь Иисуса. Потомъ шествіе продолжается
при безчисленномъ спеченіи народа. Какъ
нельзя нынѣ входить черезъ Золотыя во-
ропы: то процессія вступаетъ въ Сіонскія

(10) Die Feste der alten Christen, von D. J. W. Augusti.
2 B. Leipzig. 1818, in 8. — О великихъ Господ-
скихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ.
1835, въ 12.

ии опшудѣ достигаютъ церкви Спасителя. „Тамъ сходитъ Архіерей съ осяпѣи и по луставу совершаетъ въ церкви службу, которая оканчивается благословеніемъ народу.“

Въ Римско-Католическихъ спранахъ; кромѣ освященія вѣй, существовало прежде обыкновеніе въ праздникъ вѣй, у Нѣмцевъ названный *голубою Пасхою* (*der blaue Ostertag* и *Palm-Sonntag*), возитъ въ процессіи колесницу, на которую спавился рѣзный изъ дерева осель съ изображеніемъ возсѣдающаго на немъ Хріста.

Отечественная церковь для своихъ цѣлей скорѣе могла заимствовать обрядъ *шестья на осяпѣи* отъ Грековъ, чѣмъ отъ Латынянъ, по отчужденію себя отъ послѣднихъ. Вѣроятно, Россійскіе Священители, издревле хиротонисанные въ Царьградѣ, и паломники, видѣвшіе въ Св. Землѣ это торжественное дѣйствіе, перенесли его въ свое отечество, гдѣ оно измѣнялось въ частныхъ особенностяхъ, смотря по обстоятельству времени, по произволу Государя и Священителя. И такъ, обыкновеніе сіе, похвальное по назиданію, какое Самодержцы подавали народу своимъ смиреніемъ и уничиженіемъ въ лицѣ Іерарха предъ самимъ Царемъ царствующимъ, было не новое и не частное для одной Россіи: оно проявляло духъ того вѣка и сдѣлалось исторически въ ней извѣ-

стнымъ не прежде XVI стол. Но какъ народъ спалъ смотрѣлъ болѣе на внѣшность, нежели на духъ сего обряда: по сперва на Западѣ, потомъ на Востокѣ, а наконецъ и въ нашемъ отечествѣ онъ уничтожился; но воспоминаніе осталось въ настоящемъ гуляньѣ народномъ на Красной площади, куда народъ собирается, и по прекращеніи духовной церемоніи, смотрѣлъ и покупать изукрашенную вербу. Катанье въ экипажахъ, по преданію, въ Вербную субботу началось здѣсь не прежде царствованія Анны Ивановны.

Въ Кіевской Губерніи доселѣ еще накануне праздника Входа въ Іерусалимъ, въ вечернее время, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, бываетъ торжественный ходъ съ освященными молишвою ваіями, изъ одной какой либо церкви въ другую. Въ Харьковѣ, въ Вербную недѣлю, училищное Начальство тамошняго Коллегіума вмѣстѣ съ воспитанниками онаго совершало шествіе съ вербами изъ градской приходской церкви С. Димитрія. Въ слободѣ Копельвѣ Ахтырскаго уѣзда, по свидѣтельствву Г. Маркова, ежегодно тогда же носилась верба народомъ вмѣстѣ съ Духовенствомъ изъ Троицкой въ Преображенскую церковь. Голембовскій описываетъ намъ обряды вербные въ Польскихъ училищахъ. Въ Цвѣтноносное Воскресенье, въ Липѣ и

Полышѣ изъ каждой приходской школы, выбирали учениковъ для процессіи, одѣвъ ихъ въ лучшее платье; съ букетами цвѣтовъ, имѣя на рукахъ fontarie, перевязанныя шелковымъ плапкомъ или лентою, они держали въ рукахъ пальмы (вербы). При Владиславѣ IV, баричи въ бѣлой одеждѣ подносили Королю пальмы: обычай прекращенъ при Янѣ Казимирѣ. Въ Липавѣ и Красной Руси, по возвращеніи изъ церкви домой съ вербою, богомольцы были взаимно дѣшей и домашнихъ, говоря:

Ne ja biju,
Werba bije.
Za tyżdeń,
Welik deń.
Chira w lés,
Zdorowje u kości! (11)

Подобный обычай доселѣ опчастіи удерживается въ великой Россіи у просіолудиновъ; кто проспалъ Вербную заупреню, того бьютъ вербою, приговаривая: *Не я было, а верба бьетъ, или Верба хлѣстѣ, бей до слѣзъ! на красныя лица, на легкія перепечи!* Выше замѣнили мы, что въ Юрьевъ день, освященною вербой выгоняютъ скотину въ поле для предохраненія оной отъ болѣзни и напасти.

III.

О СКУДЕЛЬНИЦАХЪ , ИЛИ УБОГИХЪ ДОМАХЪ ВЪ РОССИИ.

Воздавать послѣдній долгъ смертнымъ останкамъ согражданина и ближняго было священною обязанностью у древнихъ народовъ, ознаменовавшихъ бытіе свое въ Истории міра дѣлами. Обычаи праотцевъ, законы и самая религія освятили сію обязанность, которую Греки язычники называли *праведною*, *законною* (*δίκαια*), а Римляне *iusta*, лат. е. *finera*; нарушеніе оной вмѣнялось въ преступленіе (1). У Евреевъ почиталось богоугоднымъ дѣломъ погребать убогихъ мертвыхъ и на могилахъ ихъ раздавать пищу убогимъ живымъ (2), равно какъ лишиться погребенія или не быть на поминаненіи родныхъ поспавлялось въ наказаніе, коимъ угрожаетъ Пророкъ беззаконнымъ, именно въ

(1) *M. T. Ciceronis de legibus l. III. ed. I. Goerenz. Lipsiae. 1819, in 8.*

(2) *Тов. IV; 17. Иерем. Сир. VII, 36. Diction. histor. crit. chron. etc. de la Bible; par le pere Dom A. Calmet, VI t. à Toulouse. 1783, in 8.*

такихъ словахъ: не погребутся, ни оплатутся— и не преломятъ хлѣба въ стenanіи ихъ ко утѣшенію надѣ мертвымъ, и не дадутъ или питія таши ко утѣшенію надѣ отцемъ и матерію ихъ (3). Добрый Товітъ, въ день Св. Пятидесятницы за прапезою, услышавъ ошъ сына своего Товія, что одинъ изъ земляковъ (отъ рода) удушенный лежитъ на поржищѣ, оставилъ свою прапезу и пошелъ его похоронитъ (4), положивъ его до захождения солнца въ нѣкоемъ долѣ. — Слѣдуя етому челоѣколюбивому примѣру, церковъ поспавляетъ въ числѣ дѣлъ милосердія погребеніе умершихъ въ крайнемъ убожествѣ. Въ первенствующей церкви Хрістіане изъ челоѣколюбія и милосердія обрекали себя на погребеніе усопшихъ собратій своихъ; они извѣстны были подѣ именемъ *труждающихся*, которые и донинѣ поминаются на екшеіи въ божественной литургіи (5). Етому примѣру подражала не только Восточная, но и Западная Церковъ. Одинъ изъ нашихъ путешественниковъ замѣчаетъ, что во Флоренціи съ

(3) *Иереміи*, XVI. 7—8 и XXII, 9—18.

(4) *Книга Товіта*, гл. II, ст. 3. гл. I, ст. 17. И аще коего отъ рода моего видѣхъ умерша и извержена внѣ стѣны Ниневіи, погребяхъ его.

(5) *κοιτάται, κοιλώντες, fossarii, vespillones.* — R. P. Goar *ΕΥΧΟΛΟΓΙΟΝ*, s. rituale Græcorum. Venet. 1730, in f.

XII вѣка еще и доселѣ существуетъ состоящее изъ почепныхъ гражданъ *Общество братьевъ милосердія*, къ которому принадлежатъ за честь себѣ поспавляли и Герцоги Тосканскіе: оно имѣетъ цѣлю благопворить убогимъ и погребать ихъ. Члены сего Общества, одѣвшись въ черное льняное платье, съ закрытымъ лицомъ, несутъ на плечахъ своихъ тѣло усопшаго нищаго до кладбища и тамъ честно предають его землѣ (6). Въ Россіи были такогоя рода пруженики, которыхъ имена сохранены для насъ отечественными лѣтописцами: въ Кіевѣ св. угодникъ Божій Марко гробокопатель, въ Переславлѣ-Залѣскомъ С. Даніилъ Пропасіевъ, въ Новгородѣ боголюбивый Станило и нищій Жгальцо. Спражки Убогихъ домовъ назывались *Божедомами*; а въ Новгородской и Вологодской Губерніи *Богорадныи* и *Божатлыи* (7).

„Хрістіанская набожность нашихъ предковъ — пишетъ Карамзинъ въ своей Истории — произвела одинъ умилительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, называемое *селою скудельничию*, гдѣ люди добродушные, въ четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ, сходились рыть могилы, для

(6) Сьерные цвѣты. Слб. 1825, въ 16.

(7) О Божедомѣ сохранилась въ народѣ и поговорка: *Живетъ одинъ, какъ Божедомъ*.

„спранниковъ и пѣнь паннихиды въ успокое-
 „ніе души тѣхъ, коихъ имена, отечество и
 „вѣра были имъ неизвѣсны; они не умѣли
 „назвать ихъ, но думали, что Богъ слы-
 „шитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ
 „Нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно
 „хрістіанскія молитвы. Тамъ погребались
 „тѣла, находимыя въ окрестностяхъ города,
 „а, можетъ быть, и всѣхъ иноземцевъ.“ (8)

Въ отечественной Исторіи трогатель-
 ное воспоминаніе о семъ благочестивомъ обы-
 чаѣ предковъ нашихъ заставляетъ насъ из-
 слѣдовать нѣсколько подробнѣе оный, тѣмъ
 болѣе, что онъ принадлежитъ къ отечествен-
 нымъ Древностямъ и къ Исторіи Церкви, по
 своему началу, цѣли, времени и мѣсту его
 учрежденія въ Россіи. Еще и теперь существу-
 ютъ многія урочища, запечатлѣнные названі-
 емъ *Скуделенѣ*, или *Убогихѣ домовѣ*, какъ въ са-
 мой древней Столицѣ, такъ равно и во многихъ
 другихъ городахъ Россійскаго Государства.

Скудельницы, или *Божіи дома*, получи-
 ли свое начало отъ подражанія бывшему
 близъ Іерусалима на горѣ Сіонѣ *Селу скудель-
 ницу*, купленному Іудейскими Архіереями за
 тридцать сребрениковъ, цѣну предательства
 Іудина; почему и называлось сіе мѣсто

(8) Харалз. И. Р. Г. т. VII. 2 изд.

село крове (Анелдама). Такъ какъ это поле скудельниче (*αὐρὸς τοῦ κεραιέως*), изтощено было горшечными заводами и не годилось ни на какое другое употребленіе; посему и назначено Иудеями для погребенія *страннымѡ*, т. е. Иудеямъ, приходившимъ въ Иерусалимъ на поклоненіе Богу изъ отдаленныхъ странъ и, при внезапной смерти своей, неимѣвшимъ себѣ мѣста для погребенія (9); ибо жители Иерусалимскіе не допускали хоронить ихъ на своихъ кладбищахъ. I. Злапоустъ говоритъ, что при самомъ вѣздѣ въ города были подобныя кладбища. У Римлянъ мѣста для погребенія бѣдныхъ внѣ города издревле существовали подъ именемъ *Ruticulae*, гноища.

Въ Россіи *Скудельницы*, устроенныя по примѣру Грековъ, назывались также *Буйвищами* въ Тверской и Псковской Губерніяхъ, и *Гноищами*, какъ видно изъ завіщанія Митрополита Стефана Рязанскаго, который просилъ похоронить себя за городомъ *на гноищѣ*. Въ Костромѣ донынѣ существуетъ церковь С. Козмы и Даміана *на гноищи*. *Убогіе доли* сходспивуютъ съ *Жалями* и *Жальниками* въ лѣсахъ, не только въ Новгородской Губерніи, но и въ Великой Польшѣ, въ землѣ Добрынской и Хельмской и въ Куявахъ:

(9) *Матв.* XXVII, ст. 7. — *Дяль. Апост.* I. ст. 19. см. D. J. Rozenmülleri Scholia in Nov. Test. t. I. Norimb. 1835. 8.

на ешихъ Жальникахъ хоронятъ самоубійцы и младенцевъ мерпворожденныхъ. Усыпальницы же въ нѣкоторыхъ монастыряхъ состоятъ изъ сарая съ ямникомъ, куда спавятъ гробы и засыпають ихъ землею тогда, когда ими наполнится весь ямникъ.

Извѣстно, что въ Россіи издревле до XVIII вѣка погребали богатыхъ и значительныхъ людей внутри городовъ, при церквахъ; а убогихъ овозили на Убогіе дома, кои состояли изъ ямника, опущеннаго въ землю, съ сараемъ сверху: при нихъ бывала часовня для пристанища крестному ходу, или церковь. Въ Семицкій четвергъ, на седьмой седмицѣ по Пасхѣ, когда церковь наша поминаетъ всѣхъ прежде почившихъ отецъ и братій и приноситъ *огнестительныя молитвы и жертвы о душахъ ихъ* — бывалъ на Божедомку изъ ближайшаго монастыря, или Собора крестный ходъ (10) и стекался народъ съ гробами, одеждами и саванами для мерпвыхъ: благочеспивые сами изъ усердія рыли ямы, разбирали голыми руками пѣла, по большей части, завернутыя въ рогожки, и по Хрістіанскому милосердію, не гнушаясь отвращительнаго вида и запаха труповъ, долго лежавшихъ въ ямникѣ

(10) Книга *Пятикостаріокъ*, еже есть *Пятдесятница*. см. Службу въ медѣлю *Пятикостіи*.

сарая, опрящывали оные, надѣвали на нихъ бѣлыя рубахи и саваны, потомъ клали въ гробы и опускали въ приготовленные для сего ямы и зарывали; иные между тѣлами находили своихъ родныхъ или знакомыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ.

По заваленіи епихъ ямъ, Духовенство совершало общую паннихиду; послѣ чего доброхотными дащелями раздавалась Божедому и собиравшимся на Убогій домъ нищимъ милостыня и приносимые шуда съѣстные припасы, какъ-то: блины, пироги, калачи и пр. Кромѣ Семика, 1668 г. въ день Покрова Божія Матери, посылались Папріархомъ, Архимандриты и Власти на Убогій домъ для опривленія общей паннихиды по убогихъ, которыхъ тогда же погребали въ общей ямѣ (11). Очевидный свидѣтель въ XVI вѣкѣ Принцъ Буххау, Цесарскій посланникъ въ Россіи, утверждаетъ, что такая церемонія совершалась троекратно въ годъ (12). Кромѣ Семика и Покрова, установлена была 21 Іюня общая память по усопшихъ, какъ видно изъ грамоны 1548 г. (13), или въ другой день.

(11) Древняя Росс. Вивліоенка, ч. X. Москва. 1789, въ 8.

(12) De ortu et progressu Moscoviae. Gubensae. 1620, in 12.

(13) Акты археографическои Экспедици. т. 2, Спб. 1836, въ 4.

Помянувъ покойныхъ на Убогомъ домѣ, народъ обращался къ простымъ увеселеніямъ, съ какими соединенъ былъ существующій съ незапамятныхъ временъ праздникъ *Семикъ*, какъ бы преддверіе весны и радостное преобразование оживленія природы.

О назначеніи, распространеніи и уничтоженіи въ Россіи *Скудельницъ*, или *Убогихъ домовъ*, упоминаютъ не только опечествленные, но и чужестранные писатели, какъ о предметѣ, достопримѣчательномъ въ отношеніи къ народности, религіи и нравственности. Учрежденіе скудельницъ у Рускихъ составляло, такъ сказать, переходъ отъ языческой Тризны или Справы къ благочестивому и человеколюбивому обычаю погребенія и поминаенія умершихъ, къ коему могутъ относиться и слова В. К. Владиміра Мономаха: „надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы“ (14).

Съ постепеннымъ введеніемъ и распространеніемъ св. Вѣры въ Россіи введенъ и распространенъ этотъ обычай, противопоставленный языческимъ обрядамъ Семика, еще свѣжимъ и памятнымъ въ первыя времена Рускаго Хрістіанства. Когда самыя

(14) Духовная В. К. Владиміра Мономаха дѣлаетъ своимъ. Слб. 1793, въ 3.

церкви и погосты оныхъ, или монастыри служили усыпальницами для прихожанъ и когда не было еще общественныхъ кладбищъ: тогда убогіе, скудные и пришельцы, застигнутые насильственною или внезапною смертію, полагались въ Убогихъ домахъ внѣ города до срока общаго погребенія и поминавенія.

Но прежде нежели рассмотримъ, когда и гдѣ появились первыя скудельницы и какое ихъ было назначеніе, постараемся разобратъ самое значеніе словъ *Убогіе дома*

§ 1. Въ праздникъ Пяпдесѣтницы, *иже есть свято седмь седмицъ*, Церковь наша, вспоминая въ *мертвенныхъ* молитвословіяхъ своихъ о всѣхъ прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ, отъ вѣка усопшихъ, въ упованіи на милосердіе Искупителя, ходатайствуетъ за *убогихъ* Божіихъ, постигнутыхъ напрасною смертію — попаленныхъ молніею, замерзшихъ отъ холода, утопшихъ, убитыхъ на брани или разбойниками, отравленныхъ и пр. (15).

Самое слово *убогій* имѣло разныя значенія, которыя заключали въ себѣ выше изло-

(15) см. *Пентікостаріонъ*, Служба въ седьмую седмицу во Пасхѣ.

женныя понятія, такъ что и разное словопроизводство имъ не противорѣчитъ. Если принявъ производство онаго опъ словъ *у Бога*, т. е. живущій *у Бога*, подъ Его кровомъ, какъ богадѣльникъ, т. е. *Бога дѣля* (для): то оно будетъ означать всѣхъ лишенныхъ крова и средства къ пропитанію—бѣдныхъ, скудныхъ, нищихъ, спранныхъ, или со спороны пришедшихъ, споронныхъ. Если же производить сіе слово опъ *убой*, *убійство* (ибо и на древнемъ холщевомъ антиминсѣ церкви св. Іоанна Воина на Убожедомѣ написано *на убоихѣ домѣхѣ*); то будетъ означать убитыхъ, или застигнутыхъ насильственной смертію на дорогѣ или на улицѣ, и даже казненныхъ шорговою казнію. Дословѣрно, что и тѣ и другіе погребались на Убогихъ Домахъ, и подъ словомъ *убогіе* разумѣлись тѣ и другіе, какъ объясняется древними памятниками, простонароднымъ и областнымъ употребленіемъ сего выраженія. Въ доказательство перваго словопроизводства послужишь великаго въ благочестивомъ смиреніи Архипаспыря Св. Димитрія Туптала *Духовная грамота*, гдѣ онъ именно такъ завѣщаетъ: „И аще мене ꙗко *нища* никшо же восхоцетъ обычному ꙗрепати погребенію, молю убо тѣхъ, иже ꙗвою смерть памятсвуютъ, да опвлечутъ мое грѣшное тѣло во убогій домъ, и

„тамо между прупіямъ да повергуть е.“ (16)—
Въ доказательствѣ же вѣсѣ послужитъ
намъ послѣдняго Патріарха Росс. *Адріана*
наказѣ поповскииѣ старосталиѣ, гдѣ именно
означается, кого должно хоронитъ на Убо-
гомъ дому: „А который челоѣкъ обѣсип-
ся, или зарѣжеться, или купаясь и похва-
ляясь и играя утонетъ, или вина опьеш-
ся, или съ качели убьется, или иную ка-
кую смерть самъ надъ собою своими ру-
ками учинитъ, или на разбоѣ и на воровствѣ
какомъ убить будетъ, и тѣхъ умершихъ
тѣмъ у церкви Божіи не погребать, и надъ
ними опѣвать не велѣтъ, а велѣтъ ихъ
кладати въ лѣсу, или на полѣ, кромѣ клад-
бища и убогихъ домовъ. Который чело-
ѣкъ на разбоѣ, или на воровствѣ будетъ
битъ, и пришлютъ для исповѣди къ отцу
духовному, и того разбойника или вора при
смерти исповѣдати, и по разсужденію отца
духовнаго, запасными дарами причаститъ, а
какъ онъ умретъ, и его положиши безъ
опѣванія въ городѣ въ убогомъ дому,
гдѣ такіежъ воры и разбойники кладутся.
Которые въ городѣхъ воры и разбойники
мужеска и женска полу по указу Великаго

(16) Сочиненія Св. Димитріа М. Ростовскаго I т. М.
1865—7, въ 4.

„Государя осуждены будущъ къ смертной казни, и тѣ воры и разбойники при смерти просить будущъ опцевъ духовныхъ, чтобъ имъ предъ ними исповѣдаться, и тѣхъ воровъ и разбойниковъ вельтъ попомъ исповѣдаться, и по разсужденію опцевъ духовныхъ, запасными дары причастить, и послѣ казни вельтъ ихъ класъ въ Убогомъ дому» (17).

Изъ преданій и лѣтописей значится, что на Убогихъ домахъ иногда хоронили и самоубійцъ; сіе подтверждается также грамошою Папріарха Філарета (за повѣка до Адріанова наказа), данною 1619 года Арзамаскому Спаскому монастырю (18). Упомянутая о сборѣ вѣчныхъ и похоронныхъ пошлинъ съ крестьянъ того монастыря, Священитель заповѣдывае: „похороняши имъ тѣхъ людей, надъ которыми учинится скорая смерть, кусомъ подавится, или кто кого ножемъ зарѣжетъ, или съ древа убьется, или утонетъ не купаючися, или оправною смертію умереть, а не самъ себя отправитъ, тѣхъ у церкви Божіей похороняши и надъ ними опщивати, какъ и надъ прочими хрістіаны; а который человекъ вина опьется, или удавится, или зарѣжется, или съ ка-

(17) Древн. Росс. Вивл. ч. XV. стр. 386, 1790 въ 8.

(18) Исторія Росс. Іерархіи. т. III, стр. 269.

„челѣй убьется, или купаючись утонетъ, или самъ себя отправитъ, или иное какое дурно самъ надъ собою учинитъ, и тѣхъ въ церкви Божіей не похороняти и надъ ними не оппѣвати, велѣти ихъ класти въ *убогихѣ домахѣ*, а похороннаго имати по гривнѣ.“ —

Вѣроятно, что это постановленіе было частнымъ, мѣстнымъ исключеніемъ, которое опчасти согласно было съ правиломъ церковнымъ, допускающимъ тогда только совершати моленіе надъ самоубійцею, *аще онѣ будетѣ во истину умѣ погубилѣ*. „Въ семъ случаѣ, какъ замѣчаетъ М. Минирополитъ Филаретъ, дозволено самоубійцу похоронитъ на такомъ кладбищѣ, каково Убогій домъ, гдѣ о погребенныхъ совершалось церковное моленіе“ (19).

Убогій домъ былъ также опальнымъ кладбищемъ, гдѣ хоронили казненныхъ, или умершихъ въ опалѣ. Тѣло Царя Бориса Годунова, погребенное съ честію въ Архангельскомъ Соборѣ, по приказанію Дмитрія Самозванца, вынуто изъ гробницы, и не въ двери, но чрезъ нарочно пробитое въ стѣнѣ Собора отверстіе выброшено и погребено въ единомъ опѣ *убогихѣ* монастырей — Московскомъ Варсонофьевскомъ (20),

(19) Мороз. Лѣтоп. въ *Жар.* Ист. Гос. Росс. т. XI.

(20) Труды Общества Ист. и Др. Росс. ч. III. кн. I. М. 1826, въ 8.

при коемъ находился Убогій домъ съ церковію, донынѣ состоящею, Св. Николая, что въ Звонаряхъ (21). Наконецъ, и трупъ Димитрія Самозванца, преемника Борисова, изъязвленный, обнаженный и обруганный народомъ, какъ ненавистные остатки злодѣя, опвезенъ въ Убогій домъ (гдѣ нынѣ Убожedomскій Покровскій монастырь); но дроги, на коихъ лежалъ Опрепѣевъ, не проѣхали въ ворота сего дома: по духу тогдашняго времени, епо приписали чуду — трупъ сняли съ дрогъ и спалили его въ яму Скудельни. Во время пребыванія Опрепѣева тѣла на Убогомъ дому, какъ тогдашній лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, видали надъ нимъ разные чудные и спрашные призраки, слышали вопли и завыванія; трупъ его будто являлся то за верспу предъ Убогимъ домомъ, то близъ онаго; къ епому выпалъ глубокій снѣгъ, насталъ холодъ и свирѣпствовали ужасные вихри (епо было въ Маѣ, 1606 года). Изъ чего тогда и заключили, что земля не принимаетъ Самозванца — и перевезли бездушные останки безпокойнаго мерзвца на Серпуховскую дорогу и въ мѣстечкѣ Коплахъ сожгли его и пепель разсыяли по

(21) *Мигурина* Планъ Москвы, 1739, и Путеводитель къ древностямъ и достопамяностямъ Московскимъ. М. 1792. 4 части, въ 12.

воздуху (22). И такъ, *убогими* назывались опальные, лишенные св. напутствія таинствами, оставленные безъ совершенія надъ ними обрядовъ оплѣванія въ церкви и не оплаканные родными. *Скудельница* собственно происходила отъ *села скудельница*, поля, гдѣ добывали глину, каковое, какъ видно изъ Евангелія, куплено было для погребенія спранныхъ; у Рускаго народа, по замѣчанію Доктора Богословія П. М. Терновскаго, сіе слово весьма хорошо могло бытъ употреблено для означенія мѣста погребенія *скудныхъ*, *убогихъ*, также по созвучію его съ словомъ *скуда*, убожество, скудость, и по сходству истощенной, бесплодной земли съ неимущимъ, скуднымъ человекомъ.

§ 2. О скудельницѣ въ первый только разъ упоминаетъ Новгородскій Лѣтописецъ 1250 года, что Архіепіскопъ Спиридонъ поставилъ въ Новгородѣ скудельницу у Св. Апостоль, въ ямѣ на Пруской улицѣ, выбралъ для смотрѣнія за оною человеколюбиваго мужа Станилу. Лѣтописецъ, говоря объ этомъ, по тогдашнему времени, полезномъ учрежденіи Спиридона, какъ о внушеніи Божіемъ,

(22) Дополненіе къ Дѣян. Петра I, часть I, стр. 294.

прибавляешъ слова: *и вложи Богъ въ сердце
благое творити Владыцѣ*. Тупъ же лѣтопи-
сецъ замѣчаетъ: „ини (во время голода) про-
„спаша чадъ рѣзаху люди живыя, и ядыху; а
„инныя мертвое трупѣ обрѣзывающее ядыху—
„и поставиша другую скудельницу конецъ
„Чюдницеѣ улицѣ, а та полна бысть.“ — Во
время сильнаго мора въ Смоленскѣ, 1251 года,
сдѣланы были чешыре скудельницы; въ двухъ
положено 16 тысячъ человекъ, въ третей
7 тыс., а въ четвертой 9 тыс. чел. (25).
При распространеніи Черной смерти въ Рос-
сиі, въ XIV в., спроились во многихъ мѣ-
стахъ скудельницы для погребенія погибшихъ.
Когда епископъ моръ посѣтилъ Псковъ: тогда,
по сказанію пуземнаго лѣтописца, „веледуш-
„ни, весь страхъ смертный отъ сердець
„своихъ отпринувше, безъ сомнѣнія, и чуждая
„мертвецы, или сироты и убогіи небрегомы,
„тѣхъ опрашывающе и износяще, погребяху
„и памяти по нихъ творяще службами и
„просвирами, спасенія ради себя и своихъ
„душамъ.“

Во время Новгородскаго мора 1467 года,
въ Неревскомъ концѣ, при Звѣринскомъ дѣви-
чемъ монастырѣ была близъ церкви Покрова
Богородицы *велія скудельница*. Архіепископъ

Іоаннѣ, по сказанію лѣтописи, слышалъ свѣще гласъ: *иди со кресты въ Неревской конецъ и престанетъ морѣ*. Послѣ молебна предъ явленою на скудельницѣ иконою С. Симеона Богопріимца, морѣ спалъ прекращаться. Во время Псковскаго мора, 1465 года, во всякомъ концѣ выкопаны были скудельницы, гдѣ клали мертвыхъ (24). Въ Софійскомъ временникѣ, подъ 1474 годомъ, упоминается о *селѣ скудельничеѣ* въ Москвѣ и при томъ повѣствуется слѣдующій замѣчательный случай: »Человѣкъ нѣкій во градъ Москвѣ ходивъ по обычаю къ селу скудельничу, иже имѣють гражане на погребеніе спраннымъ: »обычаи же имѣяху въ чепвергъ 3 недѣли »ходитьи тамо, и буняху шуто канонъ и »свѣща и молбу творяху о умершихъ (вкупѣ же и сей идяше) и загребаху спарую яму, »иже полную мертвыхъ накладену, а новую »ископаваху; шу же вси и копають и засыпають землю Бога ради, но вси гражане »мужи и жены. Сей же человѣкъ возьмъ въ »приполь земли изъ новыя ямы, да понесе »на ту спарую, и пѣснопы ради людскыя »спокѣнуса паде на земли, внезапно оглохну »и онѣме.« Мощи св. Θεогноста Митрополита въ Успенскомъ Соборѣ его изцѣлили. —

(24) Жарамз. II. Г. Р. т. V.

Въ Новгор. Лѣт. подѣ 1570 годомъ, когда случился моръ; упоминается, что въ Септѣмбріа, за городомъ у Рожества Христова на полѣ всѣмъ Новымъ городомъ, всѣми соборы опѣивали умершихъ надъ скудельницею и загребали скудельницу: а душъ въ этой скудельницы 10 тыс., а пунтъ былъ на провожаньи Иванъ Жгальцо, нищей спашецъ, который въ тѣхъ скудельницахъ погребаетъ. Когда въ голодный годъ на Дни, въ Холомогорахъ въ 1549 г. мерло много людей: тогда погребали мертвыхъ чловѣкъ по 200 или по 300 въ одну яму (25). Царь Іоаннъ Васильевичъ на мѣстѣ Скудельницы, или такъ называемаго *Рускаго кладбища*, гдѣ погребены были тѣла Рускихъ, падшихъ при осадѣ Казани; построилъ въ 1552 году Зиланцовъ монастырь (26). Когдажъ оно перенесено было на другое мѣсто: то прозвано *Убогимъ домомъ*; а нынѣ *Вязкой* отъ сросшихся тамъ вязовъ, или отъ вязкости. С. Даніилъ Прохасъевъ, крестный отецъ Царя Іоанна Васильевича; сперва жилъ въ Переславль-Залѣскомъ при Убогомъ домѣ, гдѣ въ Божедомской гробницѣ полагалъ съ подо-

(25) Опытъ трудовъ вольнаго Росс. собранія. ч. I. Москва 1774, въ 7.

(26) Исторія Росс. Іерархіи. ч. IV. М. 1812, въ 8.

бающимъ молитвословіемъ умершихъ разными бѣдами и поверженныхъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, опиносилъ въ нее на своихъ плечахъ, подобно Товіи (27). Также во время Московскаго мора 1604 г., по повелѣнію Царя Бориса, приставы ѣздили изъ улицы въ улицу, подбирали мертвыхъ, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлые саваны; обували въ красные копы и сотнями возили за городъ въ при *скудельницы*, гдѣ въ два года и чепыре мѣсяца схоронено было 127 тысячъ человекъ (28).

Кромѣ домашнихъ свидѣтельствъ, приведемъ здѣсь сказанія чужестранцевъ, описавшихъ намъ сіи учрежденія, для нихъ любопытныя. Принцъ Буххау, чрезвычайный Посланникъ отъ Императоровъ Максимилиана и Рудольфа къ В. К. Іоанну Васильевичу (29), замѣчаетъ, что „богатѣйшихъ людей Москвитяне хоронятъ въ склепахъ подъ церквами; для погребенія черни вырываютъ большую яму, въ которую, какъ скоро кто умретъ, кладутъ тѣло безъ обрядовъ и безъ покрытія онагоземъ:

(27) Рускій временникъ. 2 ч. Москва. 1820, въ 8.

(28) *Харамз.* И. Г. Р. т. XI.

(29) *Moscovise ortus et progressus*, autore *Daniels Printz a Bucchau*, Gubenaе. 1679. in 16.

„лею. Черезъ три или четьре мѣсяца, тамъ
 „строютъ домикъ (domunculam) и предають
 „прупы надлежащему погребенію при великомъ
 „спеченіи ближнихъ и сосѣдей, которые со-
 „провождаютъ ихъ плачемъ и воплемъ. Таковыя
 „церемоніи при жды въ годъ совершаются.“
 Сіе сказаніе подтверждаетъ и Флетчеръ
 именно такими словами: „Зимою же, когда
 „земля отъ холода отвердѣетъ такъ, что
 „нельзя рыть ямъ; всѣ прупы свозятъ на
 „общественное мѣсто, называемое *Божій*
 „*домъ*: тамъ онѣ замерзають отъ стужи;
 „по наступленіи же весны и по растаяніи
 „льда, всякой тамъ ищетъ между мертве-
 „цами своихъ родныхъ или знакомыхъ. При-
 „крывъ нагошу пруповъ своимъ плащемъ,
 „предаютъ землѣ и совершаютъ молитвы
 „объ усопшихъ“ и пр. (30).

Бывшій въ Россіи при Царѣ Алексіѣ Ми-
 хайловичѣ, Англичанинъ Сам. Коллинсъ пи-
 шетъ, „что убитыхъ и замерзшихъ при-
 „возятъ въ Земскій приказъ, къ которому опи-
 „носятся многіе такіе случаи, и тамъ

(30) Russia s. Moscovia, itemque Tartaria commentario to-
 pographico atque politico illustratae. Lugd. Bat. an.
 1630, in 16. — Сравни Сказанія современниковъ о Димши-
 рѣ Самозванцѣ. ч. I. Спб. 1831, въ 8.

„выставляющъ тѣла на при или чепыре
„дни. Ежели найдутся какіе либо родствен-
„ники или знакомые мертвыхъ: по увозятъ
„ихъ тѣла; въ противномъ случаѣ, они оп-
„сылаются въ большое подземелье со сво-
„дами, которое называется Божіимъ домомъ
„(Bokzy, или Boghzi Dome): тамъ складываютъ
„до 100 или 200 труновъ и оставляютъ ихъ
„до весны, а весною священники погре-
„баютъ оныя и засыпаютъ землю. Трид-
„цать дней послѣ погребенія, родственники
„приходящъ чипатъ Псалтырь надъ моги-
„лою, выспроивъ тамъ небольшой шалашъ
„для защищенія себя отъ непогоды“ (31). Та-
кіе шалаши или будки запрещено строить
при церквахъ, на гробахъ покойниковъ, ука-
зомъ 1725 г. Октября 26.

Самуилъ Кихель, въ концѣ XVI вѣка,
какъ очевидецъ, описываетъ Убогій домъ въ
Псковѣ: „Для погребенія мертвымъ нахо-
дится за городомъ кладбище, и бѣднѣйшихъ
кладутъ въ общую яму, выкопанную на че-
тверть часа ѣзды отъ города подъ кровлею
и, по наполненіи, засыпавъ оную, выкапыва-
ютъ возлѣ нея новую. При церквахъ же и въ

(31) The present state of Russia, illustred with many copper
lates. Lond. 1671, in 12.

церквахъ погребають только богатыхъ заклады“ (32). Къ етому описанію еще прибавляетъ онъ, что „трупы неизвѣстныхъ ии-
„дались въ известковую яму, для сего при-
„готовленную, гдѣ съѣдала оныя известь.“

Въ одной старой пѣснѣ, времени Императрицы Анны Ивановны, несчастный пѣвецъ такъ описываетъ жребій свой:

Ахъ! бѣда въ скудѣ, нѣтъ мѣста въ водѣ,
Вытащутъ опшоль, засушатъ, какъ моль,
Почнутъ, попрошутъ, чѣмъ кости сушить,
Да тѣмъ чередомъ и въ Убогій домъ;
Тамъ ночь велика, и до Семѣка.

§ 5. Кромѣ историческихъ воспоминаній въ лѣтописяхъ, грамотахъ Патриарховъ и Архіереевъ, указовъ Государей, и синодикахъ, кромѣ преданій, донинѣ существующихъ и самыя мѣста погребенія убогихъ, удерживающія и свое первобытное имя и слѣды могильныхъ насыпей: я говорю о церквахъ, монастыряхъ и урочищахъ — гласныхъ памянникахъ у Рускаго народа.

(32) Исторія Княжества Пековского. соч. М. *Ерсенія*.
Кіевъ. ч. I, 1831, въ 12.

Сверхъ выше упомянутыхъ Убогихъ Домовъ, въ Москвѣ есть улица, слывущая Божедомкою, при церкви Воздвиженія Честнаго Креста, или С. Іоанна Воина *на старыхъ убогихъ домихъ* (33). Вѣроятно, епо первая въ Москвѣ скудельница, о коей упоминается въ Соф. Времен. подъ 1474 годомъ; время построения тамъ первой деревянной церкви не извѣстно: думать надобно, что лѣтъ сто существуетъ нынѣшняя каменная, которую, по преданію, соорудилъ одинъ купецъ надъ прахомъ жены своей, доведенной болѣзнію до самоубійства. Какъ по описи значится, церковь епа имѣла довольно земли, смежной съ владѣніями Троицкой Лагвы; въ указѣ 1667 года, Дек. 2, мѣсто сіе названо *монастырь убогихъ доми*, что за Срѣтенскими, воротами, и огорожено было заборами. Еще послѣ 1812 года, видны были насыпи, или небольшіе курганы надъ тѣлами убогихъ и обвалившіеся могилы на полянѣ противъ церкви и въ саду нынѣшней Почтамтской больницы. На могилахъ

(33) *Мигурина* плачь Москвы 1739 г. — Въ житіи Св. Іоанна сказано, что предъ кончиною своею повелѣлъ „нѣ- „коему челоуѣку тѣло свое положить въ домъ, идѣже „странни и незнаеміи и нищии погребаются.“ По етому, конечно, и сооруженъ придѣлъ во имя сего Святаго на Божедомкѣ.

церкви въ Семикъ, по старой памяти, народъ садился семьями поминаль покойниковъ и праздновать честный Семикъ; теперь онъ сравненъ съ землею и путь проведена дорога. — Въ 1667 году, по указу Царя Алексія Михайловича монастырская, могильная и пашенная земля сего Убогаго дома близъ рѣчекъ Напрудной и Неглинной пожалована, по упрощенію Святѣйшихъ Вселенскихъ Паміарховъ, Московскому Греческому Николаевскому монастырю и о томъ дана владѣльная память (34). По близости съ Убожеской церковью Св. Іоанна Воина, бывшая въ самой Марьиной роцѣ, у стараго Нѣмецкаго кладбища деревянная церковь Лазарева Воскресенія, такъ равно и нынѣ находящаяся при роцѣ съ кладбищемъ каменная церковь сегожь имени, слывущъ на *Убогихъ Домахъ*, или на *Божедолицѣ*; а мѣсто самое празднованія Семика и даже гулянье называются *Тюльпою*. Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны Убогій домъ отъ церкви С. Іоанна Воина перенесенъ былъ къ Камеръ - Коллежскому валу на поле, между етой церковью и теперьшнимъ Лазаревымъ кладбищемъ, и потомъ уничтоженъ послѣ случившагося

(34) Собраніе Госуд. грамотъ, ч. IV.

тамъ разграбленія тѣлъ. Близъ сего мѣста въ 1812 году, вскорѣ по изгнаніи непріятелей, въ Марьиной рошѣ сожигали десятками и сотнями въ кострахъ человѣческіе и конскіе трупы, поднятые въ древней Столицѣ. — Покровскій Убожедомскій монастырь въ Москвѣ построенъ на комнатныя деньги Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, который въ 1647 году возобновилъ и Новгородскій Рождественскій монастырь, что на полѣ у скуделенѣ. — Кромѣ прежде означенныхъ мѣстъ въ Москвѣ, есть еще въ Пречистенскомъ сѣрокѣ церковь Нерукотвореннаго Спаса, зовомая *Божедомская*, или *Пятница Божедомская*, и Андреевскій монастырь, что нынѣ приходская церковь *Воскресенія Хрістова во Плѣницахѣ*, и пр.

Никонъ Патріархъ, желая сохранить въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ (Воскресенскомъ монастырѣ) память о всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстахъ Святой Земли, наименовалъ одно село въ окрестностяхъ любимаго имъ монастыря *Скудельницкиѣ* (35).

Въ другихъ городахъ Россійскаго Государства еще уцѣлѣли божедомскія церкви и

(35) Ист. Росс. Іерархіи. т. II. стр. 309.

монашпыри и даже остатки самыхъ Убогихъ домовъ, такъ равно сохраняется преданіе о бывшихъ при семъ обрядахъ. Наименуемъ нѣкоторые изъ оныхъ. Остатки упоминаемаго Св. Димитріемъ Росиновскимъ Убогаго дома еще и донынѣ существуютъ въ Росиновѣ, въ Лазаревскомъ приходѣ, 2 квартала, внѣ города. Въ Ярославлѣ еще (1825 г.) видны были ямы Убогаго дома, наполненныя коспами человѣческими, кои размыты дождемъ, или раскопаны при доставаніи песка изъ рыпвинъ; это при церкви Владимірскія Богоматери, въ Рыбинскомъ переулкѣ; отсюда кладбище, по свидѣтельству старожиловъ, въ первые годы царствованія Екатерины II, перенесено къ церкви С. Леонтія Чудотворца, куда ежегодно 25 Мая, въ воспоминаніе прежняго крестнаго хода на Убогіе дома, бываесть изъ Собора крестное жъ хожденіе. — Въ Нерехтѣ у самого города естъ лугъ съ восточной стороны, называемый *Пахоміевскою поляною*, гдѣ находилсѣ каменный столпъ въ память бывшей здѣсь церкви С. Пахомія съ 1592 г. и уничтоженной вмѣстѣ съ уничтоженіемъ Убогихъ Домовъ. На этомъ мѣстѣ существовалъ *Божедоловоѣ дворѣ*, куда свозили замерзшихъ, унопленниковъ и умершихъ безъ покаянія, въ вырытой ямѣ погребали при многочудномъ спеченіи жишелей изъ окружныхъ селеній, а въ церкви опи-

правлялась заупокойная обѣдня. Теперь здѣсь собираются дѣвицы на Семикъ (36). Какъ въ Нерехтѣ, такъ и въ Коспромѣ поджидывали на Убогіе дома зазорныхъ дѣтей. Предъ Семикомъ Божедомъ съ своими воспитанниками собиралъ милостыню, возя малолѣтнихъ изъ нихъ на плече; подѣзжая къ обывательскимъ домамъ, онъ припѣвалъ: „К—нъ, сынъ бапья, к—на дочь мапья, узнай свое дитяшко, подай ему милостыню!“ Иногда выискивались родители или сродники, и изъ рукъ Божедома брали себѣ дѣтей въ Богданы. *Божедолюбъ*, *Богорадный*, или *Божитой* въ областномъ нарѣчьи значить не только воспитатель незаконнорожденныхъ дѣтей (Богдановъ), но и вообще крестный отецъ. Близъ Устюга великаго, при Иоанно-предпеченскомъ дѣвичьемъ монастырѣ есть сосновая роща, гдѣ попадаются множество холмиковъ, означающихъ *многогробичное* мѣсто; еша роща, по преданію, выросла на Убогомъ Дому, гдѣ надъ могилами усопшихъ знакомые и родные сажали по молодой соснѣ въ знакъ памяти. Туда-то и донныя собираются приходскіе священники о Семикъ пѣтъ паннихиды; послѣ чего во мно-

(36) Записка М. Я. Діева изъ Сыпанова.

жеспиѣ шуда стекшійся народъ гуляетъ въ Семиѣхъ подѣ шѣнио сосенѣ печальной роци (37).

Въ Вологдѣ естѣ весеннее гулянье, называемое *Поляною* отѣ поляны, на коей съ незапмятныхъ временѣ донынѣ народъ празднуетъ Семиѣхъ; на семь-то мѣстѣ, по свидѣтельству Митрополита Еггенія, былъ Убогій домъ или погребѣ, въ который черезъ цѣлый годъ бросали шѣла самоубійцы; и въ Троицкую недѣлю, по обычаю другихъ городовъ, шуда бывалъ крестный ходъ съ опшѣваніемъ паннихиды надѣ погребенными; послѣ чего клали шѣла въ вырышую яму и засыпали землею, а на будущій годъ выкапывали новую (38). Такъ какъ при оныхъ домахъ иногда строились особыя церкви, а иногда часовни для пристанища крестному ходу: то и на полянѣ въ Вологдѣ была деревянная часовня. Ешту часовню другой неизвѣстный изыскатель (39) выдаетъ за каменный съ деревянною кровлею голбчикѣ, сооруженный надѣ шѣлами *двухѣ витязей Бѣлоризцевѣ*, по преданію на родному, доблѣспвенно подвижавшихся во

(37) Съверн. Арх. 1824, No 17.

(38) Съверн. Вѣстн. 1804, No 11.

(39) Вѣстн. Евр. 1813. No 17, и 1814 No 15.

время нашествія Литовцевъ, и скороненныхъ на скудельницѣхъ, гдѣ погребались не столько самоубійцы, сколько умершіе насильственною смертію.

Въ Новгородѣ великомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился Рождественскій монастырь *на скудельныхъ*, или *на полѣ*, оспалась одна древняя каменная церковь во имя Рождества Христова, а другая, каменная во имя Св. Николая, 1766 года, построенная надъ прахомъ Князей Василія Лукича и Ивана Алексѣевича Долгорукихъ, тамъ казненныхъ въ царствованіе Анны Ивановны. Туда съ давнихъ лѣтъ ежегодно въ Семикъ совершается изъ кладбищенской церкви крестный ходъ послѣ обѣдни. По прибытіи на мѣсто, поютъ общую канѣихиду о здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ. Послѣ того, обходящъ все кладбище при пѣніи стиховъ: *плату и рыдаю*, а потомъ *не рыдай Мене Мати*. — Нѣко Корнилій Брагинъ въ 1619 г. построилъ въ Курскѣ Божедолскій монастырь, нынѣ упраздненный (40).

Въ прехъ верстахъ отъ Вязьмы, на скатѣ горы, при рѣчкѣ Русянкѣ, влѣво отъ большой Смоленской дороги, сноймъ дере-

(40) Исторія Росс. Іерархіи, т. III.

вянная старая часовня, извѣстная памѣ подъ именемъ *Убогаго дома*, гдѣ погребались самоубійцы и спранники.

Существованіе и въ другихъ мѣстахъ Россіи подобныхъ кладбищъ свидѣтельствуемъ, что онѣ были въ ней издревле повсемѣстными.

Касательно Убогихъ домовъ замѣчательны также Указъ, данный во 2й день Іюля 1748 года Сенату Императрицею Елисаветою Пепровою: „Понеже Нашъ Дворецъ въ Москвѣ на „Яузѣ рѣкѣ близъ Нѣмецкой Слободы имѣется, „въ которомъ Мы, въ наше присутствіе въ „Москвѣ, всегда пребываемъ, а въ Нѣмецкой „Слободѣ и близъ оной при церквахъ, кои „при самыхъ проѣзжихъ улицахъ имѣются, „кладбища мерныхъ пѣлъ, особливо же въ „слободѣ въ *склепахъ незасыпанные землею*, „кои хотя прежде и дозволено было; но „тогда оная слобода была въ опідаленіи отъ „жилыя въ краѣ къ пустымъ мѣстамъ и „нынѣ между Нашимъ Дворцемъ въ срединѣ „бысть спала и для того погребенію мерт- „выхъ пѣлъ весьма тупъ бытъ не прилично „да и опасно; и того ради Повелѣваемъ: какъ „въ Нѣмецкой слободѣ, такъ и близъ оной „при церквахъ, кои на проѣзжихъ большихъ „улицахъ имѣются, отъ сего времени мерт- „выхъ не погребать и старыя всѣ могилы

„заровнять и склепы, незасыпанные, землею,
„засыпать; а впредь въѣхъ приходовъ обы-
„вашамъ мертвыхъ своихъ погребать въ
„полѣ и для того отвести удобныя мѣста
„за Мѣщанскою слободою, гдѣ имѣются Убо-
„гіе доли въ сторонѣ отъ проезжихъ боль-
„шихъ дорогъ и въ отдаленіи отъ жилья,
„по разсмотрѣнію, а для Русскихъ, гдѣ опи-
„вается; поспроить церковь небольшую
„на Нашъ кошты, чтобъ не въ полѣ, но при
„церкви по Хрістіанской должности оныя
„погребены были.“ — При етой же Госуда-
рынѣ въ 1744 году ввѣщенъ былъ въ Сенатъ
Главной полиц. Канцеляріи Членъ *Молга-
новъ* и взнесъ оной Канцеляріи доношеніе,
которымъ требовалъ, чтобъ „на Убогоиъ
„доли, который близъ Марьиной рожи, для
„погребенія мертвыхъ тѣлъ анбаръ испра-
„вить, за неимѣніемъ въ Полиціи на то дѣло
„денегъ, отъ Губерніи Московской съ Духов-
„ною Дикаствіею. Указомъ Сената 22 Маія
„того 1745 г. предписано: анбаръ построить
„и впредь починивать Моск. Губернской Кан-
„целяріи изъ неокладныхъ доходовъ той Гу-
„берніи“ (41).

(41) По указанію ученаго любителя отечественныхъ древ-
ностей, П. В. Шереметевскаго.

Но послѣ Московской чумы 1771 г. указами запрещено было повсюду вырывать для самоубійцъ и скоропоспѣжно умершихъ годовыя ямы; съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожились и Божedomскіе сараи и прекращены крестныя ходы на такія мѣста, на коихъ хоронили не только *убогихъ* — умершихъ внезапною смертію, убитыхъ, опальныхъ, казненныхъ, иногда самоубійцъ, но даже иногда онѣ служили воспитательными домами, гдѣ призираемы были Божedomами подкидыши. Но по тому отвращенію, какое издревле Рускіе имѣли къ иновѣрцамъ, почиаемымъ погаными, нечистыми, едва ли вполне справедливо мнѣніе Карамзина, чѣобы на Убогихъ домахъ *погребались тѣла всѣхъ иноземцевъ* (42): они имѣли особенное кладбище, коего остатки существуютъ донынѣ въ Марьиной роцѣ и близъ Донскаго монастыря. Иногда же хоронили тѣла чужеземцевъ на Убогихъ домахъ только при особенныхъ случаяхъ, какъ видно изъ Беровой лѣтописи (43) — и это было исключеніемъ изъ общаго правила. Въ царствованіе

(42) Карамз. И. Г. Р. т. VII.

(43) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. I. Спб. 1831, въ 8.

Анны Ивановны донесъ Св. Синоду 1750 г. Мая 22го Иродіонъ, Епископъ Черниговскій и Сѣверскаго Новгородка, что Мекленбургскаго корпуса начальники и подначальные, пѣла умирающихъ между ими Лютеровъ, Кальвиновъ и прочихъ иновѣрцевъ, не хотя погребашъ внѣ городовъ и сель въ *опредѣленныхъ мѣстахъ*, самовольно хороняшъ при церквахъ и дѣлаюшъ подъ сими *каменныя капища*. Указомъ предписано было капища сломать.

Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ видно, что Убогіе дома въ Россіи были *постоянные и временные*; послѣдніе, какъ выше замѣчено, обыкновенно устраивались въ случаѣ мороваго повѣтрія, голода и нашествія враговъ, чтобы предохранить живущихъ отъ заразы, а пѣла усопшихъ отъ поруганія и чтобы исполнить долгъ Хрістіанскій преданіемъ оныхъ землѣ съ церковнымъ молитвословіемъ. Они собственно занимали средину между *погостомъ* или *кладбищемъ*, гдѣ погребались удоспоевшіеся Хрістіанской кончины, и *полемъ* и *лѣсомъ*, гдѣ хоронились отверженные Церковью; ибо наша Церковь самымъ мѣстомъ и обрядомъ погребенія усопшихъ постановила различіе,

назидательное для живущихъ. Въ учрежденіи
ежегоднаго общаго поминовенія убогихъ вид-
но макиеринское сердоболіе Церкви, моля-
щейся за *поминающихъ убогихъ* (41), также
благочестіе и Хрістіанское милосердіе Ру-
скаго народа, у котораго существовалъ
ещеиъ обычай сполько вѣковъ.

(41) Въ пѣніе *Достойно* чипается священникомъ въ молищѣ:
καὶ μεμνημένων τῶν πενήτων.

IV.

ВЬЮНИШНИКЪ.

Такъ въ Нижегородской губерніи, въ Семеновскомъ уѣздѣ называютъ субботу на Святой недѣлѣ. День ещѣ празднуется въ честь молодыхъ супруговъ, обвинявшихся въ теченіе прошедшаго года. Собравшись съ разсвѣтомъ въ концѣ деревни, молодежь идетъ къ ихъ дому, и, приближась къ нему, начинаютъ пѣть:

Какъ въ деревнѣ во Ильинской
У Ефима молодца,
Что стоялъ шуть теремъ
Со крушымъ верхомъ,
Со косячатымъ окномъ.
Противъ краснаго крыльца,
Прошивъ косячатаго окна,
Выросло деревце прехъ-угодливое.
Что во шомъ ли шерему
Дубовы столы стояшъ,
Дубовы столы стояшъ,
Бранны скашертни лежатъ;
На шѣхъ ли на шолахъ.
Медвяны яшвы стояшъ.

За тѣми ли сшолами
Князья, бояре сидяшъ ;
Медвяны яствы ѣдашъ,
Сахарныя пишья пьюшъ.
Се кашайшеса, бояре ,
Со высока терема,
Не сшибите деревца,
Трехъ-угодливаго.
Еще первая угода
Подъ корень деревца,
А другая - то угода —
Посередъ деревца,
А третья - то угода,
Подъ вершину деревца.
Подъ вершиной деревца
Соловей гнѣздо вьешъ,
Онъ и лица несешъ,
Молодыхъ дѣтокъ ведешъ.
Посередъ деревца,
Пчелы ярыя шумяшъ,
Много меду наносяшъ.
Подъ корень деревца
Кровать нова песова,
Перинушка пухова;
На шой ли кровашушкѣ,
Ефимушка лежишъ,
Съ молодой своей женой
Со Оксиньюшкой душой.
А у нихъ въ головахъ

Звончашы гусли лежатъ.
И кому въ гусли играть,
Кому пѣшишься?
Играшь въ еши гусли
Ефиму молодцу,
Ему пѣшишь, ушѣшаешь
Молоду свою жену,
Оксиныюшку душу.
Чѣмъ васъ молодцовъ
Спанушь жаловати?
Пивомъ, ендовой или спкляницей вина,
Или золошой казной?
Ничего намъ не подашь,
Мы со двора пойдемъ,
Мы осердимся.
Три бѣды мы сокуримъ :
Первую бѣду:
Вороша мы расшворимъ,
Коней пару уведемъ;
А другую-то бѣду:
Избы двери расшворимъ,
Мы гостей ознобимъ.
Третью-то бѣду :
Во шеремъ зайдемъ,
Мы заслонъ унесемъ,
Во печи осудимъ,
Гостей оголодимъ,
И васъ молодыхъ
На стыдъ наведемъ.

Пѣсня еѣа поется до пѣхъ поръ, пока молодые не подадутъ имъ въ окно вина и денегъ. Вино потчасъ выпивается, а деньги бережъ старшій подъ сохраненіе. Послѣ еѣго поютъ слѣдующее благодареніе:

Еще здравствуй, молодой
Съ молодой своей женой,
И спасибо тебѣ, хозяинъ,
На жалованьи!

Припѣвъ.

Вьюнецъ молодецъ, молодая,
Вьюнецъ молодецъ — молодая,
Вьюнецъ молодецъ — молодая,
Вьюнецъ молодецъ — молодой!

Такимъ образомъ, обойдя молодыхъ въ своей и окрестныхъ деревняхъ, къ вечеру всѣ партіи собираются въ какое нибудь село, гдѣ есть питейный домъ, на собранныя деньги покупаютъ вина, пряниковъ и веселятся по-своему, то есть играютъ съ дѣвками въ хороводахъ, борются и дерутся на кулачкахъ (5).

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ВЫПУСКА.

	страниц.
1. Встрѣча весны	1—16
2. Красная горка	17—46
Игры и пѣсни	29—46
3. Радуница	47—54
4. Первое Апрѣля	55—61
5. Свистопляска	62—64
6. Юрьевъ день весенній	65—80
7. Первое Мая	81—92 ✓
8. Праздникъ кукушекъ	93—98
9. Семиць :	99—116
Семицкія пѣсни	117—126
10. Троицынъ день	127—140 ✓
Троицкія пѣсни	141—153

Дополнительныя статьи.

1. Власьевъ праздникъ	154—160
2. Вербная суббота	161—176
3. Убогіе дома	177—210
4. Вьюнишникъ	211—214

П Р И В А В Л Е Н І Я.

Къ стр. 77. Въ числѣ книгъ ложныхъ писанія помѣщено:
Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана Царя мучень.
см. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, изд. К. К. Москва, 1824,
въ листъ, стр. 210.

Къ стр. 116. Въ селѣ *Туровскомъ*, близъ Галича, най-
денъ въ 1836 г. небольшой идолъ, вылитый изъ красной
мѣди, мѣдная головка идола, мѣдный ножъ и изображе-
ніе животнаго: сіи вещи теперь хранятся въ Обществѣ
Исторіи и Др. Росс. По преданію, на горѣ надъ Галицкимъ
озеромъ существовало капище Турово.

П О П Р А В К И.

Напечатано:

Чинпай:

стр. 48 Естовъ

Фининовъ и Мамышей Балтійскихъ.

— 99 tölte

töltä

— 176 школы,

школы
